

ОГЛАВЛЕНИЕ

Золотарев Андрей Борисович ОДНАЖДЫ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ.....	7
Снитко Анастасия Андреевна ПАРТИЗАНЫ ДМИТРИЕВСКОГО РАЙОНА.....	17
Снитко Павел Андреевич ХРОНИКА ОДНОГО БОЯ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ СТАВРОПОЛЬЯ.....	20
Афашков Ислам ПАМЯТЬ ЖИВА	24
Толстых Данил Андреевич Я ЧАСТО ДУМАЮ О ТОМ.....	30
Файферт Роберт РАЗГОВОР С СОЛДАТОМ.....	32
Солиева Бахринисо Алишеровна ДВА БРАТА.....	34
Алдашева Гульжанат Максutowна СТРАНИЦА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ.....	36
Комина Виолетта ЧЕТЫРЕ КРАСНЫЕ ГВОЗДИКИ.....	39
Канева Дарья ВОСПОМИНАНИЕ.....	41
Аблаев Бекир Абкеримович ИСТОРИЯ ОДНОЙ НАГРАДЫ.....	46
Макарова Светлана Викторовна ВРАЖЕСКАЯ ФИНКА.....	50
Васькин Тимофей Геннадьевич Я БЛАГОДАРЕН ВЕТЕРАНАМ!!!.....	53
Белюсов Александр Олегович ПАМЯТИ САНИНСТРУКТОРА КСЕНИИ СЕМЁНОВНЫ КОНСТАНТИНОВОЙ.....	54
Бирюков Арсений Анатольевич РУССКИЙ ВОИН – ПРОСТОЙ ПЕШИЙ РЯДОВОЙ.....	57
Воробьева Кристина Игоревна ПОСЛЕ ВОЙНЫ РУБАШКА НЕ НУЖНА.....	63
Капралов Михаил СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ.....	73
Кадомцева Елизавета Сергеевна МОЙ ПРАДЕД.....	77
Вараашкина Елизавета СОЛДАТ ПОБЕДЫ – НИКОЛАЙ МАГАЗ.....	79
Зобнина Светлана ПАМЯТНИК ЗЕМЛЯКАМ.....	83
Торшхоева Фатима Эдуардовна ГЛЯЖУ В ГЛАЗА И ВИЖУ СИЛУ.....	85
Кустовская Ольга Сергеевна ДИМКА АНДРЕИЧ.....	87
Романеева Нина Сергеевна УЧИТЬСЯ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ.....	89
Анисимов Святослав ПРАДЕД.....	92
Феллер Эмилия Андреевна И БЫЛО МНЕ ТОЛЬКО ЧЕТЫРНАДЦАТЬ.....	94
Евстегнеева Злата Олеговна ИСТОРИЯ В ЗАПИСКАХ.....	96
Мишукова Полина МОЙ ПРАДЕД – ВЕТЕРАН.....	102
Гутнев Ян Павлович ПИСЬМА ИЗ 43-ГО.....	104
Куликов Олег Алексеевич МОИ ГЕРОИ.....	108
Вараашкина Анастасия Николаевна МНЕ ЕГО ТЕПЕРЬ НЕ ЗАБЫТЬ.....	110
Халметов Аскад РАЗВЕДЧИКИ.....	115
Джаванян Валерий Николаевич СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА	116
Атабиева Жаннет Магометовна А ЖИТЬ ЕЩЕ ХОЧЕТСЯ.....	120
Моисеева Юлия ДРАГОЦЕННЫЙ ЭКСПОНАТ.....	125
Журкина Алёна БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ.....	127
Дмитриева Анастасия ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ.....	129
Пятьшшева Александра МОЙ ДЕДУШКА – ОТВАЖНЫЙ СОЛДАТ.....	131

Попова Милена	ПОБЕДНЫЙ ЧАС.....	133
Лазарева Анарина	ПРАДЕДУШКА МОЙ ОПАЛЁННЫЙ ВОЙНОЙ.....	135
	ПОБЕДА ПРАДЕДА – МОЯ ПОБЕДА.....	136
Аверин Николай	МОЙ ПРАДЕД – ОТВАЖНЫЙ СОЛДАТ.....	139
Чеснова Наталья Андреевна		
	МОЙ ПРАДЕД БЫЛ УЧАСТНИКОМ ВОЙНЫ.....	141
Рокотянская Виктория Алексеевна	СПАСИБО ДЕДУ ЗА ПОБЕДУ!.....	144
Садкова Арина	ЖЕНЩИНЫ НА ВОЙНЕ: ПОДВИГ И ТРАГЕДИЯ.....	149
Полуднева Мария Алексеевна	В ПРАЗДНИК СВЯТОГО НИКОЛАЯ.....	156
Харланова Ксения	ОТ СТАЛИНГРАДА ДО СТАЛИНГРАДА.....	158
Дудыгина Влада Валерьевна	ВЫ ЖИЗНЬ ОТДАЛИ.....	163
Денисов Юрий	ЧТО, ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА?!.....	165
Арипшев Алубекир Юрьевич		
	АРИПШЕВУ АБУБЕКИРУ МАЖИДОВИЧУ, МОЕМУ ПРАДЕДУ, ПОСВЯЩАЕТСЯ... ..	166
Смирнова Мирослава	ТРИ МЕСЯЦА ВОЙНЫ.....	173
Поправка Кристина Анатольевна	ЖИЛ В СЕЛЕНИИ МАЛЬЧИК.....	176
Бакаева Александра Руслановна		
	НА МИГ ПРЕДСТАВЬ СЕБЕ: ТЫ – СРЕДИ НИХ.....	183
Демьяненко Евгений Анатольевич	ЗВЕЗДА «ПОБЕДА».....	184
Молодцова Маргарита Хосрововна	ДЕТИ ВОЙНЫ.....	186
Усанин Никита	УШЛИ НА ФРОНТ.....	188
Раевский Сергей	«ВОТ И КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА...».....	189

ОРИГИНАЛЬНЫЙ СЮЖЕТ

Имангулова Адели Ильдаровна	О ЧЁМ МОЛЧАТ СОБАКИ.....	191
Алленов Григорий Михайлович		
	«О ЧЁМ ПОВЕДАЛ ОДИНОКИЙ ТАНК?».....	231
Скорород Ольга	ОНИ СПОСОБНЫ НА БОЛЬШЕЕ.....	236

*Проба
пера*

Золотарёв Андрей Борисович родился в городе Санкт-Петербурге в 2002 году. Ученик 7 класса общеобразовательной школы № 86. Сочиняет сказки и рассказы с 3 лет. Участвует в различных литературных конкурсах городского, российского и международного уровня. Печатался в книгах, журналах и газетах.

ОДНАЖДЫ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Рассказ посвящается памяти Василия Васильевича Конюхова. За участие в боевых действиях он был награждён: орденом Красной Звезды, орденом Славы III степени, орденом Отечественной войны II степени, медалью «За Оборону Советского Заполярья», медалью «За Победу над Германией», медалью «За Победу над Японией».

До Победы из участников моего рассказа дожили только двое – Конюхов и Лукин.

Конюхов Василий Васильевич скоропостижно скончался летом 1976 года. Похоронен в селе Лаврентия Чукотского района.

Конюхов Василий Васильевич – отец учительницы русского языка, учившей моих родителей – Андреевой Людмилы Васильевны. Своего первого сына Людмила Васильевна назвала в честь своего отца.

Стояла поздняя осень сорок третьего года... На Кольском полуострове уже две недели лежал снег. Он, как белая скатерть, лежал в тундре на сопках, и только редкие низенькие деревца чернели на его фоне. Все стебельки и веточки были видны на белом снегу.

Шёл третий год войны. Третий год в тяжелейших природных условиях арктической тундры велась позиционная, изматываю-

щая война между русскими войсками и немецкой армией «Норвегия». В состав этой армии входили немцы, финны, норвежцы, австрийцы и венгры. Отдельную бригаду составляли альпийские горные стрелки, специально обученные для ведения боя в горной местности. Они были отлично экипированы, как настоящие альпинисты: имели палатки, спальные мешки, рюкзаки, горные ботинки, ледорубы. Малые группы горных стрелков захватывали сопки и высоты, а дальше солдаты армии «Норвегия» на этих высотах и рядом с ними ставили свои батареи с артиллерийскими гнёздами, строили каменно-земляные сооружения, устанавливали миновзрывные и проволочные заграждения, прокладывали каменные дороги. В каменных сопках фашисты расширяли пещеры и рыли тайные ходы, строили бункеры, доты и дзоты. Они очень хорошо знали особенности жизни в тундровых условиях и сразу же стали использовать наравне с машинами такой транспорт, как собачьи и олени упряжки.

Здесь проходил самый северный участок фронта. И это был единственный участок, где фашисты не смогли перейти нашу сухопутную границу, несмотря на то что русских солдат и боевой техники катастрофически не хватало на этом участке длиной около 1600 километров. Русские солдаты третий год вели изматывающую врага войну. Была глухая оборона...

Этот восход полярного солнца бойцы 72-ой отдельной горнострелковой Краснознамённой ордена Красной Звезды бригады встретили, как и четыреста предыдущих восходов, в своих землянках, над которыми навис глубокий бело-серый туман.

Старший сержант Конюхов, солдат двадцати двух лет, вылез из тёплой землянки по бревенчатым ступенькам, неслышно ступая ногами в валенках. Воздух был промозглым, сырым, зябким, и, несмотря на телогрейку и ватные брюки, Конюхову как-то сразу стало зябко, видно, после тёплой землянки. Он надел на шапку-ушанку каску, аккуратно переступил через старую автомобильную колею и направился, по привычке пригибаясь пониже к земле, по тропинке, по мелколесью, по небольшому участку заснеженной тундры к речке за водой. Котелки позвякивали в его руках, но густой туман душил все звуки. Вскоре послышался шум каменистой речки, не замерзшей на перекатах, со странным

названием Западная Лица. Осторожно спустившись со скользкого берега, хватаясь за редкие кусты карельских березок руками, он наступил на плоский мокрый камень. С этого камня обычно набирали воду для питья. Василий Конюхов немножко постоял, прислушался, прищурил глаза и посмотрел на противоположный берег речки. Ничего и никого не видно... Солдат поставил котелки на камень, присел на корточки и, зачерпнув воду руками, быстренько умылся. Он плеснул в лицо ледяную воду и вспомнил уральскую горную речушку неподалеку от его деревни. Совсем мальчишкой Вася с ребятами бегал на неё купаться летом. Вода в речке была чистая-чистая, видны были все камешки на дне. Как и здесь...

Набрав полные котелки студеной воды, осторожно, чтобы не расплескать, он выбрался на берег и пошёл обратно. Шёл и думал о матери, о том, что она вот уже несколько месяцев не получает от него писем. А как отправишь письмо, если сюда, на их участок, по тундре, никакой почтальон не доберётся?

Туман начал рассеиваться. Сквозь седые облака пробился тусклый лучик солнца. Было очень тихо, тишина вокруг стояла какая-то стеклянная, и сержант вдруг подумал:

– Ничего на свете нет лучше этой тишины...

И тут же тишина рассыпалась. Он не заметил лежащий около окопа бронешиток, споткнулся и как будто пробудил к жизни все звуки. И сразу начался обычный день – с грохотом пушек, канонадой выстрелов и разрывами снарядов.

Василий Конюхов спустился в свою землянку. В помещении было тепло и влажно. Пахло солдатским потом. Огонь в самодельной железной печке уже пылал. Печку-буржуйку солдаты сделали из подручных материалов: в большой металлической бочке изпод горючего вырезали отверстие для трубы и окошко для дров. Над бревенчатым полом бочку приподняли при помощи плоских камней. А трубу вывели через крышу в «три наката» и отвели её подальше от землянки в сторону, чтобы фашисты не смогли прицельно попасть в землянку снарядом.

За дощатым столом сидел и что-то писал на листе бумаги при свете коптилки командир бригады разведчиков лейтенант Александров. Разведчики между собой называли его «батя», хотя

Александрову едва исполнилось двадцать три года. На бревенчатых лежанках сидели в ожидании распоряжений командира четверо разведчиков.

Василий поставил котелки с водой на горячую печку, снял каску, шапку и маскхалат, повесил на крючок рядом со своей лежанкой и сел рядом со своим лучшим другом Петром Лукиным.

Командир закончил писать и повернулся к разведчикам:

– Связисты получили утром сообщение о положении обороны наших войск на Карельском фронте. Фашисты рвутся к Мурманску. Им нужен порт, нужна Кировская железная дорога, связывающая север со всей страной. Альпийские егеря захватили расположенную неподалеку от нас Курдюк-сопку ещё в прошлом году и до сих пор их не удалось оттуда выбить. Сопка в окружности километров пятьдесят, наверное. Фашистские егеря укрепились на ней, обзор у фрицев хороший, на десятки километров видимость как на ладони. Они эту сопку крепостью непревзойденной считают. Перед нами поставлена задача: разведать подступы к этой крепости. Километров на сто, а то и больше углубиться в тыл врага, разведать дороги, добыть данные о концентрации войск. Подступы к Курдюк-сопке замаскированы. И доты, и дзоты – всё под цвет тундры. Вопросы есть?

– Какое отделение пойдёт на задание? – спросил Конюхов.

– Пойдет несколько групп. Основная задача твоей группы, Вася, взятие языка, ну и разведка. Каждая группа будет выполнять свою задачу. Ты будешь в группе захвата, небось не привыкать по уральской тайге на медведя ходить?

– Ну, сам-то я не ходил ни разу, а вот отец – известный охотник, – заулыбался крепкий, косяя сажень в плечах, Василий.

– Лыжи надо подготовить, – подошёл к закипевшему на печке котелку Воропинов. Он был самым старым среди разведчиков и самым основательным по части хозяйственных вопросов. Родом Иван Воропинов был с кубанских земель, где ленивому крестьянину трудно прожить.

– Я думаю, дней десять у вас уйдет на эту операцию. Получите сухой паёк, подготовьте оружие, лыжи, одежду, – перечислял Александров.

– Со мной пойдут Петров, Лукин, Захаров, Воропинов и Ефи-

мов. Выходим сегодня ночью. А сейчас пьем чай и начинаем подготовку к боевому заданию, – тут же приступил к исполнению приказа командира Конюхов.

Шесть разведчиков в белых масках шли на лыжах, один за другим, след в след. Было очень холодно, но от разгоряченных тел валил пар. Стояла тишина, её нарушало только шумное дыхание разведчиков. Скоро лыжники приблизились к Западной Лице. Чуть ниже по течению по схваченному льдом плесу бойцы перешли на другую сторону речки. Дальше пошли на лыжах по тундре вдоль реки в сторону Баренцева моря, чтобы успеть до рассвета пройти самые опасные участки. Решили основные переходы делать по ночам, чтобы не засветиться перед врагом, а в короткое светлое время прятаться в укромных местах, отдыхать, наблюдать за местностью в бинокль, делать пометки на карте. В первые дни с низкого неба, затянутого серыми неподвижными тучами, сеяло мелким снежком, а через два дня снег повалил тяжёлыми мокрыми хлопьями.

Следующей ночью шли вдоль самого края берега Баренцева моря. Ступать надо было осторожно, чтобы не сорваться с берегового обрыва или не напороться на колючую металлическую проволоку. Справа – океан, тяжёлые волны которого, перемешанные со снегом, лениво наползали на берег, и, шурша галькой, медленно откатывались назад, оставляя на берегу снежное кружево на кромке прибоя; слева – чёрная каменная стена. На третье утро вдали показались каменные останцы – нойды. Разведчики уже знали, что это колдовские камни древних шаманов.

– Немцы проложили дорогу около «шаманских» столбов, возят по ней на Курдюк- сопку боеприпасы и продовольствие, – сказал командир Конюхов во время очередной «дневки». Он вытащил из вещмешка карту местности и блокнот с карандашом.

– Вот смотрите, – и провёл по листку выгнутую линию, – это дорога. Вот здесь можно устроить обвал, – он пометил это место. – Точками обозначим место нахождения группы засады и группы наблюдения. Вот здесь, – командир быстро расставлял ориентиры, – наблюдатель.

И разведчики, внимательно смотревшие на план командира,

увидели такую картину: машина, которую они ждали, оказалась в кольце.

Белёсый туман стелился над тундрой. Видимость – ноль. Разведчик в белом маскхалате лежал на небольшой горке в снегу вот уже 4 часа, а немцев все не было. По наблюдениям разведчиков за предыдущие дни, машина должна была появиться с береговой линии около 11 часов дня. Уставшее тело Ефимова ныло от холода. Неподалеку, в тундровом березняке, тихо переговаривались Конюхов с Лукиным. Они – в группе захвата вместе с Петровым. Послышался тихий смех. Это Лукин, видимо, рассказал «бывальщину», чтобы растормошить друзей. Вот весельчак, нигде не унывает! И снова чуткая тишина. Командир приказал разведчику следить за дорогой, по которой должен проехать немецкий грузовик. С утра повис густой туман, на многие километры вокруг накрывший тундру. Видимо, из-за этого, из-за боязни заблудиться, немцы решили переждать туман и ехать по открытой, хорошо просматриваемой дороге.

Задача группы засады, в которую входили разведчики Воропинов и Захаров, была такой: сбросить несколько крупных камней с «шаманских столбов», устроить завал на дороге. Сделав это, они залегли в снегу по обе стороны дороги, слившись в маскхалатах со снегом.

Около трёх часов дня подул ветер, туман клочьями унесло в тундру; через некоторое время вдалеке послышался звук мотора, и вскоре на дороге со стороны моря появился немецкий грузовик в маскировочной окраске на гусеничном ходу.

– А вот и долгожданные гости, – подумал Ефимов и подал сигнал остальным разведчикам: приготовиться, операция началась.

Машина приближалась, это был трёхтонный «Ганза-Ллойд», внутри большой кабины которого весело разговаривали немцы. Фашистов было трое – водитель и двое солдат. Они чувствовали себя здесь хозяевами, не боялись нападения, так как оборонительные позиции русских, по их сведениям, были в 40 километрах отсюда. Тяжёлый грузовик тарахтел и медленно приближался к «шаманским столбам».

Водитель увидел завал на дороге между «шаманских столбов»

и остановил машину. Посоветовавшись со своими пассажирами, водитель вышел из тёплой надёжной кабины на обочину с автоматом в руках. Боязливо оглядываясь, фашист подошёл к завалу и остановился. Камни были очень большими и наверняка тяжёлыми. Водитель задрал голову и посмотрел вверх, словно пытаясь увидеть, откуда же свалились эти камни, потом обернулся и что-то крикнул, обращаясь к оставшимся в кабине. Затем немец помахал рукой, явно зовя на помощь. Из машины неохотно вылез молодой солдат с автоматом и, постоянно оглядываясь по сторонам, пошёл на помощь водителю.

В это время Петров, Лукин и Ефимов, лежавшие в маскхалатах на снегу у дороги, незаметно подобрались к тягачу сзади и расположились по трём сторонам возле гусениц. Они следили за местностью, на случай появления немцев автоматы были наготове. Командир лёгким прыжком забрался в кузов и залёг между ящиков около кабины.

Немцы взялись за большой плоский камень с двух сторон и потащили его к обочине. Неожиданно снежный сугроб взметнулся, и неизвестно откуда взявшаяся сапёрная лопата изо всей силы ударила водителя по плечу. Хрустнула кость, водитель уронил камень и свалился без сознания. Оставшийся в одиночестве немец схватился за свой автомат и уже готов был выстрелить, как чьи-то мощные руки схватили его за шею и дернули тело немца в сторону. Воропинов с Захаровым выполнили свою часть задания.

Фашист, оставшийся в кабине тягача, тут же схватился за автомат, быстро открыл окно кабины, высунулся – и получил прикладом по голове.

– И запомни парочку пословиц, – сказал Конюхов, спрыгивая с кузова и открывая дверь машины, чтобы вытащить потерявшего сознание немца.

– Враг рядом – бей прикладом, – он свалил тело фашиста на снег, – боец прикладом треснет – враг не воскреснет, – и разведчик засунул пленному в рот кляп.

Захаров с Воропиновым, взявши фрицев за ноги, подтащили их к тягачу. Петров и Ефимов стали по бокам кабины с автоматами наперевес.

И вдруг со стороны Курдюк-сопки послышался шум мотора немецкого тягача – трактора для перевозки тяжелой артиллерии.

Разведчики переглянулись: надо было быстро принимать решение...

Короткий кубообразный гусеничный тягач «Штайр» подъехал к «шаманским столбам» и остановился с другой стороны завала напротив «Ганзы». Из тягача вылез, тяжело отдуваясь, низенький коренастый офицер с противными усиками. Он увидел, что два его соотечественника разбирают завал. Дорога была почти расчищена от камней. Удовлетворенно побряхтев, офицер вернулся в кабину «Штайра».

– Подождём, Курт, минуты через три поедем, солдаты сами управятся, – сказал офицер водителю и задымил толстой сигарой.

Через несколько минут дорога была свободна и «Ганза-Ллойд» немного сдал назад и вправо, пропуская тяжеловесный тягач-трактор «Штайр».

Когда трактор уже был далеко, Петров (а это был он) сорвал с головы кепи и вытер разгоряченный лоб:

– Это ты, Вася, хорошо придумал: переодеться, но в своей шкуре как-то уютней... хорошо хоть не полезли к нам с разговорами, а то бы без стрельбы не обошлось. Я ведь не очень-то по-немецки...

Конюхов и Петров, всё ещё переодетые в форму егерей серого цвета, забрались в кабину, где сидел Лукин. В планшетке, оставленной на сиденье грузовика, Конюхов обнаружил свежие масштабные карты района, в котором они сейчас находились. Быстренько сверили свою карту со свежими обозначениями фашистских укреплений и дорог с картой немцев.

– Едем на северо-восток вот по этой дороге, пока хватит бензина, а потом бросим машину и с пленными пойдём на восток своим ходом, и, наверно, лучше пока остаться в немецкой форме, хотя, честно признаться, фрицевские ботинки жмут ужасно, – принял решение сержант.

Лукин, до войны с отличием окончивший школу Осоавиахима, сел за руль. Трех фрицев одели в русскую форму и положили в кузов связанными по рукам и ногам и с мешками на головах. Там же, под брезентом, залегли с автоматами Воропинов, Ефимов и

Захаров. Грузовик, круто развернувшись, так что из-под гусениц полетели комья снега и грязи, поехал в обратную сторону от Курдюк-сопки.

Командир разведчиков Конюхов принял решение: проехать на грузовике под видом немцев по дороге, обозначенной на картах, мимо фашистского дзота, в нескольких километрах от которого есть обрыв, столкнуть там машину вниз, в ущелье, чтоб как можно дольше не хватились пропавших фашистов.

Так и сделали... Уже темно, когда доехали до немецкого укрепления, обозначенного на карте. Слава Богу, фашист-часовой возле дзота, вышедший на шум грузовика, увидел своих, махнул рукой, мол, проезжайте. И разведчики, переведя дух, быстро проехали и скоро свернули за сопку.

Бензина в баке оказалось немного, через несколько километров двигатель несколько раз чихнул, машина судорожно дёрнулась и остановилась. Начал посвистывать ветер, заструились белые змеи поземки, зализывая следы машины. Петров, Конюхов и Лукин вылезли из кабины грузовика и откинули брезент в кузове, где затаились замёрзшие разведчики и пленные немцы.

– Все, приехали, здесь ущелье, дальше пойдём своим ходом, – сказал командир.

Разведчики, скинув ненавистную фашистскую форму, снова переоделись в тёплой кабине, а пленным вернули их обмундирование, заставив вывернуть ветрозащитные куртки и штаны белой подкладкой наверх.

– Да, неплохо придумали фрицы с двухсторонней одеждой, – потопал валенками по снегу Петров.

– Слышь, командир, а продукты-то бросать жалко, может, захватим с собой. Чего фрицев порожняком гнать? Да и сами что-нибудь прихватим, Новый год скоро, порадуем ребят фрицевскими гостинцами, – предложил Воропинов.

Разведчики прямо в кузове разломали ящики с продовольствием, разложили банки тушёнки, шоколад, несколько флажков со шнапсом, какие-то концентраты по своим вещмешкам, забили до отказа ранцы фашистов и повесили их на спины пленным, пусть несут до наших землянок, не пропадать же добру. Немцы не сопротивлялись.

Неожиданно в кузове грузовика обнаружили несколько пар лыж, взятых немцами на случай поломки машины.

Разведчики и пленные немцы, по команде, основательно упёршись ногами в снег, толкнули ставший ненужным и опасным грузовик, и он с грохотом полетел в ущелье – ушёл под почерневший снег, только уцелевшая кабина и рама ещё немного торчали.

Ночь опустилась на белую тундру. На чистом небе показалась луна. Тонкой линией вытянулась группа лыжников, идущих след в след: трое разведчиков впереди, за ними трое пленных, замыкали цепочку Ефимов, Захаров и Лукин. Бойцы уводили языков в места расположения своей части.

Шли молча – берегли силы. Изредка Конюхов, шедший первым, оглядывался на пленных, и поняв, что те явно уступают разведчикам в силе и выносливости, отдавал приказ:

– Привал! Пятнадцать минут!

После полуночи ветер переменялся и снова наплыл туман. Потеплело. Но идти стало труднее...

С рассветом плотный туман рассеялся и перед разведчиками открылись бескрайние просторы Баренцева моря слева, а впереди и справа белая сверкающая тундра. Торчащие то тут, то там скалы были расцвечены лишайниками. Природа изменилась под лучами слабого полярного солнца. Западная Лица уже была совсем рядом...

На десятый день вернулись разведчики в расположение бригады. Приказ командования был выполнен успешно с «перевыполнением» на двести процентов. Разведчики доставили в штаб обер-лейтенанта и обер-ефрейтора. Всем участвующим в этой операции было дано два дня отдыха.

Минуло ещё несколько дней, и участников этого смелого рейда вызвал к себе командир корпуса. Василий Конюхов, как и каждый боец его разведгруппы, был награжден орденом Красной Звезды.

Снитко Анастасия Андреевна родилась в 2001 году в ЗАТО города Североморска в семье военнослужащего.

С рождения живёт с родителями в городе Североморске Мурманской области. Учится в МБОУ Гимназия №1 в 8 классе.

Всё свободное время посвящает литературному творчеству.

ПАРТИЗАНЫ ДМИТРИЕВСКОГО РАЙОНА

*(посвящается моему прапрадеду
Парасюку Виктору Яковлевичу)*

За рекой Калаус охрана немецкого склада чувствовала себя в полной безопасности. Берега реки немцы заминировали во многих местах, и, казалось, пути к складу запасных частей для автомашин и резины – непроходимы. Часовые похаживали вокруг склада, мало обращая внимание на берега.

Старшина из партизанского отряда Пётр Витохин был иного мнения: он решил всё же овладеть складом и выбрал наиболее смелый и дерзкий путь. Тщательно исследовав берега реки Калаус, Витохин нашёл проход и провёл через реку группу своих бойцов. Бой с охраной склада был недолгий. Застигнутые врасплох, гитлеровцы, хотя и оказали сопротивление, но были всё же уничтожены.

Пётр Витохин вместе со своими бойцами захватил большой склад, в котором находилось до 7 тонн запасных частей и 100 компонентов резины к автомобилям. Задание командования было выполнено – немецкие колонны, отступающие под ударами Красной Армии, не получили необходимых деталей, и не один десяток машин был брошен гитлеровцами на дорогах при своём бегстве.

Кипуча была деятельность партизан Дмитриевского района. Просторы района наименее приспособлены для действий

партизанских отрядов. Здесь нет ни больших лесов, ни глубоких балок – всюду безграничная степь. Тем не менее партизаны всё же были на территории района и наносили стремительные и жестокие удары по гитлеровским частям. Деятельность партизан Дмитровского района не ограничивалась только своей территорией.

Командир отряда Михаил Линёв, благодаря личному примеру и героизму, сумел сколотить крепкий, боеспособный отряд. Ещё в августе партизаны вступили в бой с немецким отрядом в селе Куми, Краснодарского района. Налёт был тщательно подготовлен. Сам командир первым напал на вражескую заставу и убил одного немца, ранил другого. На личном счету командира немало убитых гитлеровцев. Только в бою под Серафимовкой, в январе, он уничтожил трёх фрицев.

Заместитель командира Виктор Парасюк возглавил группу разведчиков. Он появлялся там, где его меньше всего ждали, и наносил ощутительные удары. В ночь на 19 января во главе группы разведчиков он вошёл в своё село Петровское. Бойцы-партизаны быстро рассыпались по селу, выкуривая из своих гнёзд немецких захватчиков. Группа Парасюка уничтожила в этом бою 15 гитлеровцев. Удар был настолько неожиданный, что немцы не успели даже отправить свой обоз. В руки партизан попали богатые трофеи, противотанковая пушка, противотанковое ружьё, пулемёт и 70 подвод, нагруженных боеприпасами.

В партизанских отрядах слава о разведчике Иване Кирилловиче Кашубе. Хорошо зная местность, он проникал далеко в тыл врага и приносил ценные сведения. Собранные им данные помогали частям Красной Армии успешнее громить врага. Иван Кашуба был не только разведчиком, но и агитатором. Всюду он сеяла пламенные слова правды, рассказывал о действиях Красной Армии. Когда Красная Армия очищала Северный Кавказ от немецко-фашистских захватчиков, Иван Кашуба получил важнейшее задание командования партизанского отряда. Ему поручили пробраться на территорию своего района и уничтожать подрывные команды врага, готовившиеся взорвать МТС, крупнейшее здание и предприятие района. Трёхсоткилометровый рейд в тыл врага Кашуба выполнил блестяще. В тылу он организовал партизанский отряд из преданных Родине людей. Не одна подрывная команда

была уничтожена молодым партизанским отрядом. За несколько дней народные мстители уничтожили 19 гитлеровцев и 43 взяли в плен. Немцам не удалось взорвать ни МТС, ни мельницы, ни зажечь склады с сырьём и хлебом.

Партизанки-комсомолки Лидия Грушко, Нина Ананченко и Нина Харченко также по заданию командования пришли в свой, Дмитровский район. Комсомолки села Тахта сумели объединить подруг и товарищей и, когда немцы зажгли здание средней школы, партизанки потушили пожар.

Боец партизанского отряда Степан Симачков принимал активное участие в создании партизанского отряда. Он был вездесущим, всегда появлялся в наиболее опасных местах. Личное мужество и хладнокровие выручали его в труднейших операциях. Партизанский отряд, созданный при его участии, был отрядом подлинных народных мстителей. На его счету 19 фрицев. Симачков с товарищами захватил большие трофеи. У бойцов его отряда на вооружении были трофейные автоматы, пистолеты и пулемёты. За время боевых действий партизанский отряд захватил у врага три автомашины, противотанковое ружье, пулемёт, 4 автомата, 4 пистолета, 68 винтовок и свыше 100 гранат. Партизанский отряд вступил в суровые бои с немецкими частями, в частности, с подрывными командами. Благодаря действиям партизан были сохранены от взрывов важнейшие предприятия.

Трудно перечислить все боевые дела партизан Дмитровского района. О каждом из них можно много и много рассказывать – об Андрее Кожевникове, захватившем вместе с группой разведчиков несколько пулемётов, о бронебойщике Афанасии Филипенко, об отважной партизанке Нине Харченко и о многих других народных мстителях. Все они награждены орденами и медалями за отвагу и мужество, проявленные в борьбе за освобождение Родины от немецких оккупантов.

Снитко Павел Андреевич родился в 2003 году в городе Майкопе Республики Адыгея в семье военнослужащего. Живет в городе Североморске Мурманской области.

Учится в МБОУ Гимназия №1 ЗАТО в 6 классе.

Литературное творчество – его маленькое хобби.

ХРОНИКА ОДНОГО БОЯ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ СТАВРОПОЛЯ

*(посвящается моему прапрадедушке
Парасюку Виктору Яковлевичу)*

Командир партизанского отряда Михаил Линёв, склонившись над картой, остановил движение карандаша у чёрного кружка и сказал своему заместителю Виктору Парасюку:

– Вот она! Займите эту высоту. Вцепитесь в неё. Вцепитесь и держите под огнём перекрёсток дорог, чтобы отрезать немцам путь отхода на Ставрополь. Немцы тут не должны пройти.

Командир отряда окинул взглядом Виктора Парасюка, как бы ещё раз примеривая силу этого невысокого, ладного человека – силу, о которую должны будут разбиться толпы отступающих немцев, теснимых частями Красной Армии.

– Разрешите действовать?

Ночью десять партизан во главе с Виктором Парасюком вышли степными дорогами к высоте, чёрную точку которой отметил вчера на карте командир отряда. На дорогах, скрестившихся вблизи, было тихо. Расчистив снег, партизаны отрывали ячейки.

Парасюк был доволен, как это бывает всегда, когда удачно начинается трудное дело. Он знал: эта мирная тишина обманет немцев. Голая небольшая высота, лежащая на их пути, как мина, готова взорваться огнём, ударить сотнями пуль. И когда Парасюк

увидел колонну немцев, выкатившуюся из-за поворота, он, приподнявшись на корточки так, чтобы видеть всех десятерых, во весь голос скомандовал:

– По фашистским гадам – огонь!

На какое-то время дорога опустела. Немцы расползлись, рассыпались, ещё не сообразив, что произошло, и какой силы удар был им нанесён. Высотка молчала.

Свистящий полёт мины предупредил о надвигающейся опасности. По высоте ударили миномёты и несколько пулемётов. И справа и слева двинулись немцы.

Первый ответил дробной очередью пулемётчик Андрей Дудка. Потом ударил второй пулемёт – Кожевникова, стоящий на скате, спускавшемся прямо к перекрёстку дорог.

Одиннадцать не были новичками в жарких схватках с немцами. Они знали слепое упрямство гитлеровцев и знали, что гитлеровцы постараются задушить их числом, бросая на высоту всё новые силы. Когда немцам удалось почти вплотную подойти к высоте, из канавы поднялся разведчик Николай Рожнов. Держа над головой автомат, он, раскалённый боем, окинул взглядом своих товарищей:

– Друзья! Не пропустим фрицев! Им на высоте не бывать!

Ещё одну секунду стоял он на виду друзей, держа клятвенно над головой автомат, и опустился в канаву, когда справа и слева раздались автоматные очереди.

Первая атака была отбита. Но вслед за ней началась вторая, и опять остріе её было направлено на пулемёт Кожевникова.

Отхлынув, немцы снова взялись за миномёты, осколки проносились над головой Кожевникова. Землёй и снегом ему забрасывало глаза. Но Кожевников продолжал вести огонь. Метрах в трёх вспыхнуло тяжёлое, жёлтое пламя разрыва. Кожевников покачнулся, не выпуская из рук пулемёта. Осколками ему ранило обе ноги. Его помощник Панченко крикнул ему:

– Андрей! Разреши мне ...

– погоди, я ещё повоюю, – ответил, не поворачиваясь, пулемётчик.

Панченко еле успевал подавать ему диски и взял пулемёт только тогда, когда немецкий снайпер ещё раз ранил Кожевникова. На высоте в строю остались десять бойцов.

Волна атаки и отлив. Короткие, тяжёлые минуты тишины.

Ещё крепко держали в руках оружие Андрей Дудка, Николай Никитенко, Андрей Панченко, Пётр Витохин, Николай Рожнов, Степан Симачков, Андрей Харечков, Михаил Мартынов, Иван Карпенко. Четвёртая атака немцев была отбита. Пётр Витохин открыл ящик с патронами и разделил их на десять частей. Внизу копошились немцы, готовясь к пятой атаке.

Пятая атака была самой напряжённой. Перекрёстным огнём немцы поливали израненную, почерневшую от разрывов мин высоту. Николай Рожнов заметил немецкого пулемётчика, ползшего по скату. Ему казалось, что он слышит дыхание немца, тяжело прилегавшего к снегу. Рожнов прицелился и двумя короткими очередями прошил немецкого пулемётчика.

– Здорово! – крикнул Витохин, – Теперь вот эту занозу вышибить! – И он махнул рукой в сторону, откуда тоже подбирался к высоте немец с пулемётом. Рожнов убил его с первой очереди. Он навёл автомат на новую цель и вдруг поник, не слыша жаркого шёпота подхватившего его Витохина.

После второго ранения выбыл из строя Никитенко, а за ним Симачков и Карпенко.

Эта пятая атака была самой ожесточённой, и когда немцы были отброшены, никто не знал, сколько времени она продолжалась: на высоте время считали не по часам, а по количеству оставшихся в строю бойцов.

От тяжёлых ранений не могли больше стоять Харечков и Мартынов, третью рану получил Пётр Витохин.

К исходу дня на высоте были трое – Парасюк, Дудка и Панченко. Высота по-прежнему стояла на пути врага, дышащая ненавистью и огнём, пугающая своей неприступностью. Немцы в течение дня бросались на неё со всех сторон, сотни мин и гранат изрыли её склоны, но она жила, и эта ничем непреодолимая сила наводила на немцев ужас. Их планы отхода уже давно были сорваны и спутаны. Их силы истощались, а где-то позади, со стороны села Петровского, совсем недалеко были слышны разрывы снарядов наступающих частей Красной Армии. В неравной схватке победили одиннадцать, и теперь трое из них завершали эту победу.

Занимая позиции в пятнадцати метрах дуг от друга, пулемёт-

чики и их командир не пропускали немцев к высотке. Каким-то чудом они ещё не были ранены. Первая пуля пронзила грудь Андрея Панченко в сумерках. Вскоре был ранен и Виктор Парасюк.

На высотке в строю остался один человек Андрей Дудка. Патронов к пулемёту больше не было. Он собрал с трофейных автоматов диски, положи около себя на землю, встал, чтобы видеть все подступы к высотке, и открыл огонь. Он стоял, широко расставив ноги, и бил, расстреливая диск за диском. Он стоял на виду у смерти, и смерть как будто обходила его, не смея притронуться к герою, защищавшему славу и честь одиннадцати. Два раза недалеко от него разрывались немецкие мины. Волной его сбивало с ног. Он поднимался и стоя стрелял, хозяин высоты, хозяин боя, хозяин своей земли – народный мститель.

Немцы не взяли высотку, прикрывшую им путь отхода. Когда к ней подошли наступающие советские войска, они увидели у подножья более восьмидесяти немецких трупов.

Афашоков Ислам родился в 1999 году, учится в 9 классе МОУ СОШ сельского поселения Былым. Живет в Кабардино-Балкарской Республике в Эльбрусском районе в сельском поселении Былым

ПАМЯТЬ ЖИВА...

Сулемен Муссаевич Афашоков – ветеран Великой Отечественной войны и труда был одним из авторитетных и уважаемых людей села Былым Эльбрусского района.

Родился Сулемен Муссаевич в многодетной семье (девять братьев и три сестры). Отец Мусса Конакович был передовым чабаном былымского колхоза и авторитетным членом общества. Мать Салимат Тугановна была опорой и поддержкой мужа во всём, а дети помогали родителям в меру своих сил. Окончив школу, Сулемен идёт работать учетчиком на молочно-товарную ферму. Вскоре подходит время служить в рядах Красной Армии.

В 1939 году, когда ещё ничто не предвещало войну, он уезжает на службу. В тот призыв с Сулеменом Афашоковым попала большая группа ребят из Эльбрусского района. Вскоре все они оказались в танковом училище, расположенном в городе Минске, столице Белоруссии. Здесь и застала их война.

?????

Воспоминания Сулемена Муссаевича

*(из личного архива С. М. Афашокова,
материал предоставила дочь Рита Сулеменовна)*

– В первые дни войны немцы бомбили Минск, не щадя никого и ничего, особенно страдали от налётов вражеской авиации территории военных заводов им. Ворошилова и Молотова, на охрану которых и были брошены мы – курсанты танкового училища, – вспоминал Сулемен Муссаевич. – Чудом уцелел в этом аду, с досадой наблюдал, как безнаказанно хозяйничали в воздухе фашисты. Особенно невыносимо было смотреть на то, как немецкие лётчики хладнокровно расстреливали беженцев.

Через некоторое время эвакуировали и училище, и окончил его Сулемен Муссаевич там, откуда был направлен на фронт, где в составе 36-ой механизированной бригады защищал Сталинград.

Вспоминая ужасы войны, он с особенным трепетом и волнением говорил про бои за Сталинград...

– Сказать, что это была жестокая битва, значит – ничего не сказать, – вспоминал он, – ...не умолкая дни и ночи напролёт гремели взрывы бомб и снарядов, дымились развалины зданий, плавился асфальт площадей и улиц, бушевал огонь на самой реке, которая была покрыта нефтью, хлынувшей из разрушенных хранилищ. Река была заполнена кровью, трупами людей и лошадей, которые погибали при её форсировании. При виде этого ада, люди впадали в панику. Именно здесь я впервые увидел ужасающую картину, от вида которой можно было сойти с ума: в самом прямом смысле этого слова человеческая кровь, сливаясь в ручьи, текла по земле...

Рядом со мной оказался тяжелораненый солдат лет 20. Таковых, конечно, было много, но я услышал, как он говорит по-балкарски. Судорожно схватив его обеими руками, я стал изо всех сил тянуть его к берегу. Я, как можно громче, умолял его, чтобы он произнёс всего два слова – своё имя и фамилию. Но вместо этого я видел его глубоко страдающие от боли глаза и слышал всего одно слово: «Анам!» До берега он не дожил...

Словами невозможно передать, с какой болью сжалось моё сердце. И тогда я проклял войну. Но мы продолжали слышать сре-

ди рвущихся авиабомб срывающий-ся голос командира: «Родные наши, вперёд!» Этот умоляющий голос командира и стон родного умирающего земляка преследуют меня всё время, как самое тягостное воспоминание.

Запах гари вместе с ветром неотступно сопровождал нас. И с каждым километром пройденного пути на душе становилось всё мрачнее и мрачнее, как будто горький, отравленный воздух пожарища оседал у нас не только в лёгких, но и на сердце.

В ноябре 1942 года наши войска окружили немецкую армию в районе Сталинграда. В их числе и была наша 36-ая механизированная бригада. Тогда меня и ещё одного солдата послали за языком. Задание было не из легких. Устроив засаду в лесу у дороги, мы ждали почти до утра. Когда стало светать, мы услышали шум мотора и через 2–3 минуты различили в темноте два силуэта. Разработав план действий, мы подкрались поближе к фашистам. Изю всех сил Воронцов бросил большую сломанную ветку под колеса мотоцикла. Работа была проделана чётко. Мы доставили фашистов в штаб, за что мы оба получили сержанта.

Когда враг уже был оттеснён за границы страны, Сулемену Афашокову пришлось выдержать ещё один удар судьбы. Этот самый удар был нанесен не из-за линии фронта, а из глубокого тыла. О случившемся горе он узнал из письма брата Муталипа, который писал о депортации балкарцев и тяготах жизни на чужбине. Это стало для него настоящим шоком. Перед глазами всплывали лица родных ему людей, которых захотелось прижать к себе.

Вскоре Афашокова вызвал начальник штаба части и ознакомил с приказом, согласно которому предписывалось срочно отозвать с фронтов всех переселенцев.

– Хочешь поехать домой или будешь воевать? – обратился к нему подполковник.

– Хочу остаться, – кратко ответил Сулемен.

– Молодец! Воюй как прежде! – заключил старший офицер.

Потом ждала встреча с комиссаром бригады. Политработник постарался успокоить солдата и попросил адрес родителей.

Спустя некоторое время в далёком казахстанском селе Октябрьское, где находилась семья Афашокова, на имя председателя сельского совета и председателя колхоза пришло письмо от командования воинской части. Хочется процитировать этот документ полностью (сегодня он хранится в личном архиве С. М. Афашокова).

«В подведомственном Вам колхозе имени Молотова проживает Афашоков Мусса Конакович – отец трёх доблестных воинов Красной Армии. Один из трёх служит в моей части. Это Афашоков Сулемен Муссаевич. Он доблестный сын нашей Родины и отважный командир Красной Армии. Он дрался как лев у стен русской твердыни – Сталинграда, геройски сражался, не щадя своей жизни... И теперь, в дни решительного наступления Красной Армии, т. Афашоков беспощадно громит немецких паразитов и вместе с другими боевыми товарищами находится на подступах к Восточной Пруссии.

За высокие боевые успехи, за самоотверженность, мужество и отвагу т. Афашоков С. М. уже награждён тремя высокими правительственными наградами и представлен к четвёртой... Прошу Вас оказать всемерную материальную помощь семье т. Афашокова, старикам, отцу, матери, малолетним братьям и сёстрам, попавшим в столь тяжёлое положение».

Таким призывом русские командиры ответили на приказ Верховного главнокомандующего. Они сберегли достоинство своего подчинённого и постарались

помочь его семье. Подобная забота о судьбе «врагов народа» могла стоять не только карьеры, но и свободы.

Об отце (дочь, Рита Сулеменовна):

– Несмотря на то, что отца нет рядом, День Победы всегда останется для нашей семьи самым светлым, добрым Днём. Память о нашем отце, Афашокове Сулемене Муссаевиче, замечательном человеке, всегда будут хранить земляки и все те, кто его знал. Он останется ярчайшим примером беззаветного служения Отечеству и любви к Родине.

Отец! Лежишь в Быльме ты,
Лежишь у милого предела,
Где мать средь горной высоты
Тебе над колыбелью пела.

Твои соседи тут же спят.
И после смерти вы – соседи.
Как будто только миг назад
Вы были молоды на свете.

Как будто по пути домой
Вы прилегли у скал на время...
Но вам не слышен шум земной,
Для вас ручьи и птицы немы.

Не слышен вечный разговор
О хлебе, о зерне, о сене,
Лишь отделяются от гор
Вечерние скупые тени.

Отец! Когда бы мог ты встать –
Двух сыновей своих бы встретил.
Отец! Ушёл из жизни ты
Но руки у тебя – чисты,
Но память о тебе – высока!

Сулемен Муссаевич прошёл через всю войну. Будь то праздничные дни или будние, он всегда с горечью вспоминал своих сослуживцев, своих земляков, своих родных братьев – Ибрагима и Абдуллаха, погибших на полях сражений.

Вернувшись на родину, он трудился на партийной и хозяйственной работе, принимал активное участие в общественных мероприятиях республики, района и села.

Уходят годы, сменяются даты, ветеранов становится все меньше и меньше. Но особенно в преддверии 9 мая каждый из нас вспоминает своих родных, которые с честью и достоинством защищали наше Отечество от фашистов. Сулемена Муссаевича нет в живых уже несколько лет. Но для своих родных и близких, и всех, кто его знал, он всегда останется живым. И пока мы будем помнить этих благородных, честных, настоящих солдат, память о них и о Великой Отечественной войне будет жить в наших сердцах вечно.

Толстых Данил Андреевич учится в 10 классе МОУ «Средняя школа № 6» г. Волжска Республики Марий Эл.

Увлекается, как сам говорит, «сочинительством», футболом, баскетболом. Лесничий школьного лесничества «Молодой лесник», корреспондент природоохранной газеты «Лесная сорока». Юнармеец.

Победитель ряда литературных конкурсов. Мечтает поступить в военное училище.

Я ЧАСТО ДУМАЮ О ТОМ...

Я часто думаю о том,
Как прадед ранен был ...
У сердца с пулей до конца
Войны герой дожил ...
С десантом группы боевой
Он по небу летел ...
Внизу из точки огневой
фашист напасть успел!
Пробит, как сито, парашют
И куклой неживой,
Израненный и там и тут
Упал в лесу герой ...
И был бы скор его конец,
Но, к счастью, детвора
Шла за провизией чрез лес
С ближайшего села ...
И долго он, ни жив ни мёртв
В селе том пребывал,
Но дух был воинский силён
И прадеда поднял!
Вернувшись в строй, громил врага

За Родину свою,
За дом, за мать и за отца
И ту же детвору...
Россия... Чехия... Берлин...
Был долог его путь...
О, Родина, свободна ты!
Героев не забудь!
Их столько полегло кругом,
Чтоб в мире жили мы,
Историю страны родной
Как око берегли!
И дожил прадед боевой
До 90 лет!
У сердца пуля берегла
Его покой земной...
Я часто думаю о том,
Как прадед ранен был...

Файферт Роберт родился в 2001 году. Воспитанник ГУ РК «Детский дом № 3» города Сыктывкара, учится в 8 классе. Посещает кружок по интересам «Литературная мастерская» под руководством И. А. Экк Неоднократно являлся победителем литературных конкурсов республиканского уровня. Победитель учрежденческого конкурса «Салют, Победа!». Успешно занимается в музыкальной школе по классу скрипки. Увлекается рисованием, спортом, является участником военно-патриотического клуба «Юнкер» детского дома № 3, собирается стать военным, готовится к поступлению в военный вуз.

РАЗГОВОР С СОЛДАТОМ

Победный май красивыми салютами
Опять привет в ночное шлёт окно.
Солдат, прошедший испытанья лютые,
Мне голос твой в нём слышится давно.

Ты говоришь со мной, мой добрый дедушка,
И будто рядышком со мной стоишь.
С глазами голубыми, словно небушко,
Сквозь семь десятков лет ты говоришь:

«Живи, мой внук, по правде и по совести,
Трудись не ради денег и наград
И помни вечно: ради этих сосен
Красивых сколько полегло ребят...

За чудный край, закаты над полями,
За этот берег, что так сердцу мил,
За это небо мирное над вами
Когда-то кто-то жизнью заплатил.

Тебе ценить, сберечь и преумножить
Я завещаю всё святое в нём!
И никогда никто из нас не сможет
Сказать, что зря накрыло нас огнём,

Сказать, что зря тогда горели в танке,
Что зря тогда строчил наш пулемёт
И, не теряя боевой осанки,
Шли телом накрывать фашистский дзот».

Я слышу голос твой, солдат Победы,
В огнях салюта через толщу лет.
Тебе такое выпало изведать –
Такому подвигу забвенья нет!!!

Ты знай, мой дед, что подвиг не напрасный
Вы совершили там, в сороковых.
Мы пронесём салют, от крови красный,
Сквозь вахту памяти сердец своих!!!

Солиева Бахринисо Алишеровна родилась 9 августа 2000 года в Таджикистане в городе Худжанд. В 2009 году с родителями переехала в Россию – в село Кирчиж Красноярского края Бирилюсского района.

Ученица 9 класса МКОУ «Кирчиженская СОШ». Учится на «4» и «5». Активно участвует в различных конкурсах. С большим интересом читает книги о Великой Отечественной войне. Всё свободное время посвящает литературному

творчеству, любит сочинять стихи.

ДВА БРАТА

Посвящается без вести пропавшим

С далёкого тёплого края
Два брата ушли на войну,
Ушли они с верой в победу,
Лелея надежду одну:
Надеясь, что быстро вернуться,
Что сломят врага и домой –
Домой, к милым маме и папе
И к младшему брату с сестрой.
И вот эшелоны, вагоны...
Солдаты, комбаты идут.
И вечная слякоть дороги,
И голод, и холод вокруг.
Огни, огни, бесконечно...
Никак не смолкают бои.
Держись, мой братец сердечный,
Мы выдержать битву должны!
С далёкого тёплого края
Два брата ушли на войну,
А младший стоит у миңдаля
И слушает тишину.

Не хочет он верить в несчастье.
Пусть ветер уносит беду.
«Я знаю, я верю, я знаю:
Пройдут и войну, и нужду.
Мы праздновать будем победу
Все радостно, дружной семьёй!
Мы вырастим много деревьев,
Построим дом мы большой,
И будем служить народу,
Прекрасной стране родной.
Только вернитесь живыми
(Всевышнего я молю!)
Братья мои родные!»
А бой всё идёт, не стихает –
Погибло много солдат.
Комбаты кричат, умирая:
«Приказ – ни шагу назад!»
Держись, мой братец сердечный,
Я слово дал Отцу:
Сломить всех врагов на свете,
Вернуться живым наяву.
С далёкого тёплого края
Два брата ушли на войну.
С тех пор неизвестность осталась,
И чувствуем мы вину,
Что нет на Земле могилы,
Героям, пропавшим в боях.
Но их имена хранятся в умах
И в наших сердцах!

Алдашева Гульжанат Максутовна родилась 4 июня 1997 года в поселке Жиренкопа Актюбинской области Кобдинского района Республики Казахстан. С 2004 по 2013 год училась в Жиренкопинской средней школе. В 2013 году поступила в Актюбинский гуманитарный колледж на отделение «Дошкольное воспитание и обучение».

Увлекается литературой.

СТРАНИЦА ДЛИНЮЮ В ЖИЗНЬ.

Что такое для меня музей? До недавнего времени я думала, что это место, где собраны старые вещи, документы. Откровенно говоря, к музеям я была равнодушна.

В этот раз урок истории проходил в музее им. А. Молдагуловой. Тема урока была «Герои Великой Отечественной войны». Наша группа подошла к музею не сразу. Вначале мы остановились у памятника Алии Молдагуловой, я её сразу узнала – в школе много о ней рассказывали.

Нет, всё-таки на сей раз я попала в необычный музей! Это я поняла уже в уютном холле. На стенах были развешаны большие фотографии. На специальных витринах были разложены альбомы с фотографиями, книги о войне, о героях. Сам музей состоял из двух залов. Второй зал был с 3D-кинотеатром. Там показывали видео- и документальные фильмы о войне.

Экскурсовод показывал личные вещи, газетные вырезки, которые лежали под витриной. Рассматривая вырезки из газет, я увидела обгоревший листок. Кто бы мог подумать, что именно этот листок из личного дневника Алии Молдагуловой расскажет столько, сколько не расскажет ни один историк-биограф. Сначала мне показалось, что этот выцветший и выгоревший листок оказался здесь случайно и не имеет никакого отношения к истории. Однако я ошиблась. Приглядевшись к нему и пытаюсь понять

слова в строчках, которых уже не было видно, я интуитивно догадалась, что передо мной лежит дневниковая запись, а поскольку музей им. А. Молдагуловой, то и дневник, вернее то, что осталось от него, принадлежал Алие. Интерес во мне разыгрался, так как я сама веду дневник, а сейчас представился такой редкий случай прочитать то, что писала девушка, почти моя ровесница, семьдесят с лишним лет назад. Слова за давностью лет непонятны, стерты, но можно разобрать несколько строчек:

«... Сегодня день обещал быть тёплым, радостным... и небо такое чистое, безоблачное ... Как тихо кругом... Даже странно казалось, опять наступила тишина и перестало подбрасывать взрывами. Как хочется снова увидеть свою улицу, дом, родное-родное и такое милое лицо Сапуры».

Несколько раз пришлось прочитать строчки и даже «додумать» некоторые слова, их окончания, чтобы получилось связать предложения в текст.

Наверное, прошло минут десять... И вся группа уже прошла во второй зал...

Я невольно стала прислушиваться к звукам, доносящимся из соседнего зала музея...

«... Страшный, протяжный рёв моторов немецких самолётов как будто вырывает у человека сжатое от страха сердце...»

К горлу подступил комок, сердце рвется из груди...

«... Мама, мамочка родная, хоть я тебя и не помню... Я чувствую твою защиту... Но я должна, я смогу! Я не боюсь врага !...»

Взрыв мины, страшно... крики, шум...

Звуки из соседнего зала начали доноситься всё сильнее и сильнее.

Вдруг облако дыма обхватило весь зал. Ничего не видно... И тут... шлем, большой фашистский шлем я вижу...

«... Его глаза полны гнева и злобы, я чувствую прицел ружья...»

У меня появилось ощущение, что всё это происходит со мной: и взрывы эти не из фильма, и немец, стоящий в нескольких шагах, не плод моего воображения от прочитанного и увиденного, а реально существующий враг. Трудно описать мои чувства, даже не знаю, что я почувствовала сначала: ледящий холод или жар, охвативший меня, а может, и то и другое одновременно... Это такое

ощущение, когда во сне летишь в пропасть, и эта минута проходит в страшном ожидании. Но это не сон. И уж совсем не сон был тогда, в 1943 году, когда Алия Молдагулова, восемнадцатилетняя девушка, поборов свой страх, стала лучшим снайпером 4-го батальона 54-й отдельной стрелковой бригады 2-го Прибалтийского фронта.

«... Мне так захотелось увидеть родную степь, своих родных. Представить, что нет войны, нет того фашиста, нет страшных, ужасающих звуков, нет всего того ужаса, что несёт с собой война...»

Звуки изсоседнего зала начали доноситься всё тише и тише... В эту минуту мне захотелось крикнуть: «Люди! Очнитесь, оглянитесь вокруг! Вы живёте в мирное время, вам выпало счастье родиться тогда, когда о войне мы вспоминаем по книгам и фильмам, и то один раз в год. Радуйтесь новому дню, радуйтесь солнышку, дождю, снегу, улыбке ребёнка, ведь всё это и есть жизнь, радуйтесь жизни!»

«... И вдруг взрывы прекратились, стало так тихо, что был слышен тонкий шелест осеннего листочка ...»

Во мне ожили чувства, прожитые семьдесят лет назад такой же, как и я, обыкновенной девушкой. Алия любила жизнь, она говорит об этом в каждой строчке, она любила жизнь и поэтому сражалась до последнего во имя Жизни на Земле. Великая миссия человека с большой душой: отдать свою жизнь ради жизни других людей. Это достойно уважения, памяти, умения ценить каждый миг прожитой жизни. Это должно быть понято каждым человеком, живущим на Земле: мир – главное богатство, его нужно беречь.

Перед моими глазами за короткие мгновения пронеслась вся жизнь молодой девушки, такая яркая, самоотверженная, отданная за мирную жизнь наших поколений, которые чтят и будут чтить великую память о моей землячке, почти ровеснице, бесстрашной девушке Алие Молдагуловой.

Учитель вышел из зала и сказал, что урок окончен. Мои друзья делились впечатлениями об увиденном. А я ещё долго стояла с обыкновенным, стёртым и кое-где обгоревшим листком бумаги в руках...

Комина Виолетта родилась в городе Саратове в 2006 году. В настоящее время проживаю в городе Красный Кут Саратовской области. В 2013 году поступила в Лицей-интернат № 5 ОАО РЖД города Красный Кут Саратовской области, где и продолжаю учиться до настоящего времени.

Всё своё свободное время я посвящаю литературному творчеству. В моей семье писал стихи мой прадедушка (которому я посвятила свою работу), пишет

мама и вот теперь я.

Искренне благодарна своей маме, Коминой Марине Юрьевне, в написании работы.

ЧЕТЫРЕ КРАСНЫЕ ГВОЗДИКИ

И снова годовщина Дня Победы
 Особенная дата для меня
 С волнением и трепетом встречает
 Великий этот день, моя семья.
 Прадедушка прошёл весь ужас канонады
 Открыто смерти он смотрел в глаза
 И Родине своей, своей Отчизне
 Он предан был душою до конца
 Моей он маме про войну поведал
 Словами, чувствами, слезами излагал:
 Как под обстрелами фашистских оккупантов
 Он мирных граждан от беды спасал
 И я росла на этих вот рассказах,
 Через себя я пропускала боль,
 Перед глазами, словно кадры проплывали,
 Разрушенные избы, да в кладовках голь...
 От мамы много про прадедушку узнала,
 Теперь живу с умением каждый миг ценить
 И от души считаю своим долгом

Реликвию семейную хранить
«... Не передать словами боль утраты,
Как опустел, вдруг мир», – мне говорила мама,
Как добрых его глаз, его поддержки,
Подчас ей очень сильно не хватало.
Но жизнь идёт, на месте не стоит
И из души моей взлетает крик:
«Я так горжусь прадедушкой своим,
Как жалко, что не встретила я с ним...»
И каждый год на День Победы той Великой
Спешу к нему... на кладбище...
На памятник кладу
Четыре красные гвоздики.

Канева Дарья родилась в 2001 году. Живёт в селе Мутный Материк города Синска Республики Коми. Любит рисовать, читать книги, слушать музыку. В свободное время пишет стихи, рассказы. Рассказ «Воспоминание» посвятила своему прадедушке – Каневу Якову Акимовичу.

ВОСПОМИНАНИЕ.

Яков Акимович проснулся рано. Поглаживая больную ногу, он полежал немного, но заснуть не смог. Осторожно встал, стараясь не разбудить жену Екатерину, попил чайку и вышел во двор.

На улице было тихо. Из сада доносилось лишь кроткое щебетание птиц. Воздух, несмотря на раннее утро, был тёплым и душным. Дышалось тяжело.

– Наверное, будет дождь. Нога меня всегда начинает беспокоить перед непогодой, – подумал Яков Акимович, усаживаясь на лавочку.

Якову Акимовичу было уже семьдесят лет. Его часто можно было увидеть на этом месте, сидящим на лавочке. Ему нравилось смотреть на то, как просыпается его родное село, как оживает природа. Дом его был расположен на вершине высокого холма, поэтому его взору открывался прекрасный вид реки Печоры. Особое чувство он испытывал к этой реке. Он всё глядел на неё и не мог понять, чем она так завораживает, привлекает его. То течёт тихо, мерно, то бурлит в непогоду, словно чему-то злится, сердится, заставляя тревожить душу старика.

Сегодня же река была удивительно спокойная, гладкая. На берегу мирно отдыхали рыбацкие лодки. Давно уже Яков Акимович не был на рыбалке. Старый стал, часто болел, да и уходить далеко боялся. А так хотелось ему, как в молодости, сесть в лодку и поплыть по реке. Он вспомнил, как ещё мальчишкой вместе с отцом

ходил на рыбалку, как радовался первому улову. Уходили обычно на несколько дней. Рыбачили, охотились. Отец, Аким Степанович, учил его всему, что сам умел. Рыболовство и охота – это первое дело на Севере. Многие деревенские мальчишки уже с детства учились этому промыслу, кормили семью.

Родился Яков Акимович в большой семье. Было у него четыре сестры: Анна, Ирина, Екатерина, Павла. Он был единственным сыном. Жили небогато, с детства много работали. Закончил он всего четыре класса, так как нужно было помогать отцу: пахать землю, работать в лесозаготовках, ухаживать за лошадьми. Лошади, эти умные и добрые животные, особо радовали его юное сердце. Был у него и любимый конь – Телё. Его он взял ещё жеребенком. Сам ухаживал за ним, кормил, выдрессировал. Телё был совсем ручным. Как любящий хозяин, он доверял ему, никогда не привязывал. Часто брал на рыбалку, на охоту. Конь был его другом, его гордостью. Они всегда были вместе.

Вспомнил Яков Акимович и день, когда уходил на войну. Рано утром он вошёл в конюшню, чтобы проститься со своим верным конем. Дал ему большой кусок хлеба, погладил, похлопал по спине. Телё тихо жевал, глядя на него большими грустными глазами, словно чуя разлуку.

– Прощай, Телё, – сказал Яков коню и быстро вышел. Потом большими шагами спустился к реке. Там было уже много народу. Всё село пришло провожать призывников. Кто-то тихо всхлипывал, кто-то песнями поддерживал тех, кто уходил на войну. Обняв родных на прощание, Яков вместе с остальными призывниками поднялся на катер. Всем в этот момент было тяжело. Каждый думал о своём. Что ожидало впереди – никто не знал.

Когда же катер набрал ход, Яков последний раз взглянул на любимое село, на родительский дом. Вдруг сердце его вздрогнуло. Он увидел своего коня. Телё бежал по берегу, пытаясь догнать уходящий катер. Яков смотрел на него, вытирая слёзы. А конь всё скакал и скакал...

Воспоминания эти встревожили душу старика. Сразу стало ему как-то грустно и одиноко. Глаза наполнились слезами.захотелось ему увидеть сыновей. Вот уже год, как они уехали в город на заработки. Он каждый день ждал их, переживал, а у молодых, ви-

димо, были свои заботы, свои дела. Они, конечно, часто звонили ему, узнавали о его здоровье, но этого отцу было мало, хотелось увидеть их самих. Всего у Якова Акимовича было девять детей, а осталось только два сына: Николай и Иван. Остальные умерли рано, ещё детьми. Вспомнив о них, Яков Акимович глубоко вздохнул, по привычке погладил ногу, которая ныла сильнее, чем обычно, и, прихрамывая, побрёл в свою мастерскую.

Мастерская находилась недалеко от его дома. Здесь у него было всё, что необходимо для работы: большой станок, различные инструменты, доски, брусья. Большую часть своего времени он любил проводить за станком. Сельчане часто обращались к нему за помощью: то косы наточить, то полозья саней отремонтировать. Ему заказывали делать грабли, деревянные лопаты. Он их делал аккуратно, с каким-то особым мастерством. Инструменты получались лёгкие, удобные. Яков Акимович всегда готов был помочь людям, никогда не отказывал.

Вчера вот приходил к нему сосед Коля, попросил сделать грабли. Этим дедушка и решил заняться сегодня. Вначале он стал готовить материал, строгать черенки. Работа эта так его увлекла, что он забыл на время обо всех своих тревогах. Даже устал, вспотел, но это была приятная усталость. Он присел ненадолго, закурил. Вдруг услышал лай собаки и вышел посмотреть, кто пришёл. Во дворе стояли два мальчика.

– Мы к вам, – неуверенно пролепетали ребята.

– Ну, идите поближе, – сказал Яков Акимович, радуясь детям.

– Что же вас ко мне привело?

– Мы к вам с заданием, – ответил один из мальчиков. – Мы в школе организовали кружок. Вот собираем материал об участниках Великой Отечественной войны.

– Хорошее дело затеяли. Молодцы, – похвалил дедушка. – Время же быстро летит. Вот и ветеранов многих уже нет. А написать о них, конечно, надо, чтобы и внуки знали, и правнуки.

– А не могли ли вы рассказать о своей фронтовой жизни? – начали просить его дети.

Яков Акимович опустил взгляд. Он не любил говорить о войне, так как всегда расстраивался. Но отказать мальчикам на этот раз не смог. Он пригласил их в свою мастерскую, предложил сесть

в удобные, сделанные его руками стулья. Дети, довольные, что все так получилось, быстро вытащили свои блокноты, ручки. Дедушка посмотрел на них внимательно, поправил бороду и начал свой рассказ:

– Когда началась война, мне было двадцать восемь лет. Я тогда работал в колхозе. О войне мы узнали от председателя. Это для всех было большим горем. Вскоре мои односельчане стали получать повестки. Меня же призвали в сентябре 1941 года.

Воевал я в составе оленьего батальона на Карельском фронте Мурманского направления. Был стрелком. Охотник был, стрелял неплохо. Вот и зачислили меня в стрелковый полк. Воевали мы на побережье Баренцева моря, защищали Заполярье. Природные условия там были очень суровые. Зимы с сильными морозами, буранами и метелями. Кругом глубокий снег. Дороги хорошей нет. Машины то и дело застревали в снегу. Единственное, на чём можно было ездить, – это олени упряжки. Вот и создали олений батальон. Много оленей тогда отправили на фронт. Со всей тундры собирали. С нашего района только, например, взяли 1629. Так вот, дети, не только люди были на войне, но и олени, – с важностью отметил Яков Акимович. – Без них нам никак нельзя было. На оленях доставляли боеприпасы, еду, тёплую одежду, вывозили раненых и убитых. Олень ведь очень терпеливое животное. Морозов не боится, бегают быстро. Его и кормить не нужно: он сам себя прокормит в тундре. Немецкие лётчики часто охотились за оленьими упряжками, обстреливали, убивали. Много на войне было убито оленей... А сколько друзей моих погибло...

Яков Акимович вдруг остановился, дальше он не мог говорить, ком застрял в его горле. Дети растерялись, не знали, как им и быть дальше. Увидев их замешательство, дедушка Яков взял себя в руки и продолжил дальше:

– Поначалу мне везло. Были, конечно, лёгкие ранения, но перевязка – и снова в бой. А вот в октябре 1944 года получил тяжёлое ранение в правую ногу. Но руки были целы, и я продолжал стрелять из ручного пулемёта. Солдаты тогда себя не жалели. До последнего держались, выполняли приказ. Это был тяжёлый октябрьский бой, после которого многие бойцы моей 72-й морской стрелковой бригады были награждены орденами Красной Звезды.

Потом уже, после боя, санитары собрали раненых, завернули нас в оленьи шкуры, чтобы не замерзли по дороге, положили на нарты и отправили в госпиталь. Я потерял много крови и лежал среди тяжелораненых, умирающих солдат. Раненых было так много, что санитары не успевали переносить нас на операцию. Главврач, проверяя мои документы, наткнулся на фамилию Канев, но впопыхах прочитал с ошибкой и решил, что я родственник маршала Конева. Меня прооперировали вне очереди. Так одна буква спасла мою жизнь... Несколько месяцев пролежал я в госпиталях. Затем вернулся в своё родное село. Так война для меня и закончилась. Война... Скольким людям она поломала жизнь. Пусть в вашей жизни никогда не будет войны, – сказал Яков Акимович с волнением и закончил свой рассказ.

Мальчишки были также взволнованы. Они ещё о многом хотели расспросить, но им было жалко расстраивать дедушку. Они от души поблагодарили его, пообещали прийти ещё раз. Потом вытащили из пакета большую картину.

– Вот. Это вам. Наши ребята нарисовали для вас, – сказали они смущенно и, попрощавшись, быстро убежали.

Яков Акимович посмотрел на картину. Там, на фоне красивой природы, были нарисованы дети с букетами цветов. А внизу выделялась надпись: «Спасибо за мир, за счастье, за светлое будущее». Яков Акимович, растроганный, широко улыбнулся, морщинистой рукой вытер слезу, повесил картину на самое видное место и вышел во двор.

Потихоньку накрапывал дождь. Сначала одна капля упала ему на голову, потом вторая, третья. Яков Акимович не спешил домой. Он посмотрел в сторону реки и не поверил своим глазам: по дороге шли его сыновья, Коля и Иван. Счастье переполнило его душу. Он быстро поспешил к ним навстречу – и уже не хромал, а бежал, почувствовав себя снова молодым, здоровым.

А дождь, тёплый, летний, освежающий, лил всё сильнее и сильнее...

Аблаев Бекир Абкеримович родился 13 июня 1999 года в посёлке Нижнегорском Республики Крым. Ученик 11 класса МБОУ «Нижнегорская СОШ № 2». Автор книг «Приключения Тимки», «Рассказы моего деда», «Невероятные приключения Хайсерчика», «Глоток чистого воздуха». Главный редактор информационно-познавательной газеты «Школьный ковчег». Победитель конкурсов «Серебряное перо» (Судак), «Урок сказки» (Киев), «Белый мамонт» (Тюмень), «Мой голос» (Симферополь), «Звёзды нового века» (Москва) и многих других.

Лауреат литературной премии им. М. Ю. Лермонтова.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ НАГРАДЫ

Как-то после очередного парада, посвящённого Дню Победы, мы с дедом вернулись домой. Дедушка Абдурешит в своём парадном костюме выглядел молодцом. Ордена и медали говорили сами за себя: в лихие годы войны он с честью выполнил свой долг перед Родиной, внёс свой достойный вклад в дело разгрома фашистской нечисти. Его пиджак украшали медали: «За Победу над Германией», «За взятие Вены», «За освобождение Праги», «За победу над Японией»; орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, орден Мужества. Дополняло весь этот иконостас большое количество юбилейных медалей. Вот такой у меня геройский дедушка! Накануне 9 Мая к нам домой приезжал военком Нижнегорского района, который поздравил деда с присвоением ему очередного офицерского звания – капитана и поздравил его с этим событием. Но что было странным, дед не любил особо рассказывать о войне. Он говорил, что война – это грязь, запах крови, гари, война – это разрушения, потеря близких и друзей-однополчан, и вспоминать это очень и очень тяжело... Мы, его дети и внуки, знали, что он на войне был дважды ранен.

Было что-то около полудня, когда мы вернулись. Нас дома ждали мои папа и мама, братик Надир. Обычно после торже-

ственных мероприятий, которые проходили в центре посёлка, где чествовали ветеранов войны, дед приходил домой, где его ждал праздничный обед. Мама сегодня расстаралась, стол был великолепен: салаты, закуски, жаркое, слоённые пирожки, сладости распространяли такие вкусные запахи, что хотелось попробовать всего понемножку и сразу. Дед у меня вообще не пьющий, но в этот день он позволял себе выпить сто граммов, как он любил говорить, – фронтовые... Когда мы немного перекусили, я задал деду вопрос, который мучил меня очень давно:

– Дедушка, вот у тебя столько орденов и медалей, расскажи нам о самой дорогой для тебя, – попросил я.

– Бекир, сынок, все награды для меня дороги, потому что за каждую из них пролита кровь. Так просто на войне награды никто не получал, – тихо сказал дед. Он на секунду задумался, а затем продолжил:

– В 1941 году началась Великая Отечественная война. Мне тогда только исполнилось 16 лет. Немцы очень быстро продвигались на Восток. В ноябре этого же года Крым был уже в руках фашистов. Началось тяжёлое время оккупации. Люди выживали, как могли. Всё взрослое мужское население было на фронтах или сражалось в партизанских отрядах. Мы, подростки и дети, как могли, помогали родителям. Немцами и полицией часто проводились облавы, они угоняли молодёжь на принудительные работы в Германию. В 1943 году я попал в такую облаву и с частью молодых ребят и девочек был угнан в неметчину в рабство. Нас привезли в Австрию в Вену. Там был авиационный завод, куда нас и отправили на работу. Там я проработал до весны 1944 года. Именно в это время англо-американцы усиленно бомбили военные объекты. Заводу и городу был нанесён ощутимый ущерб. Во время бомбёжек в городе царил паника. Однажды во время очередной бомбёжки мне с несколькими товарищами удалось бежать. На их счастье в это время Красная Армия стремительно шла вперёд, приближаясь к границам Германии. После долгих мытарств нам удалось выйти к линии фронта и влиться в одну из частей а Красной Армии. После соответствующей проверки полевым военкоматом данной части дед был зачислен бойцом в действующую армию. Начались

фронтальные будни. Немцы на своей территории оказывали жесточайшее сопротивление наступающим советским войскам.

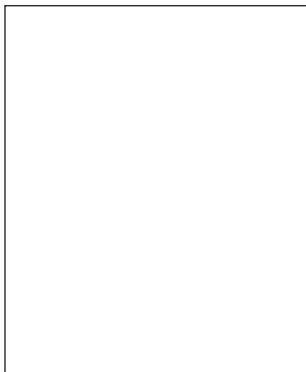
– Дедушка, расскажи, пожалуйста, за что ты получил орден Красной Звезды? – смотря прямо дедушке в глаза, попросил я.

Дед посмотрел на орден, а затем продолжил свой рассказ:

– Мы стояли в одном из пригородов Берлина. Немцы засели на элеваторе, который был заминирован. Из каждого окна, из каждого проёма выглядывали солдаты вермахта, вооружённые фаустпатронами. Наши танкисты после нескольких попыток прорвать оборону немцев были вынуждены отойти на исходные позиции. Проходы и дороги были заминированы. Нужен был срочно язык, который бы показал минные проходы. Командир, построив наш взвод, предложил это сделать добровольцам. Была послана группа из трёх человек. Старшим командир назначил меня. Мы где ползком, а где перебежками пробрались к элеватору и залегли в одной из воронок. Там просидели до сумерек, затем поползли в сторону немецких расположений. У одного из разрушенных домов притаились. Мимо то в одиночку, то группами проходили немецкие солдаты. Нам же нужен был офицер – таков был приказ командира. И мы дождались своего часа. Из пролома одного из зданий в нашу сторону шёл немецкий обер-лейтенант. Когда он оказался рядом с нами, я бросился на него, зажимая ему рот, чтобы он не закричал, а два моих помощника помогли мне его связать. Тем же путём мы вернулись назад. Но всполошившиеся немцы открыли огонь из миномётов. Один из моих товарищей был убит, а я ранен осколком в ногу. Подбежавшие на помощь наши бойцы, помогли нам добраться до своих. Язык оказался длинным – сам командир сапёрной роты немецкой части, который поняв, что война для него уже закончена, показал на карте всё, что нам тогда было нужно. В полевом госпитале, где я пролежал около трёх недель, я узнал, что меня за этот подвиг наградили орденом Красной Звезды. Затем принимал участие в боях за взятие Берлина. То, что было 9 мая 1945 года, описать невозможно. Это была такая радость, радость со слезами на глазах. Затем были бои под Прагой. В лесах укрылись и не хотели сдаваться разрозненные части власовской армии. Летом этого же года нас срочно перебросили на Дальний Восток, нужно было помочь союзникам разгромить

Японию. Через две недели боёв с японцами война закончилась – Япония капитулировала. Затем нас снова вернули на запад, наша часть стояла на Кавказе. Там были собраны большие силы для нападения на Турцию. Нам объясняли это тем, что в этой стране нужно освободить от турецкого ига братьев-армян. Но ультиматум союзников, которые были против этого, этот шаг не был предпринят. В это время началась демобилизация старослужащих солдат, а мы призванные позже, продолжали нести службу. Только лишь в 1951 году я тоже демобилизовался. В Крыму крымских татар уже не было, и я был вынужден искать свою семью в Средней Азии, которых, к счастью, я нашёл в Самаркандской области, городе Джума. Вот так и прошла моя военная служба, – закончил свой рассказ дед Абдурешит.

После того что я узнал, я ещё больше стал гордиться своим дедом, человеком, спасавшим человечество от коричневой чумы. Проходят годы, в следующем году мы отметим 70-ю годовщину со Дня Великой Победы. Вот уже несколько лет нет с нами дедушки Абдурешита, но память о нём будет жить вечно! Когда я смотрю на награды деда, перед глазами воскресают его добрые и мудрые глаза. Вспоминается тот майский тёплый день.

*Макарова Светлана Викторов-
на*

Нет фото!

Нет биографии!

ВРАЖЕСКАЯ ФИНКА

*В те годы был ребёнок мал,
Но он с фашистом воевал.
Судьба отца, судьба народа –
Страничка жизни в книге рода.*

Уже несколько дней вдали, словно раскаты грома, раздавались взрывы и грохот орудий. Отчаянная канонада будоражила жителей оккупированной врагом деревни Лужки Тульской области.

- Скорей бы наши пришли!
- Родная армия выбьет фашистов всех до одного из Лужков!
- шептались с надеждой жители между собой.

А немцы суетились и что-то кричали на своём лающем языке, спешно собирая свои вещи, покидали дома, в которых квартировали, выселив местных жителей. У одного такого Ганса увидел мой отец, тогда ещё пятилетний шустрый крепыш, с большой русской головой и зоркими глазками, блестящую игрушку – финский нож.

«Какая хорошая вещичка! – подумал Витя, – и хлеб, и сало нарезать можно. Он раньше часто наблюдал, как ловко это делал Ганс.

Насмехаясь часто над голодными детьми, немец кидал отрезанные куски сала себе в рот, громко хохотал, дразня их. Но когда Ганс выпивал шнапса или русской самогонки, то становился за-

думчивым и добрым, наверно, вспоминал свою семью, своих детей.

– Что поделать, Матка, война! – говорил он и даже угощал ребятишек плиткой солдатского шоколада.

Тем временем звуки боя и разрывы снарядов становились всё ближе и ближе.

На деревенской улице была страшная суматоха, немцы спешно отступали, Ганс испуганно метался по всей комнате и хватал, что под руку попадёт.

Наблюдательный Витёк заметил, как на краю стола блестит стальным лезвием Гансова финка. Он же враг, значит, его оружие – трофей, смекнул Витёк и, быстро схватив финку, побежал прятаваться за дровяницей возле сарая. Он видел, как Ганс тенью бросился к проезжающему грузовику и грузно запрыгнул в кузов.

– Квартирант отбыл, – прошептал пацан и спрятал свой трофей под рубашку, прихватив нож резинкой от брюк.

Вскоре на деревню спустилась ночь. Звуки боя стихли. Немцы покинули село. Наступила тишина.

– Детки! Спать пора! – сказала ребятишкам Татьяна Ивановна, Витькова мама. Виктор лёг спать, положив возле себя на кровати драгоценный трофей.

Может, ему ночью снилась битва или то, как солдаты Красной Армии входят в деревню. Он вздрогнул, резко повернулся на бок и закричал от боли. Это вражеская финка больно «укусила» его за бок, своим стальным жалом воткнувшись в детский животик.

Встревоженная мать вскочила с кровати и подбежала к сыну. По одеялу и простыне растекалось алое пятно...

Мама с криком схватила малыша на руки и бросилась на улицу. Небо было грязно-бурым, через мрак и черноту длинных серых теней домишек и деревьев, пробивались первые лучи света. Вместе с рассветом в деревню входили уставшие, измученные боем солдаты, которые ещё вчера так жарко сражались, изгоняя фашистов.

Вот оно, долгожданное освобождение. Но с истекающим кровью мальчиком на руках металась испуганная и отчаявшаяся мать.

– Люди добрые! Солдаты, помогите! Мой мальчик ранен! Где врач? – громко голосила женщина.

К ней подошёл пожилой военврач. Взглянув на мальчика, тут же скомандовал:

– Скорее! Нужна операция! А вы, мамаша, подождите! Не таких тяжёлых с того света вытаскивали!

После успешной операции «юный боец» спал, а врач подзвал к себе Татьяну Ивановну.

– Он у вас в рубашке родился, ещё бы на два миллиметра нож вошёл глубже, не спасли бы мальчика.

Видно, не всякий трофей к добру приводит.

А мой папа действительно родился в рубашке, как говорила бабушка Таня. Он появился на свет в тонкой кожаной плёночке.

– К долгой жизни! «В рубашке родился», значит – счастливым будет!

Вот так, хотя и не участвовал в боях мой отец, но был ранен вражеским оружием.

Васькин Тимофей Геннадьевич родился 15 ноября 2006 года в городе Набережные Челны Республики Татарстан. В 6 лет пошёл в школу. Сейчас учиться в 3 классе МБДОУ СОШ № 34. С раннего детства мама читала Тимофею стихи Пушкина, Лермонтова, Есенина, тем самым привила ему интерес к поэзии. Всё свободное время он посвящает литературе.

Я БЛАГОДАРЕН ВЕТЕРАНАМ!!!

Мой дед – он ветераном был,
Но до семидесятилетия победы не дожил,
И многие ведь не дожили.
Мы потеряли в той войне:
Отцов, дедов, да множество людей,
Их не вернуть теперь, но память будет вечна.
Тот страх в глазах детей,
Те слёзы матерей, ту боль, незаживающие раны,
Я благодарен Ветеранам!!!
Я благодарен Ветеранам за Победу ту,
За то, что я сейчас учусь, живу,
За то, что ем и сплю,
Спасибо вам я говорю.
Война – это страшное слово,
Разруха, голод, страдания, боль,
Все это Война несёт за собой,
Война – это серость,
Война – это мрак,
Война – это паника, ненависть, страх,
Ужасная боль от потери людей,
Которых нам не вернуть теперь
Давайте не надо нам этой Войны,
Мы Мира хотим, мы в нем рождены!!!.....

Белоусов Александр Олегович родился 16 июля 1998 в городе Смоленске, где живёт и сегодня. Учится в 11 классе МБОУ «СШ № 27 имени Э. А. Хилы». Абсолютно уверен, что творчество – частица человеческой души, данная каждому при рождении. Главное – не растерять этот дар и не стать бездушным, бездуховным. Именно поэтому, несмотря на увлечение информатикой и компьютерными технологиями, очень любит поэзию.

ПАМЯТИ САНИНСТРУКТОРА КСЕНИИ СЕМЁНОВНЫ КОНСТАНТИНОВОЙ

Чуть слышно шелестит в берёзах ветер,
И соловьи тихонечко поют
О девушке, что в страшном сорок третьем
Жизнь отдала за Родину свою.

Тебе шестнадцать было, как и мне,
Когда земля от боли застонала.
Отцы и братья гибли на войне,
А ты от ран их исцелять мечтала.

На фронт не брали – слишком молода,
А враг Отчизну топчет сапогами!
Так сколько ждать, когда в стране беда?!
И ты ушла, письмо оставив маме:

«Прошу тебя, любимая, прости...
Иначе поступить не в силах я!
Ведь столько раненых смогу спасти,
И к матерям вернуться сыновья!»
Огнём пылала Курская дуга,
Земля насквозь прошита от снарядов.

Ты сил своих совсем не берегла –
Мальчишек отобрать у смерти надо!

Когда бойцы в атаку поднялись,
Ты ни на шаг от них не отступила.
Они кричали: «Ксюшенька, держись!»
И ты держалась, молча боль сносила.

Но под ногами мина взорвалась,
Упала ты, как раненая птица ...
Дивизия с боями вдаль неслась,
А ты – под Тулу, в госпиталь, лечиться.

На фронт вернулась только в сентябре,
Однополчан нашла в Смоленском крае.
Все были рады юной медсестре –
Вновь рядом их подруга боевая!

Жестокие бои под Рудней шли,
Горели танки, мессеры взрывались.
Фашисты, не щадя, деревни жгли,
Но ты их зверств и казней не боялась!

Ты с поля боя раненых несла,
Не прячась от бомбёжки и обстрелов.
Ты столько жизней молодых спасла!
А вот сама пожить и не успела ...

Когда снаряд попал комбату в грудь,
Ты на себе его в медчасть тащила.
И тут же, не успев передохнуть,
Ты к тем, кто ждал тебя, уже спешила.

Но им помочь ты больше не смогла:
Фашисты всех лежащих расстреляли ...
И ненависть вдруг сердце обожгла,
И слёзы на ресницах засверкали.

Тогда взяла ты в руки автомат,
Стреляла до последнего патрона.
Ты отомстила им за всех ребят,
Оставшихся лежать под этим склоном.

И от шести десятков сатаны
Россию ты тогда освободила.
Но силы были слишком неравны –
Шальная пуля голову пронзила ...

Ты в плен попала к страшному зверью,
Тебя пытали, мучили, терзали.
Вот только Родину предать свою
Фашисты не смогли тебя заставить!

Погибла ты в Смоленской стороне
И в братской похоронена могиле ...
В Шатилове печальный монумент
Нам говорит о мужестве и силе.

Тебе навеки восемнадцать лет.
Враги мечты о счастье оборвали ...
Звезда Героя излучает свет,
Жаль, что её тебе посмертно дали.

Ты не увидишь радостный салют,
А в День Победы – на могиле розы,
Да соловьи тихонько песню поют,
Да ветер шелестит листвой берёзы.

Я слёз, в глазах застывших, не стыжусь.
От всех живущих ныне поколений
Скажу тебе: «Я помню! Я горжусь!»
И пред тобою преклоню колени ...

Бирюков Арсений Анатольевич родился 9 марта 1998 года в городе Дмитриеве Курской области. В настоящее время ученик 10 класса средней школы № 1 города Дмитриева. Победитель регионального этапа Всероссийского конкурса «Лучший урок письма».

РУССКИЙ ВОИН – ПРОСТОЙ ПЕШИЙ РЯДОВОЙ...

(Интервью с погибшим прадедушкой)

Уже семь десятилетий
Вспоминаем с болью мы,
Как в июне, на рассвете
Мир взорвался на планете,
Погрузившись в ад войны.

Теперь третье поколение
Продолжает мирно жить
С того страшного мгновенья,
Что пришлось нам пережить.

Мы растем, проходят годы,
И нам с каждым днем ясней,
Сколь для будущей свободы
Полегло тогда людей.

Своей жизнью наши братья,
Мамы, папы, сестры, деды
Трудом честным, славой ратной
Ускоряли миг Победы.

Под Москвою и под Курском,
В Сталинграде и у Бреста
Стоял насмерть воин русский:
Храбро, мужественно, честно.

Среди памяти достойных,
Тех, кто бился как герой
Был мой прадед – русский воин,
Простой пеший рядовой.

Среди многих в сорок первом,
Ушел прадед на войну,
Был контужен под Ржевом
И погиб от ран в плену.

Интересно, каким был он,
Чем его отмечен путь?
Захотелось на мгновенье
В ту эпоху заглянуть.

Как прадедушка сражался?
Какой подвиг совершил?
Как в застенках оказался,
И как путь свой завершил.

Прошло семь десятилетий
Как его уж не вернуть.
Но так хочется, чтоб мне он
Рассказал про ратный путь.

Пусть на детские вопросы
Мне ответит как живой.
Не доживший до Победы
Простой русский рядовой.

...Я: Ты ушел двадцатилетним, полной жизни не отведав. И тебе отцовской доли оказался мир неведом. Ты не был на свадьбе дочки, никогда не нянчил внуков. И жена ушла из жизни, ожидая тебя в муках. Не жалеешь, что не прожил, сколь судьбой тебе положено? Если можешь, то ответь мне, где есть миг презренья смерти?

Прадед:

Жить любой ценою – трусость,
Низость – жить за счёт другого.
Смерти надо быть достойным,
Не ища пути иного.

Я – погиб, но моей смертью
Сохранить смог жизни близких,
Отчий дом под старой ветлой,
Что шатром над ним нависла.

Я убил того фашиста,
Что спалить был должен хату.
Смерть принять на поле боя –
Венец доблести солдату.

Я бы умер, если б прожил
Жизнь предателя и труса.
Я живой – пока что помнят
Тех, кто с фронта не вернулся.

...Я: То сражение под Ржевом было первым в твоей жизни? О чём думал перед боем? О семье ли? Об Отчизне?

Прадед:

Мы приняли бой внезапно,
Встретив вражеские части.
Думал я о том, чтоб выжить
В зоне танковой напасти.

Всё пытался не прослушать
Хриплый голос командира.
Чтоб невольно не нарушить
Честь солдатского мундира.

Думал, как бороться с танком
Как отсечь огнем пехоту,
И о том, что в два десятка
Лет погибнуть не охота.

А когда взорвалась мина
Мысли все ушли куда- то –
Помню лишь что отодвинул
И накрыл собой комбата.

... А очнулся уж у немцев –
Среди раненых лежу я.
Вот тогда заныло сердце –
Вспомнил дочь, жену родную,

Мать, отца, плетень с крапивой,
Лунный свет над старым прудом.
Всё, что трепетно и мило,
Всё, что сердцу было любо.

...**Я:** Ныне актуальны споры (и известен взгляд на вещи), что в сражениях могло быть жертв существеннее меньше. Гибель многих миллионов мирных жизней – сумасбродство. И такой ценой Победа – сущий вздор, а не геройство. Если б каждого смогли мы, хоть минутою почтить, то пришлось бы лет на сорок в скорби голову склонить.

Прадед: В стиле русского народа
Хранить память о погибших,
Донося из рода роду
Честь и подвиги их жизни.

Вот поэтому всем миром
Сорок лет вы в скорби были.
А мы, памятью живы,
Нашу родину хранили.

Посчитай, сколь мы молились
И увидишь, что мы правы:
Годы скорби завершились
В год падения державы.

Мы в сраженьях не считали,
Сколь забрала смерть людей.
Мы лишь храбро воевали
С каждым днём всё злей и злей.

Может, наши командиры
Где-то в планах просчитались,
Может быть, что и фашисты
Их умнее оказались.

Но когда солдаты вражьи
Землю русскую топтали.
Мы на недочёты старших,
Погибая, не роптали.

Глупость старших командиров
Нам, солдатам, не помеха.
Храбрость, мужество и смелость –
Суть военного успеха.

Пусть историки сегодня
Говорят о «лишних» жертвах.
Подвиг нашего геройства
И с веками не померкнет.

Друг за другом без устатку
Годы все быстрее бегут,
У погибших смертью храбрых
Давно правнуки растут.

Новых подвигов страницы
Открывают времена.
И по-прежнему гордится
Славным подвигом страна.

Жуков, Голиков, Покрышкин,
Маринеско, Мерецков.
И в одной шеренге с ними
Прадед – М. А. Бирюков.

Не изображен он в фильмах,
Не известен из стихов,
Не расскажут на уроках
Чем велик и кто таков.

Но бессмертия достоин,
Тот, кто мир для нас сберег:
Юный прадед – русский воин,
Простой курский паренёк.

Воробьева Кристина Игоревна родилась 9 декабря 1997 года. Проживает в городе Пензе.

Обожает читать книги, особенно современных писателей. В будущем хочет писать свои собственные книги, которые, надеется, будут интересны читателям. Любит мечтать и воплощать свои иллюзорные образы в жизнь в виде написанных строк. Ей кажется, любой творческий человек имеет

свои способы и возможности творить.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ РУБАШКА НЕ НУЖНА

Виталий Кудрявцев – это мой двоюродный прадед.

Это произведение посвящено его памяти.

К сожалению, я не застала его живым, но рассказ о войне был передан его потомками и дошёл до меня.

Всё было тихо в ту ночь. Не слышно ни выстрелов, ни взрывов, ни предсмертных криков. Я наслаждался тишиной, которая грозилась перерасти в настоящую кровавую бурю, от которой нет спасенья. Но пока смерть не дышит мне в спину, я могу спокойно отдохнуть и вспомнить мирные дни.

Вот уже два года я не был дома. Два года я не видел родных, не обнимал мать, порывисто прижимая к своей груди, не гладил по волосам сестру. Отца я уже давно потерял, ещё в детстве, которое кажется мне сейчас таким далёким. Перед глазами мелькают воспоминания: вот я на речке с друзьями, вот играю в прятки с Марусей, а вот таскаю воду в дом.

Всё это сейчас почти стёрлось из моей памяти. Всё светлое вытеснила война. Война, которой не видно конца. И сейчас, лежа в военном госпитале, я не способен убежать от тяжёлых мыслей, съедающих мой разум. Выживу ли, вернусь ли, увижу ли?

Степка Шальной, мой верный боевой товарищ, говорит, что такому, как я, не суждено здесь умереть, среди всей этой грязи.

Я спрашивал его, почему. На что слышал ответ: «Не такая у тебя судьба, я это чувствую». Пусть это лишь надежда, пусть самовнушение, но я ему верю. Верю, что однажды я вернусь домой.

– Виктор Кудрявцев!

– Да? – поворачиваюсь на зов и натыкаюсь на озабоченное лицо врача.

– К тебе посетитель.

В голове пронеслись тысячи мыслей. Неужели это Варенька приехала навестить меня? Но как бы она узнала, куда меня увезли?

Пока я был занят размышлениями, на мое плечо опустилась тяжелая рука.

– Здравствуй, Витька!

Передо мной стоял мой друг, Степан.

– Ты как здесь?

– Да вот тоже в бою не повезло. Пуля-дура зацепила. Совсем немного. Быстро заживёт, – улыбаясь, сообщил он.

– А ты как себя чувствуешь? Все-таки неслабо тебе при последних действиях досталось.

– Нормально, Стёп, нормально. Ты вот что скажи мне лучше, от Вари письмо не приходило?

– Хей, брат, приходило. Я как чувствовал, с собой его всегда носил. Вот и принёс. Держи!

Стёпа протянул мне смятый конверт. Я дрожащими руками взял его, достал письмо и принялся читать.

«Здравствуй, Витенька. Знаю, что и так тяжело тебе, но всё же скажу, что я очень соскучилась по тебе. Ночами вспоминаю твой светлый образ. Сокол ты мой, только вернись. Беги от Смерти со всех ног! Милый, я жду тебя, помню и люблю.

Навеки твоя, Варя».

Я перечитал письмо ещё раз, пока на листок не капнула слеза.

– Эй, Вить, ну не надо. Всё у вас хорошо будет. Вернёшься ты домой, и вместе с Варькой заживёте счастливо.

– Да, Стёп, спасибо, – ответил я, утирая слёзы.

– Шальнов, на выход!

– Ну пока, брат. До скорой встречи, – Стёпа похлопал меня по плечу и скрылся за дверью.

Я лёг на постель и погрузился в светлые воспоминания, ведь это всё, что у меня тогда было.

С Варенькой Сивоглазовой я познакомился в начале войны. Нашу дивизию занесло, как говорится, не в ту степь, ошиблись мы дорогой. Но сейчас, я даже рад этому, ведь тогда я, возможно, никогда не встретил бы её. Её мягкие каштановые локоны я часто вижу во сне, до сих пор помню тепло её рук, хоть и не виделись мы уже полгода. Помню яркий блеск её серых глаз, что так завораживал меня ночами, помню лёгкую улыбку, которой она одарила при нашей первой встрече.

Я тогда впервые получил боевое ранение, и меня направили в госпиталь на восстановление, там-то я и встретил её. Варя была помощницей медсестры, так как была ещё слишком молода. На тот момент ей только недавно исполнилось семнадцать. Она стала моей первой и настоящей любовью. С первого взгляда я был готов покориться этой милой девушке только за одно движение её губ.

Я помню, как вечерами она приходила ко мне и рассказывала удивительные вещи: о далёких звездах, на которые обожала смотреть, о горизонте, который недосягаем... Она верила, что, когда война закончится, она отправится туда, за горизонт, вместе со мной.

Но всему приходит конец. Я поправился и снова встал в строй, навеки запрятав в своё сердце воспоминания об ангеле с яркими серыми глазами и прекрасной улыбкой.

Я не видел её с тех пор, нас разделяли сотни километров. И только лишь редкие письма от неё давали мне возможность надеяться.

Из дома писем почти не было. Осознание того, что моим любимым женщинам каждый день угрожает опасность, сводило меня с ума. Мама и сестрёнка Маруся сейчас на родной земле ждут меня с фронта, верят, что я вернусь. А я верю в то, что они останутся живы...

Через месяц меня снова отправили воевать. Я окреп телом и духом, так что как можно скорее решил добраться до своих. Стёпка, как мне сказали в госпитале, ещё три недели назад вернулся. Надеюсь, за это время с ним ничего не случилось.

Степан старше меня на пять лет, но разница в возрасте не мешает ему при общении со мной. Он верный друг, который не раз прикрывал мою спину в бою. К тому же Стёпа всегда сможет воодушевить меня лишь парой слов. Таких людей мало на фронте...

Вернувшись, я сразу же пошел искать его. Нашёлся он довольно быстро. Степан чистил картошку на ужин. Я напросился к нему в помощники, так больше пользы и ему, и мне.

– Витька! – увидев меня, воскликнул Стёпа и направился ко мне.

Обнявшись, мы, тихонько переговариваясь, принялись за работу.

– Ну, Стёп, как у нас здесь идут дела?

– Да что тут... – вздохнул парень. – Немец, собака, обнаглел совсем. Вчера нас Петр Николаевич на разведку посылал. Думал, живым не выберусь. Ох, изрядно мы потяпались.

– А зачем командир привёл в действие разведывательный отряд? – поинтересовался я, кидая в кастрюлю очередную картошку.

– Так говорю ж тебе. Немец обнаглел! Того и гляди скоро наступать начнет. Мы тут как на пороховой бочке сидим, дыхнуть боимся. Скоро стрельба начнётся, дружище. Тогда только ноги унести...

– А воевать кто будет?

– Мы, кто ж ещё? Только вот живыми-то мы больше сгодимся, нежели мертвыми. Лучше схорониться да потом пригодиться, чем глупо подставлять свою ветреную голову под пули. Согласен?

– Наверно. Не знаю я.

Так и прошёл наш вечер за разговорами и чисткой картошки. Потом нас в караул отправили. Тут уж не поговоришь, зато, изредка оборачиваясь на Степана, я улавливал задор в его глазах, и от этого мне становилось немного лучше.

Через неделю нас атаковали... Мы бежали со всех ног на встречу врагу. Обратного пути не было: либо смерть героя, либо смерть дезертира, убежавших с поля боя свои солдаты расстреливали на месте.

– За Родину, ребята! Не бояться! Тех, кто повернется спиной

к врагу, расстреляю лично! А если уж я повернусь, стреляй меня! Вперед!

Вокруг словно был туман. Голоса, крики, топот, гром орудий – всё сливалось в единый гул. Я не мог различить, где друзья, а где враги. Я бежал и стрелял в эту серую копошащуюся массу впереди. Наверно, там наши убийцы.

Один за другим мои товарищи падали замертво. Одна за другой их души покидали тела. А я бежал. Бежал так быстро, насколько хватало сил. Я не знал, умру ли сегодня или останусь жить, но я верил. Люди впереди падали, как домино на столе.

Нас выпустили убивать, чтобы другие могли жить. Я уверен, что каждый из нас тогда готов был отдать свою жизнь за Родину. И я тоже. Мне казалось, что этот бой был самым страшным из всех, что я видел в свои двадцать лет. Словно небо разверзлось над нами, обрушивая на грешных всю свою ярость.

Я не хотел убивать... Я хотел мирной жизни, хотел счастья. Но получил лишь пулю в правое плечо. Меня пронзило жуткой болью. Нет, я не мог сейчас подвести своих товарищей. Пока я жив, буду сражаться! Стиснув зубы, я побежал дальше.

Всё вокруг превратилось в сплошную мясорубку. Тела людей падали один за другим. Мне было так страшно... Казалось, что я видел саму смерть тогда.

Стреляя из автомата, я молился только об одном: только бы патроны не кончались. Не останется их, и я точно труп. Только бы они не кончались...

Я увидел Стёпку. Он, исполосованный кровавыми росчерками, втапывал очередного немца в грязь. Готов поклясться, что я разглядел в его глазах небывалую отвагу и желание победить. В его руках не было автомата. Это могло значить лишь одно: патроны... кончились...

Стоило лишь мне подумать об этом, как голова Стёпки мотнулась назад, и он, раскинув руки, упал на землю, пропитанную людской кровью. Боже... Его глаза остались открыты, но, увы, в них я уже не мог увидеть ничего, что напомнило бы мне моего дорогого друга. Степан был мертв.

– Стёпка! – кричу я что есть сил и бросаюсь к нему.

Дальше была лишь темнота...

И вот я снова на больничной койке. Всё те же белые простыни, болезненные стоны и серые лица. Постепенно пришло осознание того, что теперь я остался один. Нет больше моего боевого товарища, лучшего друга и прекрасного человека. Больше я не услышу его весёлый голос, говорящий мне «Держись, брат, прорвемся!», теперь мне никогда не ощутить тяжести его руки на моём плече, теплоты его дружеских объятий.

Стёпка... Зачем ты так со мной? Я ведь не смогу один. Не смогу пройти всю войну и вернуться домой живым, не смогу встретить твоих родителей и передать им от тебя привет, не смогу снова заглянуть в твои глаза и увидеть там поддержку. Шальных Степан геройски погиб, а я теперь один...

Прошёл уже год после смерти Степана, а я до сих пор вспоминаю о нём по ночам. Только во сне я могу поговорить с ним, вспомнить о былых временах. Даже после смерти он помогал мне не сломаться.

Я не раз встречал людей, которые не выдерживали войны. Видал, как солдаты рыдали, словно дети и просили вернуть их домой. Их расстреливали. Такие защитники не нужны были Родине.

За год нас перебрасывали в разные места. Я втайне надеялся, что нас отправят туда, где я смогу быть поближе к Варе. Она всё ещё присылала мне письма, в которых умоляла меня жить.

Да, Варенька, я стараюсь, действительно стараюсь, но порой так хочется покрепче затянуть петлю на шее... Нет, я буду жить, родная! Что бы ни случилось, я буду жить! Ради нас, ради моей семьи, ради Стёпки.

Нас отправили в запас из-за сильных потерь после последнего сражения. В душе все были рады этой недолгой передышке, но произнести это вслух, никто не смел. Каждый из бойцов должен был пройти медицинский осмотр. Я отправился в больничный домик, когда подошла моя очередь.

Войдя, я не поверил своим глазам: передо мной стояла Вара. Всё те же каштановые локоны, сверкающие глаза и милая улыбка, но сильно исхудавшее тело. Все звуки разом стихли, стоило лишь мне посмотреть на её прекрасное лицо.

– Витенька, – прошептала она и бросилась ко мне на шею. – Живой!

Я сам не заметил, как мои руки обняли её тонкую талию, а из глаз потекли горькие слёзы радости.

– Живой, живой... – бормотала Варя, обнимая меня всё крепче.

А я не мог вымолвить ни слова. Казалось бы, вот она, моя любимая, рядом, но я никак не мог в это поверить. Всё казалось мне каким-то не реальным и до абсурдности обманчивым.

– Витя, нас сюда переправили на помощь пострадавшим бойцам. Витя, я так рада, что и ты оказался здесь. Я ведь надеялась и ждала, верила.

– Так, голубки, нечего мне тут. Здесь вам не место для свиданий, а медпункт, – притворно строго сказала вошедшая медсестра, Катерина Иванова Золотова.

– Да, тётъ Катъ, хорошо, – утирая слёзы, пробормотала Варя. – Мы уже всё.

– То-то же, – вновь сказала Катерина Ивановна, украдкой смахнув со щеки солёную дорожку.

Вечером мы сидели под деревом и размышляли о будущем. Варя снова рассказывала мне о своих мечтах и планах. А я улыбался, глядя на неё, и осторожно гладил по волосам. Она была моим лучиком в этой непроглядной тьме, моим указателем к счастью.

Тогда я твёрдо знал, что именно с ней я хочу связать свою жизнь. Мы разговаривали о свадьбе, о моей семье, о детях, которых у нас точно будет двое – мальчик и девочка. О своей семье Варя не вспоминала, она была сиротой.

Я крепко обнимал её и нежно шептал слова любви. Тогда мне даже было страшно оттого, насколько крепко я привязан к ней, как сильно я её люблю. Мне казалось, что я умру сразу же, если потеряю её. Я старательно отгонял от себя подобные мысли, ведь сейчас Варенька рядом, обнимает меня и прижимается губами. Я надеюсь, что у нас всё будет хорошо.

Как оказалось, недолгим было наше счастье. В ту же ночь деревушку разбомбили, и на месте лазарета осталась лишь куча пеп-

ла. В том стареньком домишке были все раненные и медсёстры. Там была моя Варенька. Моя ненаглядная умерла, не успев почувствовать вкус жизни, насладиться ею. Я вновь остался один.

Я плохо помню, что было со мной тогда. Позже мне рассказывали, что я рыдал на коленях перед бывшим домом, прося любимую вернуться.

В голове было пусто, но в груди бушевали огонь, обида и злость на судьбу. Она ведь была ещё совсем маленькой, такой красивой и невинной. За что небеса забрали её? Она ведь помогала людям, вытаскивая их с поля боя, спасала их жизни и залечивала раны. Она давала солдатам второй шанс. Но ей шанс не дали. Все её письма я носил с собой. У меня не было её фотографии, но были воспоминания, была любовь и скорбь. Я проклинал себя за то, что не смог её уберечь, ведь был рядом. Не смог спасти её из горящего дома, не смог помочь Катерине Ивановне и остальным. Я ничего не смог сделать для того, чтобы не допустить их гибели. Я оказался слишком слаб.

Война идёт уже четыре года, четыре нескончаемых года. Кажется, что все мы попали в горящий ад, из которого никому не выбраться. Погибло столько людей, что, наверно, следящие уже сбились со счёту, разрушено столько деревень, сколько нам уже вряд ли построить, разбито столько надежд, что нам уже их вовеки не склеить.

Май, почти конец весны, а конца войне ещё не видно. Сколько нам ещё сражаться? Сколько погибать? Сколько ещё храбрых парней должно умереть, чтобы наконец всё это закончилось? Ответов нет. Никто не знает, что ждёт нас впереди.

Меня радуют всего два обстоятельства: я жив, и жива моя семья, остальное отходит на второй план. Последнее письмо от них я получил около трёх месяцев назад, хотя раньше писали каждые две недели. Я ведь жил от письма до письма, а теперь они замолчали. Наверно, просто не дошло письмо, раньше тоже случались задержки. Но меня всё равно мучает вопрос: «Стоит ли быть уверенным, что ничего плохого с ними не случилось?».

«Победа!» – слышалось со всех сторон. Только что по радио сообщили, что война окончена. Мы победили. Потом и кровью мы заработали эту победу, вырвали зубами у захватчиков, отдали свои жизни.

Стёпка, Варенька ... Как мне вас не хватает сейчас. Не дожили, не увидели...

Солдат отправили по домам, если таковые остались. Я же всей душой желал скорейшего возвращения в родные края, жаждал увидеть мать и сестру.

И вот я уже сижу в поезде, одолеваемый томительным ожиданием долгожданной встречи. Я не могу понять, то ли всё перед глазами мелькает слишком быстро, то ли это я слишком сильно погружаюсь в себя, но опомниться я не успел, как уже стоял на станции своего маленького городка.

И он, родимый, пострадал от немецкой руки. То тут, то там видны были отметины войны: разрушенные здания, сгоревшие постройки, опустевшие дома ...

Я ускоряю шаг, пока не натыкаюсь на знакомое лицо.

– Баб Мань! – кричу, подбегая к старушке.

– Господи, Витенка, живой! А нам ведь на тебя похоронка пришла, – запрочитала старушка.

– Как похоронка?

– Да вот так, голубчик, мать с сестрой тебя уж год как похоронили. Им сообщили, что тебя бомбой убило.

– Да нет, баб Мань, ты путаешь что-то.

– Нет, Вить, ничего я не путаю. Мы каждого погибшего и пропавшего хоронили: кого с телом, кого без тела. Но ты, слава Богу, жив остался, – сказала старушка и перекрестилась.

– Да, верно. Ну, я пойду, обрадую маму с Марусей. Дождались ведь они меня, – улыбнулся я.

– Нет, Витенка, не дождались, – опустила голову баба Маня.
– Немцы их убили ...

Меня словно парализовало. Я уже не слушал сбивчивое бормотание старушки, а рванул к своему дому.

Вот он, здесь, за деревьями ... был ... На месте старого домишки бесформенной грудой лежали лишь чёрные угли. Нет больше моего дома, нет больше моей семьи, нет больше смысла жить ...

Почему, почему они мертвы?! Они обе мертвы! Я прошёл всю войну и остался жив, я убивал, а они же невинные создания, женщины, убиты. За что такая несправедливость?!

Слёзы градом капали на землю. Я сгребал её руками, сотрясая воздух дикими криками душевной боли, раздирающей меня изнутри. Я не мог поверить, что в этом мире больше нет никого, кого бы я мог назвать своим родным человеком.

Я помню, как заплетал косички Марусе, как собирал яблоки для мамы, как старался занять место отца, когда его не стало. А что теперь? Былого уже не вернёшь, а будущего уже не построишь.

Нечто очень-очень важное вырвали из моей души – веру в лучшее. А зачем верить, зачем надеяться и ждать, если не для кого? Больше нет тех людей, ради которых я готов был пожертвовать всем, чьи лица я видел с самого рождения и чьи тёплые улыбки и нежные объятия не смогу забыть.

Любимая мама, обожаемая сестра, лучший друг, первая любовь... Всё это рассыпалось прахом перед безжалостным лицом войны.

Я стоял напротив их могил и смотрел на кресты. На них не было фотографий, но я восстановил в памяти их светлые образы. А вот рядом и моя могила. Где-то там, под землёй, спрятан гроб, пустой гроб. Сейчас мне кажется, что лучше бы он не пустовал.

Если бы я погиб, то был бы сейчас вместе с ними. Может, это такое наказание? Но за что? Я ведь сражался за свою Родину. Будь моя воля, я немедля наложил бы на себя руки, но ведь самоубийцы не попадают в рай. А они в раю, все они, я уверен.

Что ж, мне остается лишь гнить на этой брэнной земле, пожинать плоды разрухи и молиться за своих любимых. Когда-нибудь я присоединюсь к вам. Ждите...

Капралов Михаил Андреевич родился в 2003 году в Казани. Своё первое стихотворение сочинил в возрасте 4 лет. В 2009 году поступил в гимназию № 139 города Казани. Сейчас учится в 7 классе. Любимые предметы – физика, математика и литература.

В свободное время занимается баскетболом.

Искренне благодарит маму, Капралову Ирину Алексеевну, за помощь

в написании работы.

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ

Наш бесценный семейный архив...
Я к нему прикасался не часто.
Просто знал: там медали,
там письма с войны,
Документы, какой-то паспорт.

Но сейчас мне двенадцать лет,
О войне я немного знаю,
Про неё я в книгах читал,
А тут история своя, живая.

Попросил я бабулю рассказать об отце.
Кем он был? Как он жил? Воевал где?
Чем занимался он на войне?
Что за человек, мой прадед?

Вот открыта шкатулка –
семейный архив.

Я смотрю, не дышу, жду рассказа.
А с пожелтевшего фото глядит,
Улыбаясь, Алим, мой прадед.

?????

?????

Я сжимаю в дрожащих руках
Пожелтевший листок анкеты.
На исписанных мелко листах
Жизнь проносится, радости, беды...

Сирота. Детский дом. Тяжкий труд.
Ну и сложной была дорога!
Школа, техникум, институт,
А работы как было много!

А потом началась война...
Что военный билет мне расскажет?
В сорок первом году дед ушёл воевать.
Инженером он был, капитаном.

Наводил он понтоны и строил мосты,
Тяжела была эта работа.
Иногда ночевал он в болотах, в грязи,
Приближая победу, как мог он.
Вот на снимке дед с друзьями сидит.
Это память с далёкого фронта.
Фото душу мою бередит,
И читаю я снова и снова.

Свою фотографию дед подписал:
«Победу над злом наш солдат одержал.
Помните, дети и внуки мои,
Не забывайте героев войны!»

Прадедушка был советский солдат.
В архиве я вижу много наград.
Ордена просто так на войне не давали.
Лишь с риском для жизни их получали.

Наград разных много, и все боевые –
Особенно ценны они.
Хранятся в шкатулке четыре медали
И орден Красной Звезды.

Вот я вижу открытку – новогодний привет
Из далёкого сорок второго.
Как и сотни других, верил мой дед,
Что закончатся ужасы скоро.

Если б знали бесстрашные люди страны,
Смертельно уставшие взводы,
Что до конца войны остались не дни,
А длинных четыре года.

А вот перевязаны тонкой тесёмкой
Прошлой жизни святые мгновенья,
Треугольники, письма войны,
Я читаю с огромным волнением.

Им уже по семьдесят лет,
И местами истёрлись страницы.
Сколько нежности в них и любви ...
Вот какая была переписка:

Да! Жестока была война!
Люди жили в разлуке от письма до письма.
Очень важные эти страницы.
Дедом, бабушкой буду гордиться.

А этот тонкий пакет не простой.
Дед вёз с фронта тетради домой.
В них вырезки из военных газет и стихи
Из них узнаю я тяжёлые будни войны.

Полустёртые строчки ...
Едва разобрать ...
Их писал дед в землянке,
Что хотел он сказать?

Что народ не сдавался, не унывал,
Анекдоты смешные и басни о фрицах писал,
Чтобы враг поскорее убрался с родимой земли,
Чтобы люди не знали больше войны!

Очень жаль, что деда уж нет.
Не могу я к нему прижаться.
Не могу расспросить о войне
И над шуткой его рассмеяться.

Но бесценный семейный архив,
Словно добрый, прекрасный волшебник,
Рассказал мне про целую жизнь
И судьбу того поколения.

Закрываю семейный архив.
Пусть хранит он связь поколений.
Много лет мы его бережём.
Он частичка нас, без сомнения.

?????

Кадо́мцева Елизавета Сергеевна родилась в 2000 году в городе Пензе. В настоящее время живёт селе Кувак-Никольском Нижнеломовского района Пензенской области.

Учится в 9 классе МБОУ СОШ села Кувак-Никольское.

В свободное время любит писать стихи.

Искренне благодарна маме, Кадо́мцевой Светлане Александровне, за помощь в подготовке работы.

Стихотворение

Посвящается моему прадеду, Марайкину Павлу Петровичу, участнику Великой Отечественной войны.

МОЙ ПРАДЕД

Мой прадед был разведчиком
 Во времена войны.
 Сражался стойко, смело,
 Чтоб в мире жили мы.
 А из его рассказов
 Узнала я о том,
 Как строил прадед планы
 В селе своём родном.
 Работая на тракторе,
 Безусый паренёк
 Считал, что путь он выбрал верный
 Из тысячи дорог.
 Но все мечты разрушила
 Проклятая война,
 И, взявшись за оружие,
 Вся поднялась страна.
 И сельский стойкий парень
 В бою не оробел.

За храбрость и отвагу
Награды он имел.
Зачислен дед был лыжником
В отдельную бригаду
И на Онежском озере
Впервые встретил гада.
А дальше – кинохроника
Военных трудных лет:
Немало испытаний и пережитых бед.
От Заполярья дальнего
До Польши и до Праги
Солдатом прошагал мой дед
В передовом отряде.
Контужен был под Одером,
Но выбраться сумел,
Из госпиталя быстро
Вернулся в свой удел.
Великую победу
Встречал в Чехословакии.
Как вспоминал мой прадед:
«Мужчины даже плакали».
Затем – война с Японией.
И снова дед в строю.
Чтоб защитить страну свою,
Судьбу твою, мою.
Освобождал Курилы
И там японцев бил.
И с жизнью не считался –
Он Родине служил.
Смотрю я на героя –
Седого и в морщинах,
Но статного и крепкого
Советского мужчину.
И боль, и радость в сердце
Переполняет верх,
Мы все тобой гордимся,
Родной наш человек.

Варлашкина Елизавета Владимировна родилась в станице Егорлыкской Ростовской области, сейчас проживает в хуторе Новониколаевском Верхнедонского района Ростовской области.

Обучается в МБОУ «Новониколаевская СОШ» в 8 классе.

Посещает кружок «Изостудия», со своими работами участвовала в региональных, областных, всероссийских и международных конкурсах. Очень любит

читать книги. В свободное время пробует писать сама.

Благодарна за помощь в написании конкурсной работы своей бабушке – Л. К. Великохатской, племяннице героя рассказа, и сельскому библиотекарю – И. Н. Кашириной.

СОЛДАТ ПОБЕДЫ – НИКОЛАЙ МАГАЗ

*Война превращает в диких зверей людей,
рождённых, чтобы жить братьями.*

Вольтер

На улицу спускался тихий летний вечер... Николай Фёдорович ехал домой на лошадах и думал о своей жизни. Он радовался тому, что сейчас над ним мирное небо, нигде не раздаются выстрелы. А кажется, что ещё совсем недавно, в 1941 году, объявили о начале войны с Германией...

Тогда 26-летний Николай попал в военную часть, где служил старшим сержантом, помощником командира взвода связи... Вспомнить есть что из службы... Легко, но часто с душевной болью, вспоминаются Николаю Федоровичу товарищи, с которыми делил и место в окопе, и кiset с махоркой...

Но почему-то вдруг в памяти возник более близкий 1945 год... Бои по расширению плацдарма на правом берегу Днепра. Старшего сержанта Магаза вызывают к командиру в штаб. Перед ним ставят задачу: форсировать Днепр, то есть переправить

провода для связи со штабом на другой берег реки. И тут Николаю Фёдоровичу в голову пришла идея.

– Сделаем, товарищ генерал, задание выполним, но есть одна просьба, – бодро сказал Магаз. – Хочу в бой пойти коммунистом.

Генерал положил ему руку на плечо и сказал:

– Молодец, старший сержант.

Он знал, что солдату можно доверить сложное задание, и считал Магаза достойным быть коммунистом.

А Николай своим крестьянским умом и умудрённым жизненным опытом понимал, что выход можно найти из любого положения.

В это время через Днепр был проложен так называемый «ложный» мост, на который немцы перестали обращать внимание, потому что по нему никто не ходил, и ничего не переправляли. Николай Магаз вместе со своим взводом ночью вплавь переплыли реку и по сваям «ложного» моста протянули провода. За это задание Николай Фёдорович получил орден Красной Звезды.

– За находчивость и умение, – говорил генерал. – Ты настоящий Донской казак.

Были и другие награды у Николая: орден Отечественной войны I и II степеней, медали «За отвагу», «За оборону Москвы», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы» и 18 благодарностей Верховного Главнокомандующего. Но не любил он их показывать и как-то обсуждать.

... Дорога меж тем ещё не закончилась, лошадь шла неспешным шагом, а Николай Фёдорович её не подгонял. Вспомнил он и брата своего Фёдора, который пропал без вести под Сталинградом.

– Вот был бы отличный писатель! Даже с Фадеевым переписывался, – думал Николай.

Вот только жалко рукописи Фёдора не сохранились. Где-то спрятали во время войны, когда немцы наступали, а потом уже и забыли где они, так и не нашли...

А вот ещё два брата – Алексей и Иван – вернулись с войны. У Алексея интересно и сложно судьба сложилась. Всю войну был

он в концлагерях, а потом, когда их освободили американцы и когда на поселение повезли в Мурманск, встретил там свою любовь по имени Серафима. Полюбили молодые люди друг друга, поженились. Серафима скромной девушкой была, а потом оказалось, что она была на войне партизанкой. Но никогда об этом не рассказывала никому.

Иван тоже женился, когда пришёл с войны. Часто собираются Иван, Алексей и Николай вместе, играют в домино, обсуждают жизнь, вспоминают друзей и знакомых, не пришедших с войны.

... Вдруг резко кольнуло, защемило сердце Николая Федоровича. Вспомнил он Валечку, сына своего. Погиб сынишка, всего четырех лет отроду. На войне погиб.

– Самое дорогое забрала война у меня, – горестно вздохнул Николай Фёдорович.

Только жена осталась... Детей у них больше не было, поэтому они очень любили возиться и играть с детьми сестры.

Много чего пережил Николай Магаз, и о своей жизни думал часто. Сейчас он уже на пенсии и работает возчиком, возит на лошадях детям продукты в столовую. Дорога часто случается длинной. Это когда в райцентр ездит, тогда думки-то и навещают старого солдата...

... На улице начало смеркаться.

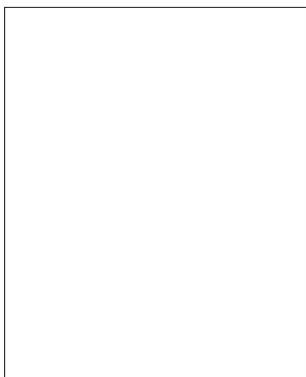
– Ох, что-то задумался я совсем. Надо быстрее везти детям продукты. Что же они кушать завтра будут? – подумал Николай Фёдорович и натянул вожжи.

Легкий туман заструился по земле, было тихо и как-то спокойно. Природа как будто радовалась тому, что есть ещё такие люди, как Николай Фёдорович Магаз – весёлые, добрые, сильные, мужественные, и в то же время находящие общий язык с самим собой и с природой.

P.S. Этот небольшой рассказ я хочу посвятить не только своему прадедушке Николаю Фёдоровичу Магазу, которого не стало в 1993 году, и я, к сожалению, его не застала в живых, но и всем членам моей семьи, которым пришлось побывать на войне. Не только тем,

кто участвовал в боях и освобождал свою Родину, но и тем, кто был в обозе, работал на заводе и просто смог пережить этот ужасный отрезок времени. Я знаю, что таких было много.

Я горжусь своей семьей и обещаю помнить обо всех, кто не вернулся с войны, и обо всех, кто вернулся с Победой.

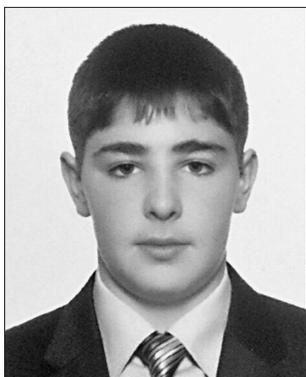

Зобнина Светлана, ученица 3 класса МОУ НШДС № 12 станицы Александровской Майского района Кабардино-Балкарской Республики.

ПАМЯТНИК ЗЕМЛЯКАМ

В станице Александровской,
В красивом старом парке
Ели мрачные стоят,
Ели грустные молчат,
Рядом с памятником они
О прошлом молча говорят..
Когда-то много лет назад
Беда в стране случилась.
Напал фашист и захотел,
Чтоб Родина наша
Ему покорилась.
Враг грозный был, жестокий,
Бомбил и убивал,
И города, и сёла
Громил и разорял.
«Не быть такому никогда!» –
Грозно сказал наш народ
И флагами над Берлином
Встречал сорок пятый год.
И много солдат погибло,
В боях на полях полегло,
За то, чтобы мы учились
И в небе было светло.

Героев своих не забудем
И к памятнику придём.
Под елями тихо встанем,
Возложим цветы и уйдём.
А ели так и будут
Памятник охранять
И петь свою грустную песню.
Героев не смей забывать!

Хамхоев Муххамед Русланович родился 2 сентября 1999 года в городе Назрань. В 2005 году пошёл в 1-й класс средней школы № 5 города Назрани.

В 2009 году вместе с семьёй переехали в Москву. В 2012-м переехали в город Карабулак.

Сейчас учиться в 11б классе ГКОУ «СОШ№ 1 г. Карабулак».

Своё свободное время посвящает литературному творчеству.

Искренне благодарен Часыгову Зарету Бятархановну за помощь в написании работы.

ГЛЯЖУ В ГЛАЗА И ВИЖУ СИЛУ...

Гляжу в глаза и вижу силу.
Смотрю на стан, а он старик.
На нас глядит он очень мило,
Младенца вроде его лик

В восторге гостя зал встречал,
С любовью глядя во взор его.
От радости взглянув в слезах,
Он молвить стал в сердцах:

«Ах, если бы знали вы ребята?!»
Могли ли мы мечтать, когда – то
Быть рядом с мамой каждый день,
Ходить за папой, словно тень

Играть в снежки и кувыркатся,
Учить уроки, послушаться.
Хотелось детства, но увы?!
На родину пошли враги.

Историю войны поведал он,
Которая, как страшный сон,
Прошла пред детскими глазами,
Не рассказать словами

Удивительно, но дети сами
Не могли понять одно:
Следа ненависти нет, а как же раны?!
Я солдат россии! Другого не дано.

Ведь великаяу нас победа.
Зла никто держать не мог.
Радовались и за соседа.
Солдат союза всем помог!

Кустовская Ольга Сергеевна родилась 21 февраля 2007 года в городе Балтийске.

В 2013 году поступила в 1-й класс МБОУ СОШ № 4 города Балтийска. Неоднократно занимала первые места в различных школьных и муниципальных конкурсах.

Активна и жизнерадостна, посещает шахматный кружок, спортивную секцию по художественной гимнастике, кружок рукоделия и фольклорный ансамбль.

Любит рисовать, читать, фантазировать.

ДИМКА АНДРЕИЧ

*Жаль, в то время учёт не вели,
Видно, это большая обуза.
И теперь не узнать, сколько нам подвезли
ЛОШАДИ! Для победы бесценного груза.*

Мне 8 лет. Когда это началось, я не помню, наверное, с рождения. Я очень люблю лошадей, и игрушечных, и настоящих. Моя мама говорит, что эта любовь передалась мне от прадедушки. Он тоже очень любил лошадей. У него для них всегда был припасён в кармане кусочек сахара или сухарик.

Я расскажу вам историю, которую поведал прадедушка моей маме, а мама мне.

Случилось это в далёком 1943 году, когда Красная Армия освобождала Белоруссию от фашистов. Отряд моего прадеда проходил мимо разоренной деревни. В ней не было никого. Все жители погибли. Возле сгоревшей хаты стоял конь. Он был очень худой. Бойцы забрали с собой несчастное животное.

Конь был пугливым и боялся людей. Только моему прадеду удалось приручить его лаской, добрым словом и вкусным сахарком.

Шли дни, конь совсем стал ручным, но уж больно шаловли-

вым: то кастрюлю с кашей перевернёт, то капусту пощиплет. Солдаты ругались:

- Дмитриев, привяжи своего коня!
- Дмитриев, твой озорник опять лягнул Степана!

Так у коня появилась кличка Димка.

Димка верой и правдой служил солдатам, его задача была – подвозить снаряды. Однажды Димка, как обычно, вёз свой груз. Вдруг коня как подменили. Он остановился, стал бить копытом, фыркать, мотать головой, не хотел идти дальше. Бойцы встревожились. Прадедущка стал успокаивать Димку, но конь не унимался. Тогда решили проверить, что же мешает коню двигаться дальше, и увидели мину. С этого дня Димку стали уважительно называть Андреичем. Он спас многих солдат. Если бы подвода со снарядами наехала на мину, был бы страшный взрыв. Много таких мин было, чужа их конь и обходил стороной.

Так и дошли вместе до Берлина рядовой конь Димка Андреич и мой прадед – рядовой Дмитриев Андрей Константинович.

Много героев было в эти годы! А разве Димка наш не герой? Погиб он во время боя как настоящий солдат.

Я узнала, что раненых лошадей никогда не бросали, а собирали после каждого боя и отвозили в специальный ветеринарный лазарет. Самых тяжёлых самолётами отправляли в тыл. Раненым лошадям делали операции, потом лечили и выхаживали до полного выздоровления. Так что лошади были окружены такой же заботой и вниманием, как и бойцы.

Во время Великой Отечественной войны на полях сражений погибло более миллиона лошадей. Эти скромные труженики фронта никому не известны. Погибших лошадей не награждали орденами, не присваивали геройских званий. Но память об их подвигах живёт в сердцах наших людей.

Прадедущка Андрей часто вспоминал своего верного друга и рассказывал о нём своим детям и внукам.

Романеева Нина Сергеевна родилась в Ульяновске в 2000 году. Учится в лицее № 0.

Всё свободное время посвящает математике и литературному творчеству.

Искренне благодарна маме за помощь в написании работы.

УЧИТЬСЯ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Жизнь полнится событиями. Одни мимолётны и незначимы. Другие же несут некую судьбоносность, душевную основательность. Вот такую историю я хочу вам поведать. А начну с того, что услышала её из уст моего тяжелоболеющего деда. Дед болеет уже три года, прикован к постели. Парализовано тело, но не ум и душа. Ему хочется со мною говорить, говорить, говорить. А я его слушаю, слушаю и слушаю.

Произошло это в 1954 году. Дедушка был ещё мальцом и многого не понимал. Не понимал и то, что у его отца внезапно и неожиданно объявился пропавший без вести брат. Седовласый и больной человек. Он не объявлялся потому, что в годы войны был в немецком плену, а потом сидел в сталинском лагере, а потом боялся накликать на родных неприятности. Но после смерти вождя многое изменилось, и он решил объявиться. Мягкий и добрый. Шутил с детьми, играл, рассказывал фантастические истории, но никогда не говорил о войне. Но как-то раз этот добряк сидел на кухне со своим братом и тихо, почти шёпотом вёл беседу. Дети старательно притворялись спящими.

– Ты знаешь, Аркаша, – обращался добряк к своему брату, – знаешь, а Бог есть. Я в него верю и ему молюсь. А ещё я верю в человека. Я там, в концлагере, понял за кого умер на кресте Иисус. За тех, кто в человеческом аду, в душеугнетающем месте, в воле-

подавляющем месте, остаётся человеком и постоянно учится им быть.

– А говорят, что там и на геройство сил не было, – промолвил брат Аркадий.

– Причём тут геройство. Разве человек этим силён? Человек силён человечностью и душевностью. Вот слушай, какие противоречия в человеческой душе бывают. Там у нас разные были. Были работяги, были учителя, были и врачи. Последние в особом почёте. Давали точные жизненные прогнозы, кому и сколько дней осталось. Так вот если кому-то день, два до смерти, то все его старались подкормить. От своего скудного обеда, похлёбки с пшеном на дне, ложку, другую отдавали умирающему. Зачем? Да чтобы хоть умер сытым. Чтобы смерть встретил не голодными глазами. Сами от голода пухли, а умирающих жалели. Ведь у умирающих уже не было надежды выжить. Жизнь – это божий дар. И человек живёт, пока жалеет, пока душа его способна на сострадание и стыд.

– Стыд? – возмутился брат.

– Да, стыд. Был там надсмотрщик с собачкой. Собака холёная такая. А надсмотрщик этот очень жесток был к нашему брату. А собачку свою всё по шёрстке лоснящейся поглаживал. Вот как-то он отвлёкся, а мы все и навалились на его пса.

– И что?

– Всё. Разорвали голыми руками. А немчуга этот так зарыдал, глядя на останки пса, что нам стало горько и стыдно. Да, стыдно и горько. Я в тот момент его как человека жалел. И собаку жалел человек.

– А когда рвал?

– А когда рвал, я был животным. Не стерпел и вмиг стал животным. Вот и получается, что человек остаётся человеком, пока в Бога верит, пока жалеет и стыдится.

Эта история меня как-то изменила. Изменила что-то в душе, в сознании. Дед, рассказывая мне этот, подслушанный в детстве разговор, рыдал, крестился, а потом стал молиться. Я тоже плакала, но молчала. Помолвившись и успокоившись, дед произнёс: «Как хорошо, внученька, что я не полностью парализован. Хорошо, что говорить могу, молиться могу. Хоть на человека похож».

Я поцеловала деда, успокоила его, сказала, что очень люблю. А сама подумала, что он, именно он и ближе всего к человечности. Он, несмотря ни на что, любит, верит, жалеет и стыдится. Он – мой любимый Человек. Он меня учит быть человеком.

Анисимов Святослав Олегович
родился 3 июля 2003 года в городе Кузнецке Пензенской области. Учится в 6 «А» классе МБОУ СОШ 14 города Кузнецка. Отличник. Занимается в секциях шахмат и лёгкой атлетики.

ПРАДЕД

На стене висит портрет,
Я спросил у мамы:
– Кто так смотрит на меня,
Взгляд такой упрямый?
– Это прадед твой сынок,
Он погиб на фронте.
Вот таким ушёл на фронт
Молодым, красивым.
Смертью храбрых он погиб
В бою под Сталинградом.
Маме я сказал тогда:
– Что ж я не волшебник?
Я б всех прадедов вернул,
Что б мир был во всем мире.
Чтобы не было войны,
Жили бы как в сказке,
Что б людская доброта
Зло бы побеждала.
Я к портрету часто подхожу
И совета я у прадеда прошу.
Смотрит он с улыбкой на меня.
Прадед! Не хватает нам тебя:

На рыбалку, на футбол
Мы б ходили,
И на даче жарили бы шашлыки.
Но, увы, все это лишь мечты.
Прадед, так хочу я быть похожим на тебя!

Феллер Эмилия Андреевна родилась 2 марта 2004 года. Сейчас живёт в городе Гурьевске Калининградской области и учится в 4 классе МБОУ гимназии города Гурьевска. Она очень любознательная, творческая и имеет много увлечений: поёт, занимается робототехникой, уже не первый год учится верховой езде, рукодельничает, рисует, участвует в различных конкурсах и олимпиадах, много читает.

И БЫЛО МНЕ ТОЛЬКО ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

*Детям, участникам Великой Отечественной войны
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

И было мне только четырнадцать
В сорок первом году.
Остался один я в квартире.
Отец мой пошёл в командиры,
А мать угасала в плену.

Остался один я в квартире,
Но долго думать не стал.
Пошёл, как отец, в командиры,
Но лейтенант мне сказал, ... что я мал.

Тогда я пошёл в партизаны.
Прибавил себе два годка.
И начал служить я, как взрослый,
Сжигая немцев до тла.

Боль, смерти, потери и голод:
Все это видал я не раз!
За Родину, женщин и дедов
Жизнью снова рискнул бы сейчас!

Мы бились! Стонали, но бились!
И каждый другим помогал.
Последнюю крошкой делились,
И подлостей не совершал!

Освободили мы чехов,
Литовцев, поляков, венгер!
Россия, родная Россия,
Свободная стала теперь!

Закончились страшные битвы.
Ко мне телеграмма пришла,
Что папа мой жив и свободен,
И с ним сейчас мама моя!
Закончилась эта Война!

Евстегнеева Злата Олеговна родилась в Калининграде в 1998 году. В 2007 году с родителями переехала в город Балтийск. Обучается в гимназии № 7 в выпускном классе. Начинающий журналист и публицист, капитан команды «Падение в обратном направлении» в интеллектуальной игре «Что? Где? Когда?», волонтер. За помощь в написании работы искренне благодарит маму, Фёдорову Оксану Валерьевну, и учителя русского языка и литературы, Рыжкову Светлану Ильиничну.

ИСТОРИЯ В ЗАПИСКАХ

Я перевернула стопку старых пыльных документов, страницы которых по цвету напоминали яичную скорлупу, так стары были записи, нанесённые на них. Сегодня был первый день моей работы в исторических архивах и, на самом деле, я была очень удивлена, что мне, вчерашней студентке, доверили работу в архивах с грифом «секретно». Правда, позже руководитель группы сообщил, что этот статус сняли с бумаг лет 10 назад. Моей задачей было разложить существующую в хаосе груды бумаг по годам. Работа не пыльная и довольно простая, но требует большого внимания, да и в сидячем положении быстро устаёт спина.

Бумаг было не просто много, это невероятное количество заполняло стол, и, если честно, я не знала, как подступиться и начать. Присев на стул, я взяла в руки папку, больше всех выбивающуюся из стопки. Надпись на обложке гласила, что в моих руках дневник медсестры, работавшей в лагере Аушвиц в 1943–1945 годах. На долю девушки, которая, судя по данным, указанным в анкете, была не старше меня, выпали самые жестокие дни концентрационного лагеря Освенцим – лагеря смерти, как его называют до сих пор. В то время, Аушвиц убивал до 5 тысяч человек ежедневно – почти как промышленное производство! Я пролистала бумаги и наугад остановилась в сентябре 1943-го:

«30.09. 43.

Состояние Леона ухудшается. Ему необходимы полноценный уход, питание и лекарства! Но он не получит их ни сегодня, ни завтра: СС не собирается кормить того, кто не может работать. Скорее всего, в течение недели я получу приказ вколоть ему карбоновую кислоту в сердце. Мгновенная смерть».

Невероятно! Девушка, возможно, сама недоедавшая и больная, находит силы переживать за подопечного. Но, по большому счёту, ничем, кроме моральной, психологической поддержки, она помочь не могла. Перелистываю, смотрю более поздние записи: «15.10.43

Очередной эксперимент по стерилизации. Господин Клауберг решил провести опыт обманным путём: участников попросили заполнить анкеты. Заполнение длилось 3 минуты, за это время они подверглись радиационному облучению, в результате чего стали полностью бесплодны».

В 1939-м Гитлер сказал, что евреи «опасные расовые враги», избавиться от которых значит обезопасить арийскую нацию, и порой эта идеология доходила до крайностей: у людей отбирали возможность продолжать свой род, строить будущее страны и культуры, ограничивая размножение, словно избавляясь от свор уличных собак. Листаю дальше: «21.10.43.

На вечернем осмотре повидалась с Йозефом. Недавно его взяли в зондеркоманду. Он рад. А мне страшно, ведь те, кто хоть месяц пробыв в их числе, был уже не человеческим созданием, а перекошенным, безумным существом». Зондеркоманда, особое подразделение узников Аушвица, которое было предназначено для сопровождения заключённых в газовую камеру, а затем для обработки и уничтожения трупов. Эти люди были «живыми мертвецами», командование СС никогда бы не подарило свободы людям, знавшим слишком много. «25.10. 43.

Принимала роды у еврейской женщины. Роженица умерла, ребёнок тоже. Я не смогла отделить плаценту вручную. Попросить помощи у лагерных врачей – Кенига и Менгеле – не имела

права, они не могли запятнать своего призвания врача, оказывая помощь представителям другой национальности».

Чувство отвращения и жалости одновременно. Наглядный пример той самой извращённой нацистской расово-биологической идеологии.

Читать дальше я не стала, отложила папку в сторону. Несмотря на то, что взяла другую, уже представляя, какие ужасы ждут внутри неё. Надпись на обложке: «Показания заключённых Аушвица 1942–1945гг». Сборник историй свидетелей событий, душераздирающие свидетельства человеческой жестокости и глупости: «Мариам Кнокчет, блок «Канада»

07.05.

Сегодня привезли венгерских евреев. 10 вагонов. Через проволоку забора я видела радостные лица детей, игравших на лужайке. Женщины кормили их оставшейся с долгой дороги едой. Они не знали, что те, кого увели перед ними, уже мертвы. Они не знали...

10.05.

Сегодняшняя норма – 150 пиджаков. Мне посчастливилось даже перевыполнить норму. Нашла около килограмма золота, зашитого во внутренних карманах и подкладках. Хотела забрать себе, но здесь оно бесполезно. Украла стопку банкнот, примерно, 200 штук венгерских форитов. Пригодится в качестве туалетной бумаги.

26.05.

На обеде я первая в очереди, конечно, после овчарок, которые питаются вместе с нами с одной кастрюли. Собак кормят первых, потом право на обед переходит к нам, людям. Нас кормят каждый день одинаково: похлёбка, сваренная на отбросах, с кусочками овощей. Этого катастрофически мало даже для поддержания жизни. Я настолько голодная и изнемождённая, что, если бы была возможность, съела бы и этих офицерских собак.

«Гербер Базелевич, разнорабочий

19.08.

Гудки. Нас будят на рассвете. Проснувшись, я понял, почему ночью стало очень холодно, мой сосед умер. Медлить нельзя, нужно снять с него одежду и забрать себе, так точно станет теплее. Благодаря ему, у меня теперь есть обуть, значит, шансы не замёрзнуть на работе увеличились.

Переключка, нас построили на улице перед баракком, начали осматривать. Ежедневная процедура отсеивания, критериев отбора не существует, на смерть отправляются совершенно случайные люди, сегодня по каким-то причинам не понравившиеся надсмотрщикам. Своеобразная русская рулетка, где барабан крутят за тебя. 26.08.

Когда я ещё был на свободе, над моим городом часто пролетали бомбардировщики. Здесь я уже третий месяц, может больше, но так и не видел ни одного самолёта. Почему никто из гитлеровских противников не посылает самолёты? Неужели мир забыл о нас? 13.09.

Сегодня я подрался с соседом за пучок травы, найденный мной перед входом в барак. Повезло, что в момент прихода Каппо, он бил меня, а не наоборот. Соседа забили в ту же минуту, я сбежал и спрятался. Возможно, искать не станут...»

Не дочитав, я захлопнула папку. Невозможные рабские условия. Голод. Избиения и вечный страх. Людей доводили до состояния разрозненной, дикой, хаотичной массы, уничтожая личность.

Заглавием следующей папки было: «Воспоминания бывших узников». Я пробежала глазами строчки, стараясь подавить подступающие слёзы:

«Деревянная дверь распахнулась. Двое суток нас везли, словно скот, ни еды, ни воды, ни света, воздух и тот только через щели. Огромной толпой мы вывалились из вагона. Грязь кругом была невероятная, мы просто тонули в ней. Перед нами стояли белые, безжизненные, словно призраки люди в полосатых одеждах. После двух суток дороги я с трудом стоял на ногах, но офицеры начали гнать нас с помощью овчарок. Я покорно подался напору толпы и вскоре разглядел вдали свет. Резко запахло жареным мясом, девочка передо мной тут же спросила у своей мамы: «Они жарят курицу посреди ночи? Нас ждут на ужин?» Немного помолчав, женщина ответила: «Не знаю, Мери, но думаю, это точно не наш ужин».

И чем дальше я читала, тем больше становился комок, подступавший к горлу: «Нас выстроили в шеренгу лицом к стене. Приказали по очереди считать вслух до 10. Когда счёт дошёл до 9, офицер засмеялся и сказал, что они не будут нас убивать, а за-

меняют пожизненным заключением здесь. В тот момент я впервые пожелала умереть»

«Нам набивали номер, таким образом отбирая имя. Отныне мы теряли свою личность, мы становились безликой массой, одинаково одетой и выбритой, отличающейся только парой цифр на руке»

«В голове крутилось только одно: «Хочу есть, хочу есть, хочу есть, хочу есть, хочу есть, хочу есть».

«Помню, на отборе, когда всего несколько слов могли решить жизнь, меня спас один из заключённых. Он проходил по рядам и твердил: «Тебе 18 и у тебя есть профессия». Когда очередь дошла до меня и офицер СС спросил о возрасте и умениях, я ответил: «19, столяр», хотя на тот момент мне было всего 14 и я ничего совершенно не умел».

«В барак вошли три офицера, один из них произнёс: «Сегодня мы очистим этот блок». В голове тревожно забились мысли: «Нужно бежать. Срочно». Выход был лишь один: ползком выбраться из барака и смешаться с толпой соседей. Осталось выждать момент...»

«Иметь подруг было необходимо. Лучше, если бы их было четверо. Например, одна с кухни, другая с «барахолки», третья с туалета, четвёртая из группы по уборке трупов. Так мы могли помочь друг другу выжить».

«Среди заключённых стало популярным самоубийство от ограды, по которой пущен заряд электричества. Минута боли и бесконечная свобода».

На пожелтевшей странице образовалось мокрое пятнышко, сдерживать эмоции больше не было сил, они захлестнули меня. Внутри щемящая пустота, в голове повторяются обрывки только что прочитанных фраз, в руках молчаливое доказательство, насколько могут заблуждаться люди. Я поднялась и подошла к окну. Немыслимое количество жертв, миллионы людей, а ведь у них были семьи и друзья, была своя история. Это были обычные люди, у которых отняли будущее. Среди них были музыканты, писатели, плотники, врачи, историки, портные, певцы, математики, учителя, домохозяйки, среди них были матери, отцы, дочери, сыновья, деды и бабушки. Но от многих не осталось даже имён...

Кровавое нацистское деяние навсегда запятнало страницы мировой истории, показав, к чему может привести расизм, политическая нетерпимость, фашизм. Освенцим сегодня – синоним человеческой жестокости и геноцида, это то, о чём трудно вспоминать и невозможно не помнить.

Мишукова Полина Анатольевна родилась 11 декабря 2005 года в посёлке Солянский Саратовской области. Учится в 4 классе МОУ «ООШ п. Солянский Пугачёвского района Саратовской области» имени Героя Советского Союза В. К. Ерошкина. Любит фантазировать, сочинять стихи и сценарии для всех семейных праздников. Полина ребёнок-инвалид, но, несмотря на это, у неё много друзей, она очень общительная девочка.

Учится на «4» и «5».

Посещает кружки, участвует в различных конкурсах.

МОЙ ПРАДЕД – ВЕТЕРАН

Вот уж зима на исходе,
 Скоро наступит весна,
 Снова услышим залпы салюта –
 70 лет как прошла война.
 Снова услышим песни,
 Что вели ветеранов в бой,
 Снова ряды поредели,
 А мой прадед живой.
 Вот сидит он в морщинах,
 Голос уже слабоват,
 Но не устал мой прадед
 И продолжает рассказ:
 Как их призвали с другом
 В пехотную роту в Хвалынский,
 Как их война разбросала
 В разные концы Земли.
 Как долгожданный победный
 Праздничный встретил салют,
 Были и слезы и радость,
 Боль от потерь и вдруг...
 Крепкий в плечах, возмужавший,

Рядом стоит его друг.
Сердце в груди забилося –
Иванов, Колька, ты тут?
Семён? Мишуков? Вот так встреча!
И оба стоят в орденах,
А в небе сияет солнце,
И счастье лучится в глазах.
Теперь продолжу я свой рассказ,
У этой истории есть продолженье:
От учительницы своей я слышала не раз
До боли мне знакомые сюжеты.
Я долго думала, года пересчитала,
Не может быть двух судеб так похожих,
Как раньше я не понимала,
Учительница ведь – Вера Николаевна!
Так значит, оба воевали в той войне
Её отец и мой прадед Семён!
Не важно, что судьба их разбросала,
Сильнее дружба стала их вдвойне.
Солдатам – слава, прадеду – спасибо!
За землю, за свободу и за светлый класс,
И низкий вам поклон всем, ветераны,
Мы не забудем никогда о вас!
Ведь каждый год мы вспоминаем
Героев – павших и живых,
И День Победы отмечаем
С великой гордостью за них!
70-й год идёт от той Великой даты,
И к празднику готовится страна,
Должны мы помнить тех солдат,
Чтоб не случилась вновь война.

Гутенев Ян Павлович родился в 1999 году в городе Новокубанске Краснодарского края. Одиннадцатиклассник средней общеобразовательной школы.

С 2001-го житель станции Лысогорской Ставропольского края.

Благодарит организаторов конкурса «Герои Великой Победы» за предоставленную возможность рассказать об одном из участников Великой Отечественной войны, а также учителя Н. В. Гутеневу за помощь в написании работы.

ПИСЬМА ИЗ 43-ГО...

*... Но помнить вечно мы должны
О тех, кто пал в те дни войны...*

Вячеслав Маковкин

«Добрый ден, или вечер, дорогие мои незнакомые. Вы меня извините, что я вас побеспокоила, но я нахожу нужным... сообщить о вашем сыне Шура. Ваш сын Шура... и ещё с ним было двое... эта отважная тройка заслуживает славы... До последнего выполнили свой долг перед родиной... Шура умер, умер он с честью и славою как отважный русский человек. ... При кончине Шура звал всё время: «... Мама, мама, мама!...»

... Так что сын Шура ваш похоронен в Ростове н/Д, станция Верхне-Гниловская на Первомайской № 11 ... Дорогие незнакомые, если получите письмо, напишите мне, что вы получили. Ну, пока до свидания, мои незнакомые, будем знакомые... Мой адрес Ростов-Дон, ст. Верхнее-Гниловская, Первомайский спуск № 15, Глущенко Зинаида Фёдоровне». (Текст передан с сокращениями и незначительными изменениями).

Это письмо пришло в нашу станцию Лысогорскую в мае 1943 года, во время Великой Отечественной войны, на имя Маковкина Пантелея Яковлевича, отца погибшего бойца Александра Пантелевича Маковкина, защищавшего Ростов-на-Дону в 1942 году...

Ещё одно письмо придёт 18 июля 1943 года... Как ответ на

просьбу Пантелея Яковлевича Маковкина, отца, сообщить подробнее о смерти сына Шуры... Письмо это напишет не Зинаида Глущенко, а её мать... Как она сама объяснит: «... Сейчас Зины нет, она поехала до мужа... Это я вам ответила. Я знаю, как ждём мы все ответа...»

Она уточнит: «... Шуру убили 23-го июля...» В 7 часов вечера его смертельно ранили, а умер он, не дожив до 9 часов вечера несколько минут... Это время (около 2 часов) был «почти в сознании, несмотря на то что был так зверски ранен... всё время вспоминал свою мать и просил водички...»

День, когда погиб наш станичник Александр Маковкин, был одним из тех тяжёлых четырёх дней (с 21 по 24 июля 1942 г.), когда на подступах к Ростову-на-Дону и на его улицах не утихали ожесточённые бои с превосходящими силами противника – восемнадцать отборных дивизий (в их числе элитные «Викинг», «Великая Германия», «Эдельвейс»), сотни танков, тысячи орудий и миномётов, бомбардировщики и истребители... Оказывая врагу упорное сопротивление, войска 56-й армии генерал-майора А. И. Рыжова (четыре дивизии и четыре стрелковых бригады с артиллерией усиления) вели тяжёлые оборонительные бои... 50 часов в городе не утихали ожесточённые сражения... Лишь к исходу 24 июля гитлеровские войска захватили город. Из 120 тысяч бойцов и командиров 56-й армии, оборонявших город, в строю осталось около 18 тысяч... Остался лежать в ростовской земле и солдат из нашей станицы...

Семья Сидоренко-Глущено (это, как я узнал из писем, пожилые родители, их дочери, 2-летний и 13-летний внуки), рискуя своими жизнями, под пулями... старались помочь умирающему... Но ранение было смертельным...

Сообщить родным о смерти А. Маковкина удалось только тогда, когда город был освобождён нашими войсками... В оккупированном Ростове-на-Дону за те семь месяцев много крови было... «Невинных крошек в возрасте 3-х лет вместе с матерями запирали в квартире и жигали или расстреливали... О мужчинах и говорить нечего...» – напишет в первом письме Зинаида Глущенко...

Её мать, как признаётся сама пожилая женщина в письме, вспоминая те события, рассказывая о гибели чужого сына и его

захоронении, «пишет со слезами на глазах», потому что её сыны и зятья на фронте, а «думала на старости лет жить со своими детьми... а их нет... может, тоже так же где уже лежат... Глаза никогда не сосыхают...»

После того как известили родных погибших, «приезжала мать одного убитого командира... боже, сколько было плачу на могилке... И ещё одного жена с дочкой...» Было тяжело, как пишет эта женщина, слёз было много, но теперь она спокойна, «что все родные знают»...

А нашим станичникам Маковкиным она сообщила: «... Вам пишу, что сейчас вот могилка в большом порядке, потому что сейчас у нас наши воины... И вот полковник был и расспросил, что это за могила... Ему сказали, это убитые воины... Он велел, чтобы была могила ещё лучше... Сейчас на могиле Красная Звезда... и написано: «Здесь погибли бойцы и командиры за освобождение Ростова».

... Я и Зина ходим в церковь... Часто подаём на проскомидию за упокой... Вот скоро год... Я пойду и отслужу панихиду...

... Но пока до свидания. Пишите. Мать Зинина А. П. Сидоренко».

Эти письма из 1943 года я держал в руках, читал, местами пытаясь разобрать написанное на выцветших листках, сложенных треугольниками...

Что я тогда чувствовал?... Чувствовал трепет, волнение, тяжесть на сердце... Потому что это живая история, без прикрас... Читая, ощущал боль и страдания, выпавшие на долю людей, переживших ту страшную войну...

И восхищался стойкостью человеческого духа: трудно им было – но выжили, выстояли, не потеряли своего человеческого лица... Помогали, оказывали поддержку друг другу, беспокоились не только о себе и своих близких, но в последний путь достойно отправляли погибших во время боёв... считали своим нравственным долгом сообщить родственникам погибшего и похороненного (если при нём были документы и адрес) о месте захоронения и рассказать (если точно знали), как погиб солдат...

Вы, наверное, уважаемый читатель, обратили внимание на то, что фамилия солдата, оставшегося лежать в ростовской земле, и фамилия автора строк эпитафии – Маковкин. Это не совпадение.

Эти люди – родные братья. А письма, с содержанием которых Вы смогли частично познакомиться, семья Вячеслава Маковкина передала в станичную библиотеку...

Сам Маковкин Вячеслав Пантелеевич в памяти лысогорцев (к сожалению, в 2013 году его не стало) останется прежде всего как человек, который писал стихи, поэмы (с 15 лет!)... О родной станице, о казаках– земляках, о ветеранах – участниках Великой Отечественной войны...

Строчки из его стихотворения «Живых – всех к памяти зову!» являются эпиграфом к моим размышлениям, и итог подвести всему сказанному хочется также словами В. П. Маковкина:

Мы в войны любые не падали духом
С тех пор, как станица под Лысой стоит.
Чужая земля, земляки, будь вам – пухом,
На стеле звезда в честь погибших горит...

Куликов Олег Алексеевич родился 9 июня 2006 года в ЗАТО Озёрном Тверской области.

В 2008 году пошел в детский сад № 6 «Колокольчик».

В 2013 году поступил в МБОУ СОШ № 2 ЗАТО Озёрный.

В настоящее время учится в 3 «А» классе.

В свободное от учёбы время занимается в секции плавания, любит конструировать и рисовать. Активный участник и победитель многих всероссийских и международных творческих конкурсов, участник акций «Мир без войны», «Искусство для мира», «Связь поколений». Убежден, что «без прошлого нет будущего».

Искренне благодарен моим родным, маме - Шпилёвой Ольге Ивановне, воспитателю и другу – Суховой Л. В. и учителю начальных классов Платоновой Ж. В., за поддержку и помощь в написании работы

МОИ ГЕРОИ

Давным-давно, когда меня ещё не было на свете, да и мамы с папой тоже не было, произошла эта история. В Тверской губернии, в Бологовском районе, в деревне Ям- Григино жила-была одна семья: мать Пульхерия, отец – Ефим, да три их сына – Николай, Василий да Валентин. Все с лица пригожие, сильные, чисто богатыри сказочные. Мать домом да хозяйством занималась, а отец с сыновьями лес валили.

И вдруг случилась страшная беда. Пришла война. Напали на страну враги лютые. Весь русский народ решил биться с захватчиками. И сказал старший брат: «Не могу я дома сидеть, когда страна моя в огне». Поплакала мать, да собрала Николая в путь дальний. Положила в мешок ему хлебушка заговорённого, да воды чистой из святого источника. А отец крепко-накрепко наказал ему, биться с врагом да не посрамить честь свою. Попрошал-

ся Николай с матерью-отцом, да братьями своими. Шел 1941-й. Целый год не было от него весточки, и однажды прилетел голубь белый да принёс письмо. Страшное письмо. Смертью храбрых погиб старший сын. И нашел он покой в могиле братской, что на кургане Мамаевом, с сотнями других воинов. Поседела Пульхерия, а отец посадил у дома дубок молодой в память о сыне. Немного прошло времени, и сказали Василий и Валентин матери с отцом, что пойдут на войну они, за Николая отомстить да Русь родную защитить. Не хотела их магушка отпустить, но понимала она, что не останутся сыны её, не трусами они были воспитаны. И сказал тогда отец: «Сыновья мои милые! Ступайте и возвращайтесь с Победой домой». Опять Пульхерия собрала в мешки хлебушка заговорённого, воды родниковой да землицы родной. Раскидала судьба братьев по разным фронтам, но связывала их земляца родная, сил она им предавала да не позволяла отцовский наказ забыть. Тяжёлый путь прошли Валентин и Василий, друзей теряли, ранены были, но не сломила их война страшная-ужасная. Встретились они друг с другом далеко от дома родимого, в самом Берлине, в год победный 45-й. И оставили они там весточку в честь Победы, в честь памяти: «За Родину... За мать... За отца... За дом родимый... За Николая...»

Три богатыря эти были моими прадедами – Овчинников Николай, Овчинников Валентин и Овчинников Василий. Пусть не знал я вас, но помнить буду всегда!

Варлашкина Анастасия Николаевна родилась на хуторе Новониколаевском Ростовской области в 2000 году. В 2007 году стала учиться в местной сельской школе, сейчас учится в 9 классе. Любимые школьные предметы: обществоведение, литература, русский язык.

Любит общаться с друзьями, читать книги, участвует в художественной самодеятельности школы и сельского ДК (танцы). Большую часть свободного времени посвящает литературному творчеству. Участвует в литературных конкурсах. Одно из её последних достижений – победа в областном конкурсе школьных сочинений «Семья – философия счастья».

Искренне благодарна за помощь в написании работы И. Н. Кашириной, библиотекаря сельской библиотеки.

МНЕ ЕГО ТЕПЕРЬ НЕ ЗАБЫТЬ

*Посвящается моему родственнику,
Варлашкину Андрею Романовичу*

*Никто не вечен в мире, все уйдет.
Но вечно имя доброе живет.*

Он лежал на своей постели и остро ощущал, что последние силы угасают. Он чувствовал, что ему недолго остается жить. Несколько часов, а может и минут – и он уже навсегда покинет этот мир. Но почему-то тревожила и не давала покоя ещё не угаснувшая память. Все, что оставило когда-то глубокий отпечаток в его судьбе, всплыло сейчас, в последние мгновения жизни земной, в прощальные мгновения. Что-то уже стерлось в памяти, воспоминания стали смутными, и не всё можно отчётливо разобрать сквозь годы, а лишь самое дорогое, самое ценное, то, что смогло коснуться сердца и навсегда в нем остаться.

События вспоминались по порядку, начиная с детских лет и заканчивая зрелостью. Много, конечно, было особых, дорогих

моментов, но все уходило на второй план, все меркло, теряло свой смысл, тускло и как бы замолкало. Все эти события уступали дорогу одному направлению и этапу жизни – воспоминаниям о событиях войны. Они всегда были рядом, шли бок о бок с ним всю его жизнь, как он сам когда-то прошагал многие километры...

Ему вспомнился 1941-й. Он закончил в Махачкале пехотное училище и со званием лейтенанта начал свой нелёгкий путь военного.

Но тут вскоре случилась беда: началась война с фашистами. Ему пришлось оборонять Нарву...

Тяжело было, три дня непрерывно шли бои. В ходе очередной атаки получил ранение, достаточно серьёзное, спасибо, не остался лежать на поле боя – вынесла фронтовая сестричка. И с этим ранением закончилась судьба военного, для солдата по очереди открывались двери больниц и госпиталей, но на фронт дорога была закрыта. Лечение длилось год и два месяца.

Что же тут такого особенного? Многие уходили на фронт, становились солдатами, да и оборона города – дело привычное в войну, и ранением никого не удивишь в такое время. Да, был получен впоследствии орден Красной Звезды, но ведь самоотверженных людей было много! Правда, лишь несколько тысяч солдат и офицеров за плечами имели всю пройденную войну. Очень много было отважных и мужественных людей, достойных к получению наград.

Над этим и задумался он, Андрей Романович. Ведь не было в его судьбе особо выделяющихся моментов, неповторимых, не похожих на события у других людей, все было как у всех, ни больше и ни меньше. Простой человек из крестьянского казачьего рода, один из тысяч бойцов! У него не было высокого звания, кучи орденов, но у него было (как и у других простых солдат) то, что оставила в память о себе война. След войны – те раны, которые уже ничем не вылечить, от них уже никак не избавиться...

Не раз его мучили сны, отправляющие вновь и вновь в годы войны. Когда вспоминал для детей или его спрашивали земляки, он уходил от глубоких разговоров, отшучивался, а в глазах его всё равно отражалась грусть. Ему было неловко, что повоевал немного, мало помог стране там, на фронте. Но демобилизовавшись,

окунулся в жизнь тыла. Человек, увидевший и испытывавший все тяготы войны, знает, что такое боль, испытания, он знает, что такое лишения. Такой человек сильный, стойкий, ему не страшны проблемы тыла, они мелки по сравнению с тем, что происходит там, на фронте. Он пошел работать в школу военруком и физруком, и занимался этим делом около десяти лет. У Андрея Романовича появилась любимая гражданская работа. А что может быть лучше, чем заниматься любимым делом? Он никогда не позволял себе лени, праздности, халатного отношения к делу, и требовал того же от учеников, был иногда и строгим, и мог прикрикнуть, но как ещё заставить слушаться? Мальчишки, чье детство выпало на годы войны, учились у боевого военрука с удовольствием, доверяли ему и уважали.

Но задумываются ли люди, смотря на закаленного духом человека, какой ценой ему это досталось, через что ему пришлось пройти, какие трудности испытать, что увидеть?! Да и знают ли они, как преодолевал себя человек, как справлялся с дурными мыслями, боролся с малодушием, как успокаивал себя, настраивал на нужный лад. А имеют ли они представление о том, как верил он, как радел за правое дело, страстно желал всей душой и всем сердцем лишь одного – победить, прекратить ужасные людские муки. Ему не надо ничего, кроме одного: чтобы быстрее закончилась война.

Андрею Романовичу вспомнилось всё, что довелось увидеть и пережить на войне за три неполных месяца до ранения. Даже мелкие события не прошли мимо! Они появились именно оттуда, из далекого подсознания, как из сундука, хранящего давно позабытое...

Провалился в какую-то темноту... Что-то мысль теряется... Пошевелился, поменял положение тела... Побежали картинки из послевоенной жизни, как кадры в кино! Дети появились на свет, трое! Подрастали, учились, женились да замуж выходили... Внуки пошли...

И вот перед глазами почему-то предстал майский день 1977 года. За праздничным столом собрались его боевые друзья. Была очередная годовщина Победы, и, конечно, не обошлось без разговоров на военную тему. Старые бойцы сидели долго, на них бук-

важно нахлынула волна воспоминаний, расчувствовались до слёз. Отметили, что многих ветеранов уже не стало (скоро не будет и самого Андрея Романовича), им больше никогда не собраться вместе.

Андрей Романович прикрыл глаза, но ненадолго. Кажется, вслух спросил, а на самом деле – про себя: интересно, что с его фронтовыми друзьями сейчас, как сложилась их жизнь? Мне вот повезло, я был женат, не был одинок, да и в жизни был нужен людям. А ведь многие так и не обзавелись семьей. Трудно одиночкам, что там говорить!

И он все думал, лежа неподвижно. Смерть, казалось, жалеет его, не спешит приходить, тянет эти сладостные минуты воспоминаний. Прошло еще некоторое время, воспоминания стали уходить, да и зачем их помногу раз прокручивать? Уже ничего не вернешь. Память утихомирилась, нега блаженства начала таять, и скоро он очутился в реальности, снова почувствовал себя беспомощным стариком. И та боль, которая была раньше, снова дала о себе знать. Но эта уже не душевная боль, физическая...

Андрей Романович сказал почти шепотом, только шевеля губами: «Я снова увижу вас, ушедшие боевые друзья!...»

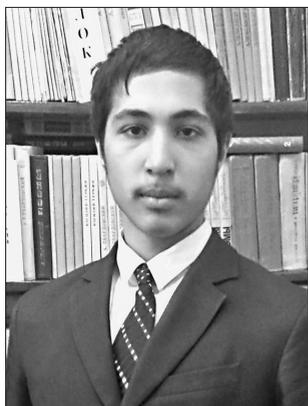
Прошло время со дня смерти Андрея Романовича, но память о нем жива, семья его любит и безмерно скучает по своему скромному герою. Я его видела всего лишь несколько раз, хоть он мне и родной прадедушка. Мы с ним почти не общались, можно сказать, почти и не разговаривали. Из его уст я ничего не слышала о войне. Этот рассказ я написала с помощью архивных документов и со слов других людей. Но я держу в памяти образ Андрея Романовича. У него есть внучка, которая очень похожа на своего деда, и она еще больше усиливает мои воспоминания о нем. Я не забуду его улыбку, такую мягкую, искреннюю, даже милую. Он для меня – воплощение доброты.

И еще почему-то для меня дороги его седые волосы. Обычные седые волосы, как у многих старичков. Но волосы Андрея Романовича для меня неповторимы, их блеск, отлив не похожи ни на чьи больше, у них нет аналога. Мне всегда хотелось их погладить, потрогать. Мне не забыть прадедушку никогда.

Это, в принципе, всё, что я знаю о своём родственнике. Да, я

написала не так много о нём, привела несколько фактов, но я делала это с трепетом в душе, не притворялась, не лгала. Я просто хотела сказать о человеке добрые и правдивые слова. Ведь порой всего в нескольких предложениях можно передать всю суть своего высказывания.

И я хочу пожелать каждому ветерану хотя бы одного человека, который смог бы почтить его память несколькими добрыми словами и повторять их вновь и вновь, чтобы никогда не умирала память. Ведь что нужно фронтовику? Ему не надо звёзд с небес, ему надо только одно: чтоб его не забыли. Всё очень просто, не требуется здесь колоссальных жертв. Наш ответный шаг гораздо легче по сравнению с тем, какой шаг, я бы сказала, прыжок, совершили наши ветераны навстречу всему миру.

Халметов Аскад Ахматхонович родился 15 сентября 1999 года в городе Алмалык Ташкентской области Республики Узбекистан.

Обучается в 10 классе муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения (МБОУ) лицей № 21 города Кузнецка Пензенской области.

Стихи пишет с пяти лет. Посещает поэтическую студию «Алые паруса» МБОУ лицея № 21. Всё свободное время посвящает литературному творчеству.

Искренне благодарен Нефёдовой Татьяне Алексеевне, учителю, руководителю поэтической студии «Алые паруса» МБОУ лицея № 21, за помощь в написании работы.

РАЗВЕДЧИКИ

Мы – разведчики лихие,
Удальцы все – молодые,
Вышел в поле наш отряд,
Там – врагов уж целый ряд.
Только мы не побоялись:
В бой вступили и сражались,
Побежали мы гурьбой,
С нами – хлопчик-рядовой.
Он их бил из автомата,
А они его – гранатой...
Положили пацана,
Удалого молодца.
Мы на месте не стояли,
Их побили и пропали,
И лежат на поле там
Рядовой – смельчак малой
Да врага отряд гурьбой.

Джаванян Валерий Николаевич родился в городе Георгиевске Ставропольского края в 1998 году.

Обучается в МОУ СОШ №1 им. А. К. Просоедова города Георгиевска в 11 классе.

Всё свободное время посвящает литературному творчеству.

Искренне благодарен учителю русского языка и литературы, Чужиновой Светлане Анатольевне, за помощь в написании работы.

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

9 Мая 2015 года вся наша страна торжественно отметит 70-летие Великой Победы. На всех уровнях – федеральном, краевом, муниципальном – уже активно идёт подготовка к этой знаменательной дате. Не могу быть в стороне и я, так как в нашей семье на войне был мой прадедушка – Петросянц Георгий Мкртычевич.

Прадедушка родился 25 мая 1925 года в городе Владикавказе. Его родители, армяне по национальности, были беженцами из Турции. Семья обосновалась в городе Грозном. Жили просто: мама и папа работали на заводе, дети учились в школе, мечтали о новой жизни, строили планы на будущее. Но ничему этому не суждено было сбыться. Война...

В жаркие июньские дни сорок первого в грозненском военкомате яблоку негде было упасть – шла мобилизация на фронт, и мало кто обращал внимание в те дни на худощавого парнишку с тёмными волосами и жгучими глазами, который что-то сбивчиво объяснял. На ломаном русском языке прадедушка пытался сказать, что его тоже должны призвать в ряды Вооружённых сил СССР. Доводы были просты:

– Мне стыдно сидеть дома, когда все воюют на фронте.

Так он оказался на фронте. И было ему только семнадцать лет.

Сражался прадед в рядах 62-ой отдельной Краснознамённой бригады, громил врага на подступах к городу Орджоникидзе и на

Таманском полуострове. Много повидал он, не раз ходил в разведку, был ранен, снова возвращался в строй, проявлял в бою смелость, отвагу и мужество. За это его наградили орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны первой и второй степени. В одном бою в Керченском проливе в 1943 году прадедушка был сильно ранен. Вот как это было...

Четыре бойца получили задание под покровом ночи перевезти на заданную позицию оружие: противотанковые ружья, автоматы, патроны. Задание осложнялось тем, что оружие доставляли по воде. Первая переправа была благополучной. Во время второй раздался оглушительный взрыв: налетели на плавающую мину. Двое погибли сразу. Прадедушку далеко отбросило взрывной волной. Он потерял сознание. Когда очнулся, рядом плыл его друг, здоровяк украинец Пётр Певцов. Он тоже был ранен, но продолжал грести к берегу и тащить прадедушку. С трудом одолели 800 метров. Когда выкарабкались на сушу, оказалось, что у прадеда раздроблена пятка на левой ноге, три пальца висели на сухожилиях, а у Певцова левая лопатка вывернута наизнанку. Как же они могли плыть в таком состоянии?! Но до наших было ещё далеко, и Певцов потянул прадеда, постоянно теряющего сознание. Вскоре он выбился из сил и сказал:

– Тащить тебя дальше не могу. Нет сил. Ты жди здесь, никуда не отползай, я пришлю за тобой...

Пётр уполз. И потянулись долгие часы ожиданий. Прадед то терял сознание от сильной боли, то приходил в себя. Пальцы на ноге еле висели. Дедушка отрезал их и закопал в землю. Через сутки пришла подмога. Пятеро солдат еле отыскали раненого и отправили в санчасть, а оттуда в госпиталь.

Вот такая история с передовой. История о мужестве, стойкости и героизме, о дружбе украинца и армянина, о солдатской верности и истинном братстве. А ещё, мне кажется, что эта история, рассказанная моим прадедом, символична и поучительна для нашего времени, так как тогда, в сорок третьем, не важно было, какой у тебя разрез глаз, цвет кожи, какая форма носа или национальность. Важно было другое – победить фашизм. В годы Великой Отечественной войны на фронтах сражались бок о бок русские и армяне, грузины и азербайджанцы, украинцы и эстонцы...

В концлагерях Освенцима, Дахау и Бухенвальда погибли миллионы людей разных национальностей: евреи, славяне, цыгане... Человечество заплатило очень высокую цену за мирное небо над головой и счастливый детский смех. Так почему же сейчас, задаюсь я часто вопросом, можно встретить лозунги, пропагандирующие превосходство одних над другими?! Чем некоторые политики, пытающиеся угодить Западу, лучше идеологов фашизма?!

Я хочу, чтобы люди вспомнили известную притчу о старике и его сыновьях. Отец напутствовал своих сыновей жить в мире и согласии. Дети его спросили: «А зачем нам так жить? Поодиночке ведь легче». На что отец дал им веник и попросил сломать его. Сыновья долго ломали толстый веник, состоящий из множества прутьев, но у них ничего не вышло. Тогда отец разорвал узы прутьев и отдал их сыновьям с той же просьбой. На этот раз сыновья сломали веник быстро. И тогда отец сказал: «Вот так же и вас будет трудно сломать, если вы будете едины». В этой простой, на первый взгляд, притче кроется глубокий философский смысл: могучая сила – в единстве народов. Только в этом случае можно сохранить независимость государства, когда кому-то хочется вмешиваться извне в его дела! Только в единстве мы можем решить любые глобальные проблемы по предотвращению техногенных и экологических катастроф! Только став плечом к плечу, мы сможем сказать решительное «НЕТ!» тем, кто наживается на войне, а слезы детей и матерей превращает в звонкую монету!

А история моего прадеда не закончилась. Когда товарищи доставили его в госпиталь, выяснилось, что началось заражение крови. Врачи сказали, что ногу нужно ампутировать. Они отрезали часть раненой ноги – сначала стопу, потом всё выше, выше. Так дошли до 18 сантиметров ниже коленного сустава и остановились. И слава Богу, потому что эти сантиметры впоследствии сыграли важную роль в жизни моего прадедушки. Конечно, о возвращении в строй не было и речи. Он вернулся в Грозный, начал работать сапожником, но в душе лелеял мечту – стать водителем. Когда начинал кому-то об этом говорить, люди только махали руками и качали головой. Но надо было знать характер моего прадедушки: если что – то задумает, от своего не отступит. Даже обра-

тился с письмом в Москву, а потом и сам приехал на медицинский осмотр. Там очень внимательно отнеслись к просьбе настырного армянина с турецкими корнями и дали... своё согласие на вождение машины. Уже в 1956 году прадед стал водителем первого класса, неоднократно был награждён почётными грамотами, юбилейными медалями, отмечен знаком победителя социалистического соревнования. Но самое главное, что многие, кто работал с прадедом, даже не подозревали, что у него протез.

Когда я узнал от прабабушки эту историю, я испытал гордость за своего прадеда, а ещё невольно вспомнил историю про Алексея Маресьева. Мне кажется, что у этих разных людей есть много общего – сила воли, сила духа, стремление быть полезными своей стране.

В 1948 году прадед встретил любовь всей своей жизни – украинку Шурочку, Александру Андреевну Ткачук. Она стала его женой. В браке у них родилось четверо детей: Людмила, Тамара, Наталья и Оган. Все дети получили высшее образование, выросли достойными людьми. В начале 90-х семья переехала из Грозного в Георгиевск. Стали обустраиваться на новом месте. Но 30 марта 1998 года прадедушки не стало. Мне особенно горько это осознавать, потому что я родился 10 ноября 1998 года. Прадедушка не знал меня, а как бы хотелось, чтобы он порадовался моим успехам в школе. Думаю, что прадедушка гордился бы мной. И доживи он до 9 мая 2015 года, я обязательно спел бы его любимую песню:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда – то,
А превратились в белых журавлей...

Прадедушки нет, но память о нём и миллионах погибших в той страшной войне жива. Я горжусь своим прадедом и с уверенностью могу сказать: «Спасибо деду за Победу».

Атабиева Жаннет Магометовна родилась 31 декабря 2000 года в городе Тырныауз Эльбурского района Кабардино-Балкарской Республики.

Учится в 8 «А» классе МОУ «СОШ» им. А. М. Ахматова сельского поселения Былым.

А ЖИТЬ ЕЩЕ ХОЧЕТСЯ...

*Помнит героев весь шар земной!
Вслушивайся в слово простое «герой»!
Смотрю на факел я вновь и вновь:
В пламени этом – алая кровь!*

70 лет мы склоняем головы перед многочисленными героями Великой Отечественной войны. И сколько бы ни прошло времени с тех пор, в наших сердцах будет жить вечная благодарность за их мужество и героизм. Двадцать семь миллионов людей отдали жизни за Родину. А как они хотели жить! Как сильно они любили своих близких! Как мечтали они о своей счастливой будущей жизни, в которой им не суждено было жить!

В этом рассказе я хочу написать о судьбе молодогвардейцев, действовавших в городе Острове Псковской области в 1941 году.

Молодые подпольщики распространяли листовки, организовывали побеги военнопленных, добывали оружие, необходимые документы для верных людей. Свои первые боевые операции они провели в декабре 1941 года: сожгли школу, в которой размещалась вражеская часть, подожгли офицерский кинотеатр. Поступив на работу в полицию, комсомольцы Саша Козловский и Нюра Иванова устроили побег молодежи из Симанского лагеря. В апреле 1942 года подпольщики установили тесную связь с партиза-

нами и стали передавать им ценные разведывательные сведения. Важные сведения доставала Мила Филиппова, которая сумела устроиться официанткой в столовую для гитлеровских офицеров, а затем на работу в одно хозяйственное ведомство, имевшее отношение к снабжению фронта.

Летом 1942 года на одном из собраний комсомольцы решили послать письмо воинам Советской Армии и рассказать о своей борьбе. С этой целью за линию фронта отправили трех товарищей во главе с Сашей Козловским. В пути эта группа напоролась на карательный отряд. Чтобы не попасть в руки фашистов, Саша Козловский подорвал себя гранатой, но двое достались врагу...

Через несколько дней гестаповцы арестовали родителей Козловского, а затем Клаву Назарову, Нюру Иванову, Костю Дмитриева и Колю Михайлова. пытки и истязания продолжались более месяца. Ничего не добившись, палачи 15 декабря 1942 года на центральной площади повесили мужественных патриотов. По-смертно Клава Назарова удостоена звания Героя Советского Союза.

Казнь руководителя организации не сломала волю молодых подпольщиков. Четыре дня спустя после гибели Клавы Назаровой было устроено крупное крушение на железной дороге: в нескольких километрах от Острова в вагоны, груженные боеприпасами, врезался эшелон, везущий из-под Ленинграда в Германию в отпуск особо отличившихся фашистов. Через несколько дней взлетела на воздух трансформаторная будка на лесопильном заводе. Организация жила и действовала. Одно обстоятельство сильно затрудняло работу: со смертью Клавы прервалась связь с партизанами. Но и эта трудность вскоре была преодолена. Партизанская связная Аня Дмитриева нашла подпольщиков и передала им задание партизан.

Во главе организации встала Людмила Филиппова. Это была решительная, требовательная и настойчивая комсомолка. Она родилась и выросла в этом древнем русском городе, хорошо знала его жителей. До войны Мила работала в Прибалтике, на острове Сааремаа (Эзель), в одной из воинских частей. С началом войны вместе с дочкой эвакуировалась в родной город.

И вот теперь, встав на место своей лучшей подруги – Клавы

Назаровой, она сумела быстро сплотить молодогвардейцев. На состоявшемся в марте 1943 года собрании был намечен план боевой работы и четко распределены обязанности для проведения разведки и диверсий.

В обязанности Л. Филипповой входили сбор сведений о работе военно-хозяйственных частей противника и доставка для партизан бланков паспортов. Другие члены группы проводили агитацию среди военнопленных и населения, готовили пополнение для партизан, следили за движением поездов на железнодорожной линии Остров – Псков, за шоссейной дорогой Остров – Опочка.

Через разведчицу Анну Дмитриеву была налажена связь с Большой землей. После прорыва блокады Ленинграда гитлеровское командование стремилось всячески укрепить свою 18-ю армию и направляло всё новые и новые части к городу-крепости. Главное, что требовалось теперь от подпольщиков, – это разведка.

По заданию Л. Филипповой группа подпольщиков в составе Митрофанова, Судакова, Серебренникова и др. держала под наблюдением шоссейные дороги и железнодорожные магистрали, по которым направлялись подкрепления для гитлеровских войск. Весной 1943 года Мила передала подробный план военных объектов и дислокации фашистских частей на Острове. Свои донесения, посылаемые регулярно через пять дней, Мила подписывала условным именем – Катя.

Молодые патриоты теперь всё чаще и чаще организовывали диверсии на дорогах, портили оборудование на заводах. Однажды вечером Олег Серебренников и Саша Митрофанов переключили городскую радиотрансляционную сеть на передачу из Москвы. Жители в течение нескольких минут слушали голос родной столицы. А Володя Алферов вместе с товарищами из-под носа фашистов увёл с торфоразработок группу рабочих в 19 человек. Часть из них была снабжена паспортами и стала пробираться к фронту, остальные ушли к партизанам.

В середине августа 1943 года вместо Ани Дмитриевой, которая обычно поддерживала связь с подпольщиками, партизаны послали в город Остров молодую и неопытную партизанку Нину Зайцеву. По дороге её арестовали полицейские, и на допросе, не выдержав пыток, она созналась, что шла на свидание с одним из

подпольщиков города. Гестаповцы схватили Леву Судакова, ждавшего связную.

Фашисты действовали быстро. В ночь на 21 августа был арестован Олег Серебренников, утром – Саша Митрофанов, затем – Архипова, Морозов, а через день попала в застенки и Мила Филиппова. Гестаповцы окружили дом и схватили Людмилу Филиппову. Выламывая ей руки, они втолкнули молодую женщину в машину, не дав даже проститься с маленькой дочуркой. 23 августа 1943 года Мила, как звали ее в городе, оказалась в фашистском застенке, где было замучено немало патриотов – героев всенародной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Надеясь получить хоть какие-нибудь сведения о подпольной организации, фашисты зверски избивали заключенных. И снова – всё тщетно. Палачи прибегали к самым варварским способам. В надежде сломить сопротивление комсомольского вожака, они привезли Милу домой, на свидание с дочуркой.

Увидев худенькую Инночку, услышав её тоненький крик: «Мамочка, роденькая, ты приехала!» – Мила впервые разрыдалась. Офицер что-то говорил о жизни, предлагал какие-то условия. Мила не слушала его, а жадно глядела на дочь. Взяв свою фотографию с комода, она быстро сделала прощальную надпись.

Когда она снова очутилась в тюремной камере, то написала на стене ещё несколько слов.

На рассвете 9 сентября 1943 года из Острова выехала большая крытая чёрная машина. Через полчаса в кустах у пыльного проселка фашистские пули оборвали жизнь Людмилы Филипповой, Олега Серебренникова, Александра Митрофанова, Левы Судакова и разведчицы Красной Армии Зои Кругловой. Расстреляв молодогвардейцев, палачи сровняли их могилу с землей.

16 лет хранил придорожный кустарник свою тайну. Осенью 1959 года комсомольцам Псковщины удалось раскрыть её. Останки героев покоятся ныне в центре города рядом с прахом организатора подполья Клавды Назаровой.

Людмила Ивановна Филиппова посмертно была награждена орденом Отечественной войны I степени. Прощальные надписи Людмилы Ивановны Филипповой опубликованы в газете «Комсомольская правда» 11 октября 1945 года и 13 июля 1961 года.

Эта сжатая история войны ещё раз доказывает, что фашизм, несмотря за свою силу, зверства и террор, никогда не смог сломить героический дух советских людей. Эта краткая история – история о неизбежности падения идей фашизма. Читаю предсмертную надпись на тюремной стене камеры Милы Филипповой:

Сегодня 1.09.43 год. Допросы кончились. Сажу одна. Жду приговора. Думаю, что расстреляют. Да, жить ещё хочется.

Невозможно без волнения читать строки, написанные обречённой на смерть девушки, в которых нет и тени обречённости перед лицом близкой смерти. Есть только жажда к жизни, любовь и ненависти, вера в счастливое будущее своей дочурки:

Милой, дорогой моей дочурке от крепко любящей её мамульки.

Милая моя крошка, храни эту карточку, ибо она тебе напомнит мать, будешь большая, вспомнишь её.

Дорогой крошке от мамульки.

Расти, моя милая, будь счастлива.

Пусть ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

М. Горький

Моисеева Юлия Сергеевна родилась 31 октября 1998 года в городе Няндомы. В данное время учится в Няндомском железнодорожном колледже. Стихи пишет с первого класса. Бережно хранит свои первые стихи о маме, папе, любимом городе. Сочинила гимн проводника к конкурсу о профессиях.

ДРАГОЦЕННЫЙ ЭКСПОНАТ

На музейных экспонатах
Надписи читаем мы.
Документы, фото, даты—
Эхо страшной той войны.
На портретах два сыночка,
Что погибли на войне.
Пара сизых голубочков
Приглянулась шибко мне.
Оба смертью храбрых пали
В грозном танковом бою.
Как один они мечтали
Снова мать обнять свою.
Вокруг рамки полотенце,
А по краю кружева
И идущие от сердца
Мамой вышиты слова,
Даты: та, что сын родился,
Та, что голову сложил.
Старшего Ильёю звали,
Младший был Вениамин.
Ниже вот такая строчка,

Как крапива сердце жжёт:
«С добрым утречком, сыночки,
Вас как прежде мама ждёт!

Журкина Алёна Дмитриевна родилась 13 января 1998 года в городе Няндоме. Учится в 11 классе школы № 7. В начальных классах посещала кружок «Юный поэт». Её стихи напечатаны в сборниках «Моя семья», «Юные голоса Няндомы».

БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ

Советский солдат
Закрыв волчью пасть
Самому лютому зверю.
Он мог, умирая,
Вновь оживать,
А немец кричал: « Я не верю!»
Он плыл шесть часов
По воде ледяной,
Не сказка, то было на деле,
В тьму облаков
Вонзался стрелой.
Фашист возражал:
« Я НЕ ВЕРЮ!»
Взяв волю в кулак,
Перед носом врага
Смело он хлопнул дверью!
Москву не отдал!
Но Гитлер тогда
В своё поражение не верил.
По волжской степи
Израненный полз,
Кровью её измерил!

На Курской дуге
Танки немцев разнёс!
Тут в проигрыш враг поверил.
И начал сдаваться
Подленький трус—
Флаг свой выбросил белый.
Трудно поверить,
Что сам Паулюс
За русскую выпил победу!

Дмитриева Анастасия Витальевна родилась в 1998 году в городе Няндоме. Учится в в 11 классе школы № 7. В свободное время любит сочинять рассказы и стихи. Любовь к творчеству у неё появилась благодаря учителю начальных классов – Комозоровой Валентине Афанасьевне, которая сама сочиняет стихи, читает их на классных часах, ведёт кружок «Юный поэт».

ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ

Дорогая Варя!
Шлю тебе письмо.
Верю, непременно
Найдёт тебя оно.
На переднем крае
Мы в кольце врага,
Город защищаем
От лютого врага.
Всюду крики, стоны,
Погибает друг.
Словно заколдован
Этот волчий круг!
Огненные шквалы
Льются новь и вновь!
Выжить помогает
Мне твоя любовь!
Если пуля вражья
В бою меня сразит,
Гимнастёрка наши
Письма сохранит.

И возрасту я клёном
Под окном твоим.
С низким Вам поклоном
Любящий Вадим.

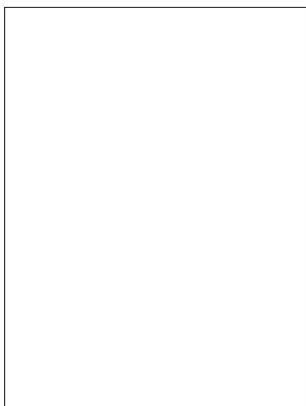

Пятьишева Александра Васильевна родилась 28 октября 1998 года в городе Няндоме. Учится в школе № 7 в 11-м классе. Благодарна за помощь в оформлении работы чуткому педагогу Комозоровой Валентине Афанасьевне. Эта работа очень дорога ей, как память о любимом дедушке. Такие конкурсы никому не позволят стереть из памяти имена героев, величие их подвига!

МОЙ ДЕДУШКА – ОТВАЖНЫЙ СОЛДАТ

Сначала разведчик,
Потом стрелок,
И вот командир батареи.
Освобождал село за селом
Дед мой Василий Андреич
Он северный край
Родной защищал
До Кёнигсберга прорвался,
Отважно «катюшей» дед управлял,
Насмерть с фашистами дрался.
Вернувшись живым,
Отважный солдат
Семьёй обзавёлся большою,
Построил свой дом
И вырастил сад,
В хозяйство ушёл с головою.
Меня он морошкой
Лесной угощал,
К себе усадив на колени.
Когда на гармошке
«Катюшу» играл,

В глазах его слёзы блестили.
Уж несколько лет
Деда рядышком нет,
Но в память медали хранятся.
В саду деревца
Шлют нам добрый привет,
В окошко ветвями стучатся.

Попова Милена Александровна
родилась в 2006 году в городе Няндоме.
Учится в 3-м классе школы № 2. В свободное от занятий время любит рисовать и сочинять стихи. Помогают в этом учительница, Т. Н. Вдовина, и мама.

ПОБЕДНЫЙ ЧАС

Ветеран наш дорогой!
Такой любимый и родной!
Ты побывал в тылу врага,
Но ведь не сдался ты тогда.
Совсем холодный и сырой
Ты рвался резво в этот бой.
Ты крови много проливал,
Но шел ты дальше, воевал.
Как долго ты Победы ждал
И всех врагов уничтожал.
Для Родины покоя, Славы
Хотел добиться ты по праву.
И вот Победный час настал,
Ах, как ты долго его ждал!
Четыре года тяжких мук,
За мир, спокойствие вокруг.
Мы все тебя благодарим
И каждый день боготворим
За то, что мы спокойно спим,

В окопах не сидим, не голодаем.
Вы заслужили! Победили!
Подвиг ваш в сердцах у нас,
Мы будем помнить вечно вас!

Лазарева Анарина Алексеевна родилась 22 февраля 2002 года в городе Няндоме. В настоящее время учится в 7-м классе школы № 2. Посещает кружок «Юный поэт», который полюбила с первого класса. Её работы напечатаны в сборнике «Юные голоса Няндомы», на литературной страничке районной газеты «Авангард». В её портфолио есть дипломы победителя международных, всероссийских и региональных конкурсов литературного творчества. Став победителем конкурса «Живая классика-2015», она отдыхала в Артеке. Под руководством руководителя кружка В. А. Комозоровой работает над созданием своего сборника.

ПРАДЕДУШКА МОЙ ОПАЛЁННЫЙ ВОЙНОЙ

Сражался мой прадед
На Курской дуге,
Где танки пылали
В жарком огне.
Он юным мальчишкой
Совсем ещё был,
Но русскую землю
Крепко любил.
Чтоб мир сохранить
В каждой русской избе,
Он смело прибавил
Два года себе.
За горькие слёзы
Дедов, матерей
Отправился бить он
Фашистов – зверей,
Чистить от нечисти города,
Чтобы мир и покой
Вернуть навсегда.

Не раз он заглядывал
Смерти в лицо,
Кровью платил
За нехватку бойцов!
Раненья, контузия,
Слабеющий слух –
Ничто не сломило
Его сильный дух!
Судьба не всегда
Улыбалась ему!
Однажды очнулся
Во вражьем плену.
Слышал насмешки
Злого врага,
Голод терпел
И удар сапога.
Похоронил уж о доме мечту... ..
Но.....
Русские взяли ту высоту!!!
Освободившись из адского плена,
Прадед продолжил
Правое дело!
Всегда в самом пекле
На передовой
Дошёл до Берлина
Родной мой герой!

ПОБЕДА ПРАДЕДА – МОЯ ПОБЕДА

Давно закончилась война,
Но в сердце Родины она
Навек оставила неизгладимый след.
Такой семьи, где не хранят
Военных писем и наград,
Тех, что не тронула война,
Пожалуй, нет!

Здравствуй, прадедушка родной!
Вновь говорю с тобой, герой,
Я – внучка Анариночка твоя.
А в родословной у меня
Живёт история твоя,
Героизма, любви к Родине полна!
По твоим званьям, орденам,
Победам дальним и делам
Мы можем подвиг твой великий оценить!
Как я горжусь тобой, герой!
Повсюду рядом ты со мной.
Всегда я буду тебя помнить и любить!
На фотографию смотрю
И фронтовую жизнь твою
Я представляю как жестокую судьбу,
Как изнурённый ты шагал,
Как час Победы приближал,
Планы строил и отпор давал врагу!
От голода ты умирал,
Но смерть к себе не подпускал,
В победу верил от начала до конца.
В плену фашистов ты сидел,
Их унижения терпел,
И, стиснув зубы, убирал ты пот с лица!
Одним из первых вражий стан
В районе Шидлува прорвал,
Своим примером вдохновляя батальон,
И званье гвардии сержант –
К большим наградам первый шаг,
Тебе отваги ещё больше принесло.
К врагу в траншею ты проник,
Бойцы услышали твой крик,
Врагу нанёс ты сокрушительный удар!
Двенадцать фрицев положил,
В бойцов уверенность вселил,
И за храбрость орден Славы заслужил.
На Гросс Кальция фрица взял

Того, что в нас прицел держал,
И здесь находчивость и смелость проявил.
Вновь орден Славы боевой
За одержимость в схватке той
Тебе командующий с гордостью вручил!
Разведку целей выполнял,
Везде врага преследовал,
Ты всех товарищей отвагой удивил!
Орден Отечественной войны,
Тот, что мы бережно храним,
Ещё раз твою доблесть подтвердил!
Вот ты, обстрелов не боясь,
Уж через Днепр проложил связь,
Проворно вёл бойцов на линию огня.
И засветился на груди
Орден Красной звезды,
Отметил он российского богатыря.
Перед тобою злобный враг
Шипел и пятился, как рак,
Но посылал артиллерийский шквал огня.
А ты шутил: «Как бы не так,
да не такой уж я простак,
чтобы меня твоя «коварная» взяла!»
Домой с Победою пришёл,
Покой на родину привёл,
И засветились слёзы радости в глазах!
А долгожданная весна
Солдату сердце обожгла
И вновь повеяла о мирных о делах.
Тебе обязана, герой,
любимый прадед Саша мой,
Я мирным небом
и счастливою семьёй!
К поступкам добрым я стремлюсь,
И добросовестно учусь.
Я ставлю цели и иду вперёд с мечтой!

Аверин Николай Алексеевич родился 4 июня 2002 года в городе Няндомы Архангельской области. Учится в 7-м классе школы № 2. В свободное от занятий время любит сочинять стихи. Посещает кружок «Юный поэт». Его стихи можно прочитать на литературной страничке районной газеты «Авангард», в сборниках «Юные голоса Няндомы» О чём они? О Родине, здоровом образе жизни, бережном отношении к природе.

МОЙ ПРАДЕД – ОТВАЖНЫЙ СОЛДАТ

Мой прадед ушёл добровольцем на фронт,
Хотя бронь от фронта имела.
Хотел бить врагов, защищать свой народ,
Приблизить победу хотел он!
На Волховском и Ленинградском фронтах
Командовал взводом и ротой.
Сражался он в самых опасных местах,
Под шквальным огнём пулемётов.
Жизнью своей он не раз рисковал,
Насмерть с фашистами дрался.
Четко команды бойцам подавал!
Вперёд его взвод прорывался.
Потери, раненья одно за другим...
Вынес их прадед немало.
Но всё же однажды расправилась с ним
Пуля врага роковая.
Сорок четвертый – трагический год:
Под станцией Мга Ленинградской
Роту в атаку прадед поведёт:
Приказ: «До последнего драться!»
Фашисты сумели атаку отбить,

Превосходство в силах имея,
Нашим ребятам пришлось отступить.
Дед мой ранен, остался в траншее.
Долго лежал под холодным дождём,
Вороны дико кричали!
Чуть живого, его под покровом ночи
В воронке друзья отыскали.
Врачи колдовали над телом бойца,
Но было утеряно время!
Рыдала навзрыд мать его у крыльца,
Словам похоронки не веря!
Звездой его подвиг вписан в гранит.
Тело в братской могиле зарыто.
На Пискарёвском мой прадед лежит
Его имя не будет забыто!

Чеснова Наталья Андреевна, ученица 5а класса Фокинской СОШ № 3. Участница конкурса от детской библиотеки города Фокино Брянская области (заведующая – Гуцанская Нина Анатольевна).

МОЙ ПРАДЕД БЫЛ УЧАСТНИКОМ ВОЙНЫ...

После войны мой прадедушка окончил Ленинградский педагогический институт и стал учителем истории в родном городе. Я горжусь его подвигами и бережно храню все семейные архивы, чтобы потом рассказать своим детям о Великой Отечественной войне.

Мой прадед был участником войны,
Мне жаль, что я его совсем не знала,
Но чтоб связь поколений не прервать,
О нём мне мама много рассказала.

Ушёл он в армию в апреле сорок первого,
Призвал его родной военкомат.
Никто не знал, что через пару месяцев
Страна проснется с грохотом гранат!

Наводчик пушки 45-миллиметровой,
Солдат Воронин сразу был в строю:
«Я бить фашистов буду до победы!» –
Сказал себе он в первом же бою.

Судьба распорядилась им иначе –
В июле, под Острогом, ранен был,
Сквозное пулевое под коленом
Пять месяцев в госпиталях лечил.

Вернувшись добровольцем в Самаркандскую,
Сержант Воронин командиром пушки стал,
Под Ржевом, в октябре сорок второго,
Последний бой мой прадед отстоял.

Услышав: «Танки! Батарея к бою!», –
Как замполит, он размышлять не стал,
Помог орудие дед выкатить на поле
И точным выстрелом в немецкий танк попал!

Увидев это, немцы озверели,
Решили отомстить они ему,
Орудие Воронина разбили,
Не дав ему уж больше быть в строю.

Мой прадед, потрясённый взрывом страшным,
Привстал и понял – левая рука
Отсечена осколком от снаряда,
Но правая-то ведь цела пока!

Он побежал к орудию другому,
Где оставалось несколько бойцов,
Но боль была настолько нестерпима,
Что добежать не смог он до стрелков.

На помощь к нашим подошла пехота,
И танки повернули все назад,
Вот этим и закончился штурм Ржева,
Не победить фашистам нас никак!

Прадеда подобрали санитары
И ампутировали руку в том лесу,

Никак не мог поверить бедный Вася,
Что это с ним случилось наяву.
Одни сказали, что он безнадежен,
Но слава Богу, что нашлись врачи,
Которые смогли помочь больному,
Вернуться к жизни парню помогли!

Спасибо им за моего прадеда!
А ВОЕВАВШИМ ВСЕМ СПАСИБО ЗА ПОБЕДУ!
За то, что мы живем в своей стране!
За то, что мир почти на всей земле!

Рокотьянская Виктория Алексеевна родилась 20 мая 2001 года в рабочем посёлке Елань Еланского района Волгоградской области. Учится в 7-м классе МБОУ «Еланская СОШ № 3». Всё свободное время посвящает чтению художественной литературы, пишет стихи, рассказы. В 2013 году стихи Виктории были напечатаны в районном литературно-художественном альманахе «Мельница». В 2014 году награждена грамотой и медалью за 2-е место в об-

ластном конкурсе «Моя семья», в 2015 году стала победителем регионального этапа конкурса школьных сочинений на тему «Моя семья в Великой Отечественной войне», её работа отмечена дипломом II степени.

СПАСИБО ДЕДУ ЗА ПОБЕДУ!

На самом видном месте в зале моей бабушки два небольших портрета. На меня внимательно, как бы изучая, смотрят добрые глаза прадедушки и прабабушки. Василия Михайловича и Александры Георгиевны Сидоренко.

Я появилась на свет уже после их смерти. За долгую жизнь они много повидали. Дети встретили революцию, подростками пережили гражданскую войну, будучи взрослыми, лишились единоличного хозяйства, вступив в колхоз, вместе со всей страной пережили Великую Отечественную войну.

В начале 1941 года он был призван в трудармию. Работал в Ворошиловградской области (ныне Луганской) на восстановлении шахты БИС-17. Там и застала его война. Немецкая группировка «Юг» оккупировала Восточную Украину. Начальство разбежалось, бросив рабочих на произвол судьбы. Так началась эпопея возвращения из мест, занятых немцами, моего прадедушки домой в Киквидзенский район, в маленькую степную деревушку Алонцево.

Забрав свои пожитки, он с двумя товарищами (один из Лога,

второй из Новоаннинска) отправился на Миллерово – Серафимович. На транспорт надеяться не приходилось, везде шли бои, бомбёжки сотрясали воздух, кругом обгоревшие танки, машины, на железнодорожных станциях – разбитые эшелоны. Опасность подстерегала повсюду. В одном месте прадедушка нашёл компас и зонтик. Последний на протяжении всего пути служил ему костыликом, а компас помогал держаться восточного направления.

И вот первое задержание немцами. Тут-то ему пришлось спешно избавиться от компаса из-за страха, что в нём признают партизана. Он и правда был похож на него: волосы отросли до плеч, борода касалась груди. Прадедушку с друзьями отвезли в лагерь военнопленных для проверки личности. То, что там он увидел, потрясло до глубины души. В бараке, прижавшись вплотную друг к другу, сидели, лежали раненные – измученные, истощённые люди. Единственное, чем он мог им помочь – поделиться чудом сохранившимися в вещмешке сухариками. Конвоир увидел, подскочил и стал бить этого человека прикладом по голове, по спине. Досталось и прадедушке. Потом немцы стали проверять документы. У прадедушки была только справка, подтверждающая, что он трудармеец. Каково же было удивление, что его с друзьями отпустили.

Снова начались опасные скитания. В районе Миллерово их задержали полицаи из русских и сдали немцам. Те посадили пленников в машину, кузов которой был обтянут брезентом. Прадедушка в щель наблюдал маршрут следования. Издали увидел скопление народа, понял, что это очередной временный концлагерь. Машина приближалась к толпе, сердце бешено колотилось в груди. Вряд ли теперь пронесёт. Но почему-то, поравнявшись с лагерем, водитель-немец нажал на газ – машина стремительно пронеслась мимо. Только успели рассмотреть за колючей проволокой множество людей и охранников с автоматами.

Вскоре машина оказалась в поле, а потом в глубоком логу, где был водоём: то ли пруд, то ли озеро. Немец нажал на тормоза, потом резко откинув тент, командовал: «Русс, ком, ком!» «Вот она смерть», – пронеслось в голове. Мой прадедушка, тридцативухлетний мужчина, безоружный, поставленный перед жестокой реальностью, мысленно попрощался со своими близкими.

Выпрыгнули из машины все трое. Немец приказал идти вперёд. Лихорадочно пронеслось в голове: «Будет стрелять в спину. Жить хочется, а ещё больше – сразиться с немцем на равных». Шли пленники, не оглядываясь, очнулись лишь тогда, когда услышали стук закрывшейся дверцы и звук отъезжающей машины...

Судьба снова подарила жизнь. До конца своих дней прадедушка не мог понять поведения того немца. Видимо, он оказался человеком.

Измученные, пережившие стресс, они забрели в водоём и с наслаждением пили тёплую мутную воду. Но это была самая вкусная вода на свете.

Снова трудный и опасный путь домой. Старались идти ночью, а днём прятались. Были и ещё неприятные встречи, но судьба снова дарила им свободу. Наступали осенние холода. Разутые и раздетые, они думали о том, где же раздобыть тёплую одежку. До войны прадедушка работал кузнецом. Он предложил свои услуги в станице Мальчевской. Восстановив кузнецу, они начали помогать во всём жителям, в большинстве своём старикам и женщинам. Изготавливали домашнюю утварь, ремонтировали повозки, сани, сельхозинвентарь. За это их кормили. Заработали на одежду, снова отправились в путь: до дома ещё были сотни километров.

Самым трудным и опасным было перейти линию фронта на Дону в районе Серафимовича. Заходя в станицы, они не вызывали подозрения у жителей, так как были похожи на стариков (ведь все молодые на войне). Тогда было много беженцев, особенно пожилых людей. Нашёлся один добрый старик-станичник, который помог переправиться через Дон. Снова судьба проявила благосклонность. Оказавшись на левом берегу Дона, прадедушка вздохнул с облегчением. До родного дома оставалось около двухсот километров. Пешком он прошёл их за четверо суток. В декабре 1941 года он оказался в своём селе Алонцево, в родном доме.

Так, ещё не служа в действующей армии, мой прадедушка испытал ужасы войны.

Потом явился в Киквидзенский райвоенкомат. А так как не был годен к строевой службе (во время Гражданской войны, будучи мальчишкой, искалечил пальцы правой руки разорвавшимся снарядом), стал делать упряжь для кавалерийских частей. Но это

длилось недолго. На фронт требовалось пополнение. С него сняли бронь и в феврале 1942 года отправили в пункт формирования 200-й запасной стрелковой дивизии в город Урюпинск. В этой дивизии он служил в хоззвезде. Непосредственно в боевых операциях он не участвовал. Его главная задача – снабжение и экипировка маршевых рот на передовую. В то время все запасы полка перевозили на конной тяге, и кузнец всегда был нужен по ремонту повозок, ковке лошадей. Он же выдeldывал шкуры и шил всю сбрую. Из берёзовых поленьев готовил уголь для кузницы.

Со своим полком прадедушка прошёл от Сталинграда до Субботицы, югославского города на берегу голубого Дуная, сначала в составе Юго-Западного, а затем 3-го Украинского фронта через Запорожье, Одессу, Бухарест. Очень часто после кровопролитных боёв из хоззвезда брали пополнение, но командир всегда оставлял прадедушку на его должности. Он ценил его золотые руки, которые умели делать буквально всё. Но это совсем не значит, что прадедушка не испытал тяготы войны. Нередко его взвод подвергался бомбёжке. Одну из них он запомнил на всю жизнь: бомбили так, что, казалось, никто не выживет. Когда всё закончилось, вокруг остались груды вздыбившейся земли, сплошные воронки, раненые и погибшие товарищи. А судьба снова его сохранила. Ни один осколок не тронул его. Он и сам не мог понять, почему вернулся со страшной войны живым и невредимым. Может, Всевышний решил, что его семья и так уже заплатила гибелью двух его братьев, Афанасия и Ивана. Должен же кто-то продолжить род Сидоренко. А может, своим ожиданием спасли его прабабушка и пятеро детей.

Все тяготы войны мой прадед вынес сполна. Помнил, как шли, держась за повозки, и спали на ходу, как маршировали весной по горячему асфальту Европы в зимнем обмундировании, а от высыхающих валенок валял пар. Помнил стужу, жару, голод. Видел разрушенные города, сёла, слёзы горя и слёзы радости освобождённых от фашизма. Никогда не забывал погибших однополчан, отдавших свои жизни за победу.

Конец войны он встретил в Субботицах, в Югославии. Оттуда он, воин-освободитель, на лошадях, с обозом, своим ходом и отправился на Родину. Прошёл Румынию, Карпаты, Украину.

Имея феноменальную память, будучи великолепным рассказчиком, обладая образной и живой речью, прадедушка удивительно описывал красоту Карпат, Дуная и Днепра.

Домой вернулся к осени 1945 года с небольшим чемоданчиком, в котором были его инструменты. До самой смерти они были его верными помощниками. А для нас остались реликвией: и деревянные игрушки, сделанные им, и искусно сплетённые из ржаной соломки шляпы. Прикасаясь к этим вещам, я ощущаю тепло его рук.

Прадедушка награждён медалью «За Победу над Германией», орденом Отечественной войны I степени, юбилейными медалями. Он не стал героем, но он и тысячи таких, как мой прадедушка, скромных тружеников войны, достойны того, чтобы мы сказали им: « Спасибо за Победу! »

Станица Преображенская. Холмик на погосте под развесистым тополем. Два памятника. С фотографий на меня смотрят мои прадеды-долгожители. 70 лет они шли по жизни рядом. Воспитали восьмерых детей, за которых им никогда не было стыдно, нянчили внуков, правнуков. По-своему были счастливы, преодолевая все жизненные преграды. Память о них будет передаваться нами, благодарными потомками, из поколения в поколение.

Они живы, пока жива память о них.

Садкова Арина Андреевна родилась 29 июня 1999 года в городе Светлом Калининградской области.

В 2006 году поступила в 1-й класс средней школы № 5 города Светлого и одновременно на Хореографическое отделение детской школы искусств. Является солисткой образцового хореографического ансамбля «Дар» и многократным лауреатом и победителем всевозможных танцевальных конкурсов всех уровней.

Сейчас ученица 9-го класса средней школы № 5. Она очень занята, но когда выдается свободное время, любит читать. Выражает искреннюю благодарность учителю русского языка и литературы – Судаковой Светлане Рудольфовне, которая и являлась идейным вдохновителем и помощником в написании этой работы.

ЖЕНЩИНЫ НА ВОЙНЕ: ПОДВИГ И ТРАГЕДИЯ

*Никто и никогда не отнимет
у мужественных – мужества,
у героев – славы,
у победителей – Победы!*

Никто и никогда!

Из «Обращения ВС СССР от 21.06.1991 г.
п 2253-1 к народам Советского Союза»

Моя прабабушка Павлова Евгения Фёдоровна

Приближается май и великий праздник – День Победы. В этот день 9 Мая 1945 года закончилась Великая Отечественная война. В этот день вспоминают тех, кто воевал и защищал нашу Родину. Пожалуй, в бывшем Советском Союзе нет ни одной семьи, которую не коснулась бы эта проклятая война. Сколько горя и страданий принесла она людям... Силы кровавого фашизма обрушили на нашу страну огненный шквал. Но наш народ реши-

тельно преградил путь немецкой агрессии. Сплотившись, он поднялся на защиту своей страны, своей свободы. Бессмертен подвиг тех, кто боролся и победил фашизм.

ЧАСТЬ I

От «Ночной ведьмы» до «Ночной феи»

Передо мной фотография военных лет. Я всматриваюсь в неё. Это моя прабабушка Павлова Евгения Фёдоровна. Красивая моя прабабушка Женя! Чернобровая, кареокая, с белозубой улыбкой на лице. На голове лётный шлем и очки. Она одета в гимнастёрку, а на груди боевые награды. Оказывается, моя прабабушка отважный штурман легендарного 46-го гвардейского Таманского орден боевого Красного Знамени и Суворова III степени, женского авиационного полка ночных бомбардировщиков! А немцы звали лётчиц «Ночными ведьмами», мы же, родственники, называем её сейчас ласково «Наша Ночная Фея».

Моя прабабушка Женя в девятнадцать лет ушла на фронт добровольцем. Сначала она несколько месяцев обучалась в военной школе младших авиаспециалистов («ШМАС») в станице Курсавка Краснодарского края. В школе были девушки разных национальностей из разных городов Советского Союза. Она очень гордится тем, что была лично знакома с Александром Ивановичем Покрышкиным – творцом многих эффективных приёмов воздушного боя. Помнит, что в борьбу с врагом на Кубани он вступил уже опытным лётчиком и зрелым командиром.

Я снова смотрю на фотографию. Теперь я смотрю на боевые награды моей прабабушки. Справа медаль «За освобождение Кавказа», слева – орден Отечественной войны II степени. Его вручил моей прабабушке 8 марта 1945г. командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К. К. Рокоссовский. А орденом Красной Звезды бабушка награждена за участие в освобождении города Севастополя и Крыма. Отважно сражалась моя прабабушка Женя. Летала она на лёгком фанерном самолёте только в ночное время. Выполнение задания требовало высокого мастерства и мужества. Горе экипажу, если самолёт попадал в цепкие лучи прожектора. Он буквально расстреливался на глазах у всех, если лётчица не сумела уйти в спасительную темноту ночи.

Моя прабабушка гвардии младший лейтенант Павлова Евгения совершила 284 боевых вылета, и участвовала в освобождении Кавказа, Тамани, Крыма, Белоруссии, Польши, Восточной Пруссии и дошла до Берлина. Я горжусь своей прабабушкой!

ЧАСТЬ II

Из воспоминаний моей бабушки Павловой Евгении Фёдоровны

В женском авиационном полку ночных бомбардировщиков

... Вместе со мной в полк приехали и другие девочки: Оля Яковлева, Лена Никитина, Клава Старцева, Люба Бутенко, Оля Ерохина, Лида Николаева, Полина Тучина, Лида Махова, Лена Саликова. Отдохнув и прогулявшись по заставе, мы приступили к работе вооруженцев: днём подготавливали авиабомбы и взрыватели, а ночью, когда лётчицы летали на боевые авиазадания, мы подвешивали бомбы к самолётам По-2. Я обслужила таким образом 500 самолётов. Полк летал только ночью. Однажды на наш аэродром не вернулись 4 самолёта. Позже мы узнали, что их сбили фашистские лётчики – истребители. Восемь женщин сгорело в воздухе. Они отдали свои жизни за Победу, за Родину, за светлое будущее последующих поколений. Для всех нас это была большая, тяжёлая утрата. Мы долго переживали, плакали, глядя на пустые постели фронтовых подруг. Управление было сдвоенным: самолётом возможно было управлять и пилоту, и штурману. Были случаи, когда штурманы приводили на базу и сажали самолёты, после того, как пилот уже погиб.

Как я попала в военную школу младших авиаспециалистов («ШМАС») в станице Курсавка Краснодарского края

Вспоминаю политрука Олю Фетисову, которая пришла к нам в общежитие техсостава (полк тогда базировался в Краснодарском крае) совсем юной девочкой. Она пригласила меня на беседу после больших потерь лётного состава над «Голубой линией» и спросила: «Женя, хочешь летать на боевые задания?» И продолжила разговор о том, что в полку организуются курсы штурманов. Попросила не спешить, хорошенько обдумать её предложение, а

в случае согласия – принести заявление в штаб полка. Конечно, я всё понимала, мысли носились в моей голове: и что могу умереть, и что я так молода... Но также я понимала, что если не я, то кто? Я всё взвесила и согласилась.

Немного из истории оборонительного рубежа противника «Голубая линия»

Надо сказать, что в те годы «Голубая линия» – это мощный оборонительный рубеж противника. Фашисты на линии от Тамани до Крымска попытались закрепить на так называемой «Голубой линии» – цепи сложнейших оборонительных сооружений, которые максимально использовали элементы местности. «Голубой» линию прозвали потому, что здесь было множество водных преград. Для военных операций здесь был очень удобный рельеф местности: у побережья Азовского моря и долины реки Кубань преобладают болотистые низменности с большим количеством плавней, лиманов, рек и ручьев. Юго-восточный участок – горно-лесистый. Такой рельеф местности способствовал противнику в организации прочной обороны, давал возможность превратить командные высоты и населённые пункты в узлы сопротивления. Немецко-фашистское командование решило в полную меру использовать эти выгодные для себя условия местности, чтобы удержать за собой Таманский полуостров. «Голубая линия», имела глубину до 6 км, но следом за ней на глубину 30–40 км простирались хорошо укрепленные рубежи. В центре холмистого плато находилась станица Молдаванское. Здесь противник создал мощный узел обороны второй позиции. Этот узел обороны был подготовлен для того, чтобы преградить советским войскам путь к центру Таманского полуострова в случае прорыва ими первой позиции.

10 сентября 1943 года Северо-Кавказский фронт перешёл в наступление с целью освобождения Новороссийска и Таманского полуострова (Новороссийско-Таманская операция). В ходе боёв советские войска овладели «Голубой линией» и 9 октября 1943 года окончательно выбили немецкие войска с Таманского полуострова. «На Кубани и Таманском полуострове не осталось

ни одного живого немца, кроме пленных», – эти слова рапорта генерала Петрова Сталину стали своеобразным эпилогом к Битве за Кавказ.

Боевые задания

Сначала во фронтовых условиях я окончила курсы штурманов. Вот что они собой представляли: дневные и ночные вылеты на нашей территории, прыжки с парашютом с самолёта ПО-2, тренировки на земле, отработки разных предвиденных и непредвиденных ситуаций. Потом я стала летать на боевые задания, как у нас тогда было принято говорить «бомбить врага в его логове». Полк наш тогда уже стоял в посёлке Пересыпь на Таманском полуострове и летал на город Керчь. Затем мы летали на Севастополь, бомбили отступающего врага. Помню, что до августа 1943 года летчицы не брали с собой парашюты, предпочитая брать вместо них ещё до 20 кг бомб.

Горжусь тем, что в нашем полку 25 летчикам и штурманам было присвоено звание Героя Советского Союза и Героя России. Там уже я открыла счёт своим боевым вылетам, которых было 284, не считая так называемой учебки. Конечно, не раз моя жизнь висела на волоске от смерти, каждый раз мог быть последним, но моя счастливая звезда спасла меня от гибели.

В часы отдыха

Когда не было боевых заданий – то ли была плохая погода, то ли полку давали отдых – девушки устраивали вечера, конкурсы художественной самодеятельности. К нам в гости приезжали друзья по оружию из 589-го авиаполка 325-й авиадивизии. Мы называли их «Братцы», а они нас в ответ – «Сестрицами», а ещё часто звучало – «Дунькин полк», с намёком на полностью женский состав, оправдываясь именем командира полка, ну, и конечно, «Ночные ведьмы», потому что летали на задания мы только ночью. Кстати, несколько пар сразу же и поженились. К. Д. Бочаров – их командир полка – стал мужем нашей лётчицы Е. Д. Бершанской. Самой голосистой среди нас, той, которая всегда занимала первые места в так называемых песенных конкурсах, была Оля Ерохина. Какую бы песню она не начинала петь, какую бы ни подхватывала, она

так задушевно и правильно выводила мелодию, что все просто плакали, вспоминая свой дом, родных, погибших, веря в Победу.

В свободное от вылетов время ещё мы танцевали под баян, конечно, пели, выпускали «Крокодил», где писали свои шутки; кто-то вышивал, кто-то писал письма. Проходили у нас и спортивные состязания: мы бегали на разные дистанции, отжимались, устраивали эстафеты и другие соревнования. Я уже не помню, откуда у нас появился мяч, небольшой детский, конечно, не баскетбольный или волейбольный, но мы берегли его как зеницу ока: играли в волейбол, баскетбол, в «Вышибало». Очень часто мы участвовали в заплывах через реку Кубань, где я часто опережала свою напарницу Олю Фетисову. Однажды, идя в расположение части после такого очередного заплыва, она спросила: «Откуда ты родом, где ты так хорошо научилась плавать?» «С Кубани, – ответила я, – а на этой речке в мирной жизни мы проводили всё своё свободное время летом. Мы переплывали её за день по нескольку раз, когда отправлялись за дровами, лесными фруктами или ягодами». Так все узнали, что я из здешних мест.

Особенно запомнившиеся даты

Особенно мне запомнились два праздника – это 8 марта и День Победы 1945 года. Мы уже были в Германии, в Берлине. Уже гнали немцев на всех фронтах и ждали Победу, которая вот-вот должна была быть объявлена. В Международный женский день в зале небольшого немецкого театра были скромно накрыты праздничные столы. Там маршал Советского Союза К.К.Рокоссовский произносил поздравительные речи, вручал ордена и «Золотые звёзды» Героев. Наградил и меня – орденом Отечественной войны II степени. А День Победы праздновали в одном немецком имении, на свежем воздухе, под пахучими раскидистыми липами, за уставленными вкусными яствами столами. В гостях были «Братцы». Мы веселились, много плакали и победно ликовали, вспоминали тех, кто не дошёл, не дожил с нами до Победы. Боевые потери полка составили 32 человека. Несмотря на то что лётчицы гибли за линией фронта, ни одна из них не считается пропавшей без вести. После войны комиссар полка Евдокия Яковлевна Рачкевич на деньги, собранные всем

полком, объездила места, где гибли самолёты, и разыскала могилы всех погибших.

Я горжусь тем, что свой боевой путь я прошла в составе 46 женского гвардейского авиаполка 4-й воздушной армии 2-го Белорусского фронта. Участвовала в освобождении Кавказа, Тамани, Крыма, Белоруссии, Польши, воевала на территории Восточной Пруссии и дошла до Берлина. В октябре 1945 года наш полк был расформирован.

Заключение

Когда мои родные начинают говорить о войне, берут и рассматривают бабушкины фотографии, награды, читают её воспоминания, то проклинают Гитлера и войну, которая искалечила и погубила судьбы и жизни миллионов человек. И теперь мы, русские люди, абсолютно не понимаем фашистски настроенных украинцев, с которыми в прошлом мои прабабушка, бабушка и дедушки прожили полжизни бок о бок на Украине в абсолютном согласии, а ведь сейчас они с нами и разговаривать не хотят.

А я..., я буду бережно и всю свою жизнь хранить фотографии и медали моей прабабушки, а потом оставляю их по наследству своим детям, завещая им, чтобы они передавали их от поколения к поколению, вспоминая страшные истории тех времён.

Сейчас моей прабабушки Павловой Евгении Фёдоровны нет в живых, как и многих других ветеранов. Но всё, что они защищали, есть. Есть память о них, и есть Вечная Слава Нашим Родным, воевавшим на полях Великой Отечественной войны, – ГЕРОЯМ!!!

Полуднева Мария Алексеевна родилась в городе Воронеже 20 июня 2005 года. Живет в городе Воронеже. Учится в гимназии имени Андрея Платонова в 5 «Г» классе. Занимается в фольклорной студии «Веретёнце», в студии иностранных языков «English for you», в спортивной школе скалолазания, имеет 3-й юношеский разряд. Учится в Воскресной школе при Успенском семинарском храме, там же занимается в театральной студии. Очень любит читать.

Пробует писать сама.

Мария благодарна маме за то, что она всегда рядом, за то, что отправила её работу на конкурс.

В ПРАЗДНИК СВЯТОГО НИКОЛАЯ

(посвящается моему прадедушке Афанасову Ивану Сергеевичу)

Эта история произошла, когда меня ещё на свете не было, и мамы моей не было, и бабушки Томи. Тогда шла страшная Великая Отечественная война, и враг нашей Родины шёл по земле, сжигая деревни и села, бомбя города, угоняя людей в Германию, расстреливая и сгоняя пленных в концентрационные лагеря.

Мой прадедушка Иван Сергеевич, служил солдатом в мотоциклетном полку. Со своими товарищами оказался в плену. На «Николу Зимнего» попали в окружение под Сталинградом. Несколько солдат заперли в са-

Афанасов Иван Сергеевич 1941 год.

рае. И поставили часового. Прадедушка рассказывал: «Все ребята были молодые, а один солдат старый. Как бы приснул. И говорит: «Иван, ты знаешь, что сегодня православный праздник Никола Зимний. Сейчас открывай двери и иди не спеша, прямо. Я ему: «Так там же часовый?» «Иди, Иван, не бойся, ты выживешь, и ещё командовать будешь». Выхожу из сарая и жду, что в меня часовой стрелять начнет. Зажмурился. А он стоит как вкопанный. Открыл я глаза и пошел, толи иду, толи плыву, всё как в тумане. А вокруг немцы, и каждый своим делом занят. И никто меня не видит. Посреди улицы иду. Отошел подальше, забежал в какой-то двор и спрятался под ясли, в коровнике. Там весь день и просидел. Ночью вышел из села, да и пошел, куда глаза глядят. Шел всю ночь, и день. По полю иду, и тут на подводе полицаи с женщиной выехали. Полицай хотел меня к немцам отвести, а женщина отговорила. Спрятала в своей хате, поила, кормила, пока я немного сил набрался. В одну из тёмных ночей перевела меня через линию фронта к своим.

Моя тетка, монахиня, из Иерусалима пешком на себе икону Николая Чудотворца принесла. Тётка Лукерья с мамою молились, видно, усердно, что меня Николай Чудотворец дважды спас».

Прадедушка всю войну прошел с первого дня и до последнего. В боях за Сталинград награжден медалью «За отвагу», эта награда давалась за личное мужество. День Победы 9 мая 1945 года прадедушка застал в Берлине. Получит медаль «За победу над фашисткой Германией». Иван Сергеевич один из четырех братьев вернулся с той войны. Моя бабушка и мама рассказали мне эту историю, а я когда вырасту, расскажу своим детям. Икона Николая Чудотворца Зимнего, так и висит в красном углу дома у моей бабушки. Я приезжаю и благодарю святого Николая за спасение моего прадедушки.

Харланова Ксения родилась на хуторе Перекопка Клетского района Волгоградской области в 1997 году, обучалась в городе Волгограде (ГКООУ «Созвездие»), в настоящее время студентка 2-го курса филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Неоднократно участвовала в конкурсах, предполагающих исследование исторического прошлого своей семьи, своего края (так, например, одной из проектных работ, представленных на региональной конференции молодых исследователей, стала «Книга памяти станицы Перекопской Усть-Медведицкого округа»). В 2010 году стала автором поэтического сборника «Мой Сталинград».

ОТ СТАЛИНГРАДА ДО СТАЛИНГРАДА

*Посвящается моему прадеду –
Скрынникову Михаилу Сергеевичу,
участнику Сталинградской битвы.*

Ушёл давно... Остались ордена,
Медали и десяток фотографий...
Совсем в другой стране живет страна.
Другие лица вдаль глядят с плакатов...

А был мой прадед ростом не велик,
И не широк в плечах... И очень скромн...
Спокойный голос не срывался в крик...
Но там, внутри, в себе он был огромен...

Последний бал... прощание со школой...
Дописана последняя тетрадь.
Зачем? Зачем? Чтоб выпуск их веселый
Смогли потомки огненным назвать.

Кем стать мечтал он? Летчиком отважным?
Бесстрашным капитаном корабля?
Он после говорил: «Уже не важно»,
Когда нам море, небо и земля

Достались в данность... А какая плата
За это достоянье внесена:
Все огненные выпуски в солдаты,
Благословив, отправила страна.

И мне не спится. И тебе не спится.
Вот-вот промчится летняя пора.
Ты говоришь, что родом из станицы?
Что там у вас ужасная жара?

У нас в саду, наверное, прохлада,
Хотя от зноя степь едва жива.
Ты представляешь, сад... и речка рядом.
А то бы погорела и трава...

У нас там вишня, золотые груши,
На бахчах змей – иди и не зевай...
Войну закончим, я серьёзно, слушай,
Хотя б на месяц в гости приезжай.

Воюем год, а немца не видали:
Урал, Сибирь, Уфа, теперь Москва,
Ну где уж тут награды и медали,
Домой вернёмся – вся война – слова...

Который день грохочут эшелоны,
Куда везут, никто не говорит...
А может, мы, ребята, прямо к Дону?
Кругом поля... везде, везде дымит...

И в щелях между досками мелькали
Деревья, а потом открылась степь ...
– Мы где-то рядом с домом проезжаем.
Эх, хоть бы на часок домой успеть ...

Увидеть мать ... Вот мама удивится,
Обрадуется ... Как же ты, сынок ...
А эшелон торопится, стремится:
Он должен успевать куда-то в срок ...

Солдаты то курили и молчали,
То называли город наугад,
Чем ближе к месту – твёрже понимали,
Что впереди – горящий Сталинград ...

На станции сгружались поздней ночью;
Команды были четки, коротки –
Форсированный марш к сосредоточью
Советских войск у матушки-реки ...

Ночами шли без отдыха ... помногу ...
Чтоб с воздуха заметить не могли,
Шли по степи, какие там дороги ...
Метели выли ... Неба и земли

Не стало ... Всё кружилось и свистело,
Всё в бездну неизвестную несло ...
И ни одно солдат не обогрело
Оставленное нашими село ...

В пустых домах свистели ветры те же.
На улицах селений – ни души.
Ни отдохнуть, ни просушить одежды.
Стемнеет – и опять в рукав дыши,

Взрывай сугробов пенистые кромки
И с неба жди на счастье звездопад.
Еще один рассвет, одни потемки,
А там рукой подать – и Сталинград.

Манштейн спешил прорвать кольцо блокады.
Он мощный клин ударный направляя,
Чтоб Паулюсу путь от Сталинграда
Освободить. Но он не представляя,

Что на пути его дивизий грозных ...
Такая мощь!.. Из мглы ... Из ничего
Поднимется, чтобы в степях морозных
Сурово встретить армию его!

Откуда столько силы здесь скопили?
Откуда столько техники взялось?
Не доглядели ... С воздуха не сбили ...
И вихрем закружилось ... понеслось ...

Гремели залпы ... Стоны человечьи ...
Был снег пропитан кровью, потом – мгла,
Но Мышкова, спокойной, узкой речки
Манштейна армия уже не перешла ...

В тот раз мой прадед не был в Сталинграде.
Он армию Манштейна «проводил»,
Его потом представили к награде,
Но мало кто из близких это знал.

Он всё молчал – да что там – только рядом,
За сорок километров город был!..
... Медаль «За оборону Сталинграда»
Мой прадед очень бережно хранил.

Он в Кёнигсберге праздновал победу,
Он многих пережил сражений ад...
Но выживал – и всё мечтал – поеду,
Поеду, посмотрю на Сталинград.

Он приезжал... И тихо восхищался,
Боясь спугнуть ожившую мечту.
И вновь в свою деревню возвращался,
Лелея в сердце эту красоту...

Его уж нет на свете четверть века,
Он не узнал, что после буду я,
Я буду здесь встречать свои рассветы,
И будет жизнь во мне через края...

Он был бы рад... Шепчу ему – спасибо,
Он все уходит... Я взрослею... Что ж...
Но возникает мысль: а мы смогли бы?
Я чувствую непроизвольно дрожь...

Он внукам разрешал смотреть медали.
Одну просил, не трогайте, не надо,
И внуки тихо, по слогам читали:
Медаль «За о-бо-ро-ну Ста-лин-гра-да».

Дудыгина Влада Валерьевна родилась 25 мая 2001 года в городе Онега Архангельской области. В семь лет пошла в Малошуйскую общеобразовательную школу: Ученица 7-го класса. Любимый предмет в школе – математика. Увлекается спортом, занимается в спортивной секции по баскетболу. Участвует в разнообразных конкурсах, предметных олимпиадах, неплохо рисует. Учится на «4» и «5».

ВЫ ЖИЗНЬ ОТДАЛИ

Вас уже нет,
Но вы остались
В сознание,
В памяти людской.

За сон детей
Вы жизнь отдали,
Порою жертвуя собой...

Да что порой?
Вы **ЖИЗНЬ ОТДАЛИ**
Во имя счастья матерей.

Вы защищали,
Вы спасали,
Кричали: «Брат, давай,
смелей!»

«Смелее в бой!
За мать, за женку
И за поруганных невест,
За нерождённого
ребенка,
За тех, кого уж рядом
нет...»

Сказать спасибо – это
мало,
А знать и передать
другим...
Беру обязанность пред
вами,
Мы в памяти всё
сохраним!

Денисов Юрий Андреевич родился в 1999 году в Сысольском районе Республики Коми. С 9 лет воспитывается в ГУРК «Детский дом № 3» города Сыктывкара. Учится в 11-м классе школы № 36 города Сыктывкара. Успешно занимается в военно-патриотическом кружке «Юнкер». Свободное время посвящает литературному творчеству. Благодарит руководителя кружка «Литературная мастерская» Эку Ирину Андреевну, без помощи которой, по его словам, трудно было бы стать участником конкурса «Герои великой Победы».

Эссе **ЧТО, ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА?!**

Что, если завтра война?! Смогу я, как мой прадед, в 17 лет один против фашистского «тигра»? Смогу в окопе, сутки под дождём? Смогу на военной разбитой дороге под обстрелом гитлеровских «мессеров»? Не дрогнуть, не пасть духом, не сломаться?

Или в тылу, ребёнком, по шестнадцать часов у станка? Или в блокадном Ленинграде, в холоде и голоде? Но при этом учить стихи, названия рек и городов, решать задачи. И писать... застывшими пальцами... между газетных строк?

А он смог, защитник Брестской крепости, танкист, воевавший на Курской дуге, в героическом Сталинграде... Простой скромный солдат. Солдат, за спиной у которого мать, сестра, дочь... Он смог, труженик тыла... Смог, ленинградский блокадник...

Где черпал он свои силы? В беззаветной любви к тому огромному, что умещается в коротком, но ёмком слове РОДИНА. Война не оставила ему выбора, и он ковал Великую Победу долгих тысячу четыреста восемнадцать дней и ночей.

Семьдесят лет мы не знаем войны. Семьдесят лет мы помним о войне. Для чего? Чтобы быть готовыми. Что, если завтра война?!

Арипшев Абубекир Юрьевич родился 1 февраля 2000 года в городском посёлке Чегем Чегемского района Кабардино-Балкарской Республики. Пошёл в школу в 2006 году. Учится на отлично.

Принимает активное участие во всех школьных мероприятиях. За участие в районных и республиканских конкурсах, олимпиадах, фестивалях награждался дипломами и грамотами. Стал призёром районного конкурса исследовательских работ по творчеству Лермонтова. Имеет дипломы победителя Всероссийских конкурсов по русскому языку и литературе «Познание и творчество», «Интеллект-экспресс», «Мир олимпиад РФ», «Видеоурок», «Пегас», «АРТ-талант».

Участвовал во Всероссийском молодёжном математическом чемпионате, награждён дипломом регионального победителя III степени.

АРИПШЕВУ АБУБЕКИРУ МАЖИДОВИЧУ, МОЕМУ ПРАДЕДУ, ПОСВЯЩАЕТСЯ...

70 лет прошло с тех пор, как погасло пламя Отечественной войны, навязанной нашему народу германским фашизмом. Давно осыпались траншеи, изрезавшие живую плоть земли, зарубцевавались раны. На месте пепелищ и развалин выросли новые города и сёла. Но живёт и будет вечно жить в памяти людской образ солдата, отстоявшего планету от фашистской нечести.

...Горела земля, и пепел превращался в камень. И только нетленным осталось сердце советского человека. В огне сражения, в тяжелейших испытаниях он закалялся, становился ещё сильнее и никогда, ни на минуту не утрачивал священную веру в правоту нашего дела, нашу победу.

Одним из тех героев, которые в годы войны защищали свободу и независимость своей родины до последней капли крови, является мой прадед Абубекир Мажидович Арипшев.

За мужество и отвагу, проявленные в боях с фашистскими за-

хватчиками, старший лейтенант А. М. Арипшев награждён орденами: Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалью «За боевые заслуги».

Прадед Абубекир Арипшев родился в 1907 году в бедной крестьянской семье в селении Чегем. С сентября 1921 по май 1924 года Абубекир учился в Первочегемской начальной школе.

По ленинскому призыву в январе 1924 года вступил в комсомол и принимал активное участие в работе комсомольской организации села по вовлечению в Коммунистический союз молодёжи парней и девушек, по ликвидации неграмотности среди взрослого населения.

Вскоре энергичного, принципиального Абубекира избрали секретарём комсомольской организации села, затем – бригадиром полеводческой бригады, заместителем председателя колхоза.

Одновременно Абубекир повышал свои знания. В 1939 году он окончил Кабардино-Балкарскую высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу. После чего был назначен директором кишпекской МТС, затем поработал начальником узла связи Баксанского района. Организаторские способности Абубекира в полной мере раскрылись в тот период, когда он работал секретарём партийной организации колхоза «Красная Кабарда» в том же районе. На этой должности он проводил большую работу по мобилизации тружеников села на помощь фронту. Днём и ночью он находился среди масс, воодушевлял их в это тяжёлое для страны время словом и делом, рассказывал о героической борьбе наших воинов на фронтах войны.

Несколько раз подавал Абубекир заявление в военкомат с просьбой отправить его в действующую армию. Наконец в марте 1942 года просьбу удовлетворили. Но недолго пришлось ему находиться на фронте: получив ранение, пролежал в госпитале два месяца, вернулся домой долечиваться.

В начале 1943 года после освобождения нашей республики от захватчиков А. М. Арипшева направили в город Нальчик командиром истребительного батальона по ликвидации бандитизма на территории Кабардино-Балкарии. А с октября того же года он снова в действующей армии. В составе 465-го стрелкового полка 167-й стрелковой дивизии старший лейтенант коммунист А. М.

Арипшев прошёл славный боевой путь. Не раз показывал он пример личной храбрости, бесстрашно сражаясь с ненавистным врагом, ратными подвигами доказывал преданность Родине.

Чтобы узнать больше о своём прадеде, я прочитал много документальной хроники о войне, о погибших солдатах и героях. И нашёл очень интересный материал о своём прадеде.

Из воспоминаний В. Рязанова: «Все послевоенные годы, считай полвека, достаточно плотно занимаюсь Отечественной войной, знаю сотни дивизий всех родов войск, но пока не встретил второй такой, где было бы 108 Героев Советского Союза, как в 167-й стрелковой.

К концу войны 167-я имела два ордена Красного Знамени и два почётных наименования – Сумская и Киевская.

Первый бой. От него в огромной степени зависит вся боевая биография каждого воина, а воинского коллектива тем паче. Первый бой 167-я приняла утром 20 июля 1942-го в районе Большой и Малой Вереек Рамонского района.

Положение здесь сложилось очень напряжённое. Фашисты рвались к Воронежу, а 167-ю очень ждали, чтобы она встала у Дона и остановила их на этом направлении. Дивизия ещё была на марше, а ей уже отводилась особая роль. Дело в том, что формировалась она в Магнитогорске, который в те предвоенные и военные годы был городом-легендой. К тому же, костяк дивизии составляли люди из числа партийно-комсомольского актива. К этой категории общества можно относиться как угодно, но что они шли умирать первыми – знают все. И вряд ли можно усомниться в том, что 108 Героев в 167-й СД дело закономерное.

Но вернёмся на Дон к Большой Верейке, в 20 июля, которое было 394-м днём войны.

В дивизии, хоть её и называли с полным основанием Магнитогорской и Уральской, были люди со всей страны. Разными путями в неё попали и мои земляки из Кабардино-Балкарии. Кабардинец Абубекир Арипшев в 465-м стрелковом полку этой дивизии командовал взводом, храбро сражался на воронежской земле.

...Оборону 167-я заняла у Верейки ещё до подхода сюда фашистов 6 июля. Сама она её строила. Принимал работу командир

дивизии полковник (впоследствии генерал) Мельников. Позиции взвода Арипшева он отметил как лучшие: сделаны по-умному и добросовестно. Собрал ротных и взводных командиров.

– Почему позиции не отвечают всем требованиям?

– Солдаты неохотно копают по такой жаре, говорят, что и без глубоких окопов и всяких ходов сообщения фрицев остановим...

– А у тебя, лейтенант Арипшев, почему люди по-иному работают? Поделись...

– Я, товарищ полковник, с ними поговорил...

– О чём же?

– Рассказал, что главная наша задача – справиться с танками. Этому и должно быть подчинено всё в обороне. Растолковал, что такое танк Т-IV. Извините, но от вашего имени пообещал, что тот, кто подобьёт танк, будет вами в тот же день представлен к ордену. И прочитал постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 7 мая 1936 года о льготах орденосцам, я его ещё в Магнитогорске в библиотеке переписал...

Награды имели огромную роль, поскольку в соответствии с упомянутым постановлением давали широкие льготы; освобождение от подоходного налога в городах и сельхозналога в сёлах, сокращение на одну треть (!) трудового стажа при выходе на любой вид пенсии и т. д. Но, как известно, все эти льготы сразу после войны были отменены.

Выслушав Абубекира, комдив пожал ему руку и повернулся к остальным:

–Чтоб у всех было не хуже.

Бои за рамонские сёла были тяжёлые, но фашистов к Дону здесь не пустили, хоть и дорогой ценой.

А с Абубекиром произошёл случай, за который полковник Мельников поставил его перед офицерским строем и объявил, что лично оставит наградную реликвию.

Перед самым боем во взвод дали одно противотанковое ружьё. Всем «миром» решили вручить его Захарию Иванову, спокойному, рассудительному 40-летнему магнитогорцу. Позицию для него определил сам взводный, лично и оборудовать помогал.

С тревогой наблюдал Абубекир в бинокль, как немецкие танки выстраиваются в боевой порядок. Наконец двинулись.

Захлопали наши противотанкушки. Бронейщиками бить ещё рано. Абубекир даёт команду остальным вставить в гранаты запалы. И в этот момент с позиции бронейщиков раздаётся пронзительный крик на такой высокой ноте, какой от Иванова невозможно было и ожидать.

– Товарищ лейтенант, ружьё сломалось!!!

Абубекир бежит к ячейке петееровцев. Оказывается, что, загнав в канал ствола 63-граммовую бронейную пулю, Захарий, как положено, крепче стукнул по рукояти затвора, чтобы запереть её там наглухо, а она, слегка хрустнув, полетела на дно окопа. ТПР сразу превратилось в бесполезную «длинную железную палку».

– Бежим к своим, – кричит Иванов, Абубекир чуть не поддался этому порыву, но вспомнил наставление отца: *«Того, кто не думает, и на верблюде собака укусит...»*. И стал рассуждать: патрон уже в канале ствола, заперт, значит, один выстрел сделать можно. Но только один. Значит - наверняка. Иванов в таком потрясении, что толку от него не жди, поэтому самому надо.

Он бережно взял небрежно прислонённое к стенке окопа ружьё (собственно, брошенное), вытер pilotкой там, где к нему налипли комочки земли и выставив ствол за бруствер, стал терпеливо ждать, когда Т-IV подползёт к намеченному вчера им вместе с Захарием ориентиру, где непременно должен подставить бок с отличной «мишенью» – чёрным крестом на белом поле. Именно так и было. Танк был уничтожен.

Атака фашистов была отбита с большими потерями для врага. Тогда никому в голову не приходила мысль о различии людей по национальности. Участники войны все вместе боролись за каждую пядь земли. И сильные духом и дружбой, объединённые одной целью – победили. И гордятся этим!»

...Шёл октябрь 1944 года. Полк, в составе которого сражалась стрелковая рота, которой командовал А. Арипшев, вёл ожесточённый бой на территории Чехословакии. Поступил приказ: 9 октября начать операцию по освобождению населённого пункта Велька Поляна. Когда подразделения пошли в атаку, ураганным

огнём враг прижал к земле наступающие цепи советских бойцов. В этой сложной обстановке исключительное мужество и смекалку проявил командир роты А. Арипшев. Обходным путём он вывел своих бойцов во фланги противнику, и после непродолжительной схватки фашисты были выбиты с занимаемых позиций. Не давая врагу опомниться и собраться с силами, в атаку пошли остальные подразделения, ворвались в населённый пункт и к полудню освободили его. В этом бою только войны старшего лейтенанта Арипшева уничтожили более 50 немецких солдат и офицеров.

Неся большие потери, враг откатывался дальше на запад. Бойцы освободительной армии преследовали противника и громили его всюду. Каждый клочок земли отвоёвывался у яростно сопротивляющегося врага дорогой ценой – жизнью и кровью солдат. Но ничто уже не в силах было остановить наступление Красной Армии – слишком велико было желание каждого воина поскорее добить врага в его собственном логове.

...5 ноября 1944 года командир роты А. Арипшев в числе других был вызван к командиру полка: *«Завтра, 6 ноября, населённый пункт Сейково должен быть очищен от фашистов: «Готовьтесь к наступлению»»*.

Вернувшись в роту Абубекир собрал солдат, поставил перед ними боевую задачу. Он рассказал им, что, по данным разведгруппы, фашисты хорошо укрепились в деревне, и выбить их оттуда будет непросто, но необходимо. *«Отметим годовщину Октября взятием населённого пункта, товарищи!»* – сказал он в заключение.

Наступление началось на рассвете 6 ноября. Повёл в атаку свою роту А. Арипшев. Противник открыл интенсивный огонь. Но солдаты роты Арипшева, следуя примеру своего командира, продолжали наступать. Стрелявший из укрепённой огневой точки вражеский пулемёт прижал к земле бойцов третьего взвода, не давая поднять головы. Создалась угроза срыва атаки. И в этот момент здесь появился командир. Взяв с собой двух бойцов, он приблизился к изрыгавшему смертельный огонь дзоту и гранатами уничтожил его – путь взводу был свободен. *«Вперёд, в атаку!»* – крикнул он, поднявшись во весь рост. И в этот миг вражеская пуля сразила бесстрашного командира...

В письме, адресованном моей прабабушке Салиме, командир 465-го стрелкового полка А. И. Таратухин писал: *«Ваш муж беспощадно мстил врагам за поруганную честь советских людей... Хороший он был командир, храбрый человек и в борьбе с захватчиками погиб смертью героя...»*.

Арипшев Абубекир Мажидович погиб 6 ноября 1944 года. Похоронен в Малоберезенском районе Ужгородской области Украины.

Меня назвали Абубекиром в честь моего прадеда. Я очень горжусь этим и с достоинством буду носить его имя!

Смирнова Мирослава Дмитриевна родилась в 2001 году в городе Вельске Архангельской области. В 2003 году с мамой переехала жить в город Архангельск.

Учится в МБОУ СШ № 95 г. Архангельска в 8-м классе.

В свободное время любит читать и рисовать. Любит животных.

Искренне благодарна Яблоковой Валентине Николаевне, своему учителю русского языка и литературы, и маме –

Смирновой Ольге Хасановне за помощь в написании работы.

ТРИ МЕСЯЦА ВОЙНЫ

Каждое лето я отдыхаю у бабушки и дедушки в деревне на юге Архангельской области в посёлке Усть-Шоноша. С нетерпением я жду этих летних каникул. Дедушка у меня родом с Северного Кавказа, а точнее, из Республики Северная Осетия, села Майрамадаг, которое расположено в 16 километрах от города Владикавказа. Моего дедушку зовут Шанаев Хасан Циполович. Как – то вечером я вместе с ним смотрела фильм по телевизору, а когда он закончился, начались вечерние новости, в которых рассказывали о событиях на Украине, где гибнут невинные люди, в том числе и дети. Я заметила, как у дедушки на глазах стали наворачиваться слёзы. Он сказал, что даже фашисты на оккупированной ими территории так не поступали во время войны. Дедушка стал рассказывать мне о событиях, которые происходили в его селе в те далекие годы:

«Мира, что такое война, я узнал в 1943 году, когда мне было 9 лет. Жил я с мамой, папой и, кроме меня, в нашей семье было ещё четыре брата. Я был самым младшим. Военные действия в моём селе начались осенью и длились три месяца. Были проблемы с продуктами питания, самыми дефицитными товарами были мыло, керосин, соль. У родителей было большое хозяйство: коровы, овцы, утки, гуси, индюки. В первый день войны в селе наши воен-

ные забрали у нас корову, потом пришли ещё за двумя коровами, но отец не хотел отдавать всех, тогда солдат наставил на него пистолет и спросил его: «Ты что, бережёшь для немцев?» Отец ответил: «Нет, детей нечем кормить». Но коров всё-таки пришлось отдать. И чтобы как-то прокормить семью, отец зарезал всех овец.

Чтобы укрыться от бомбёжек, жители села делали блиндажи и шалаши в лесу. Отец и пятеро братьев уходили в лес, а мама оставалась дома, и я прибегал к ней поесть и убегал обратно в лес. Однажды во время бомбёжки, когда мы сидели в блиндаже, упала бомба, нас всех взрывной волной отбросило в сторону, а лист железа, который закрывал вход, унесло на большое расстояние. Было очень страшно.

Самих немцев в селе не было, они расположились в 12 километрах от села, но на стороне фашистов воевали румыны, и они цепью проходили через село. И в один день, во время обеда, когда вся наша семья сидела за столом, в дом зашли двое солдат. Тогда я и все сидящие за столом встали, а мама предложила солдатам пообедать. На столе была варёная очищенная картошка, варёная кукуруза, острый перец. Я стоял, прижавшись спиной к матери, а один из солдат, держа в левой руке автомат, правой рукой погладил меня по голове, от страха я даже присел.

За время военных действий в селе наши войска то наступали, то отступали. В один из дней отступления моя мама напекла пирогов и угощала наших солдат прямо на улице. Один из них остановился, стал есть пирог и запивать его молоком, и здесь же у калитки дома его убило. Хоронили наших солдат где придётся, даже не закапывали, а просто зарывали листьями, а потом местные жители собрали всех погибших и сделали братскую могилу.

В одно время у нас в доме жили 18 наших моряков, а ночью зашли ещё двое солдат, попросили молока. Мама налила им в дорожку трёхлитровую банку молока. Банки были на вес золота, она очень просила, чтобы они её вернули. Неделю банку никто не возвращал. Вдруг ночью раздались залпы катюш, наши войска пошли в наступление, а утром, выйдя во двор, мама увидела большую, цветную, как пластилин, глыбу мыла, её радости не было предела. Это наши солдаты вернули вместо банки мыло.

Немцы стали отступать, бросили много техники, в 5–6 ки-

лометрах от села было поле, размером со стадион, на котором были брошены легковые машины прямо с ключами, пушки, танки, походные автобусы, в которых были полки с чистым бельём. Те люди, что пошустрее в селе, быстро всё растащили. На пушках потом играли дети. Остались и неразорвавшиеся снаряды, жители не знали, как с ними поступить, и вели себя с ними неосторожно, поэтому погибали. Двое местных ребятшек, с которыми я был знаком, скакали на бомбе, как на коне, и хлестали её вицей, бомба взорвалась, дети погибли.

Школу в селе сожгли наши войска, чтобы немцы не сделали штаб. Когда русские пошли в наступление, командир подарил мне горн и огромную карту размером 3 на 4 метра, которые потом я отдал в школу. Военные действия прекратились, ребята в школу ходили, как оборванцы, одежды не было, брюки были непонятно из какой ткани, заплатка на заплате, но никто друг над другом не смеялся. И уроки были в обычном помещении, писали на простых бланках и сшивали их вместе. Папа у меня работал в конторе и приносил бланки для занятий. Жили бедно, бывало, сидишь на уроке, а сам думаешь, куда сегодня пойти за дровами. И все же мы были счастливы, потому что наконец-то война закончилась, можно было возвращаться к мирной жизни.»

Сейчас в селе Майрамадаг есть Аллея Славы и музей Боевой славы, деревья на той аллее, садил и мой дедушка. Когда он рассказывал о событиях тех дней, то еле сдерживался, чтобы не расплакаться.

Прошлым летом моему дедушке исполнилось 80 лет. Когда мы собираемся всей семьёй, он часто рассказывает о том, как жил на Кавказе, и о войне. Очень интересно слушать его воспоминания о том времени. Хочу пожелать моему замечательному деду кавказского долголетия, здоровья. А всем взрослым и детям, чтобы они никогда не узнали что такое война.

Поправка Кристина Анатольевна родилась 2 марта 1999 года в городе Светлограде Петровского района Ставропольского края. Проживает в селе Апанасенковском Апанасенковского района Ставропольского края.

С 2003 по 2005 год посещала МДОУ «Колокольчик № 10» села Апанасенковское. В 2005 году пошла в первый класс МОУ СОШ № 13, в 2011 году школа была переименована в МКОУ СОШ № 13 села Апанасенковское, где и обучается по настоящее время в 11-м классе.

Помощь в написании рассказа ей оказала учитель русского языка и литературы – Склярова Инесса Владимировна.

ЖИЛ В СЕЛЕНИИ МАЛЬЧИК

В те далекие тяжёлые времена жил в небольшом селе Митрофановском, впоследствии переименованном в Апанасенковское, мальчик и звали его Иваном. У Ивана была старшая сестра Шура. С самого детства они очень дружили, доверяя друг другу самые сокровенные мечты и желания. Однажды Ванюшок позвал Шуру в свою комнату, чтобы посекретничать с ней. Взяв с неё честное слово, что об их разговоре пока никто не узнает, в том числе и мама. Шура улыбнулась, но слово дала. Он поведал ей о том, что с этого дня начинает готовиться к службе на море, а было ему тогда всего восемь лет. Шурочка потрепала его по вихрастому загривку и сказала:

– Хочешь стать моряком – займись спортом, ещё лучше учись, вырабатывай чувство выносливости, смелости, отваги.

И с того самого дня Ивана словно подменили: из бесшабашного мальчонки он вдруг превратился в ответственного Человека.

Он окончил 7 классов, учился с упорством, помогал родителям по хозяйству, а в душе всегда мечтал только о море. Шура сдержала данное ею слово: никому не рассказала о мечте брата до тех пор, пока он сам не сообщил об этом родителям. Его отгова-

ривали, но он все равно настоял на своём, поступил в Ростовское мореходное училище по специальности «механик». В 1939 году он его с отличием окончил и был направлен на службу на Северный флот. Служил старшим механиком на корабле «Двина», порт прописки – Игарка. В отпуск приходил один раз, в 1940 году, и тогда почти всё село приходило посмотреть на моряка в красивой форме.

Война застала его там же, на севере, но потом их корабль перевели в Мурманск – ближе к фронту. Они в то время сопровождали иностранные корабли, которые шли с грузами для Советского Союза.

1 января 1942 года корабль «Двина» отправился в Сиэтл. Из гавани Владивостока пароход следовал за ледоколом среди оборонительных минных заграждений, установленных ещё в июле 1941 года. Створные знаки и маяки в районе советских дальневосточных портов и портпунктов работали в режиме военного времени, т.е. часть створов была снята, а маяки включались только для обеспечения проводки каравана судов или прибывшего одиночного транспорта. Там, где навигационная ситуация была достаточно сложной, были развернуты лоцманские пункты.

Пароход «Двина» оказался на траверзе о. Ребун. Маяки в районе перехода горели по условиям мирного времени. Для воевавшей на Филиппинах, в Малайзии и Британской и Голландской Ост-Индии императорской Японии такой подход к защите коммуникаций представлялся по меньшей мере странным. Впрочем, в январе 1942 года японцам и в самом деле бояться было некого – американские линкоры лежали на илистом дне военно-морской базы Пёрл-Харбор, авианосцы большей частью занимались переброской авиации на базы в южной части Тихого океана, запас торпед Азиатского флота был уничтожен при оставлении Манилы и Кавите на о. Лусон (Филиппинские острова), а подводные лодки, действовавшие из Пёрл-Харбора, могли находиться у берегов Японских островов ограниченное время и пока не решались на форсирование Корейского и Сангарского проливов. Всё это будет позже. А пока...

Без препятствий и помех «Двина» пересекла Охотское море, двигаясь в общем направлении на северо-восток, вышла к остро-

вам Маканруши, прошла вдоль островов и скал Курильских островов, и 11 января у входа в глубоководный Четвёртый Курильский пролив пароход встречен японским эскадренным миноносцем. С военного корабля по радио запросили позывные, порт приписки и порт назначения. Получив ответ, что судно следует под погрузку в Петропавловск-Камчатский, эсминец повернул обратно. Досмотровую партию японцы на борт не высаживали и пароход не досматривали. Судя по послевоенным японским данным, это был охотоморский старожил и участник «рыбопромысловых войн» конца 30-х годов – японский эскадренный миноносец «Хокадзе».

Это был один из последних случаев следования советских транспортных судов Четвертым Курильским проливом. Начиная с лета 1942 года, Япония запретила проход через этот глубоководный пролив, и советские транспортные суда проходили в Тихий океан Первым Курильским проливом, где гидрометеорологическая и навигационная обстановка была менее благоприятна для мореплавания. Связано это было со строительством аэродрома Сурибачи с бетонной взлётно-посадочной полосой и батальонного опорного пункта на южной оконечности о. Парамушир в частности и с ростом военной активности японских вооружённых сил в северотихоокеанском регионе в целом.

В сочетании с запретом советским судам проходить проливом Цугару (Сангарским) – это значительно осложняло свободу мореплавания и затрудняло связь с Камчаткой и Чукоткой в холодное время года и привело к кризисной ситуации в январе – феврале 1943 года, когда советские транспортные суда, оказавшиеся без ледокольного обеспечения, не смогли форсировать забитый тяжёлыми льдами пролив Лаперуза.

Тихий океан встретил легким морозом и слабым ветром. Выйдя в открытый океан, пароход «Двина» проследовал к северу – капитан Юрченко начал обходить район военной активности японского императорского флота. Пароход следовал рекомендованным для советских транспортных судов «коридором». Судя по гидрометеорологической обстановке – рост температуры до положительной, выпадение жидких осадков пароход ДГМП «Двина» следовал к югу от Алеутских островов.

28 января 1942 года «Двину» встретил в открытом море американский эсминец. Тот же запрос, обмен позывными и пожелание счастливого плавания.

Следует также отметить, что в это время флотилия японских крейсерских подводных лодок разворачивалась завесой в водах у западного побережья США от Сиэтла до Сан-Диего. Часть из них несла на борту гидросамолеты. Эти подводные гидроавианосцы как раз и представляли главную опасность для одиночного, не вооруженного советского транспортного судна в условиях, когда опознание национальной принадлежности было затруднено.

К маю 1942 года не менее 80 советских транспортных судов Дальневосточного государственного морского пароходства стояли на ремонте или уже завершали капитальный ремонт на верфях западного побережья США и Канады. Одновременно во второй половине 1942 года перегонные экипажи во главе с капитанами-дальневосточниками капитанами Балтийского и Мурманского морских пароходств, начали поднимать советские флаги на крупнотоннажных американских транспортных судах и танкерах «первой волны ленд-лиза». В результате работы советской приёмно-закупочной комиссии и ввода в строй на верфях США и Канады численность транспортных судов ДГМП удалось довести до 180 единиц. К сожалению, не удалась попытка прорыва танкеров и ледокола из Чёрного моря через Дарданеллы в Средиземное море. Из большой группы судов на Дальний Восток прорвались считанные единицы, в том числе ледокол «Микоян», направленный для работы в восточном секторе Арктики...

Близился день летнего солнцестояния, особенно ощутимого в этих местах, на берегу Ледовитого океана. Моряки очень любили это время года, когда неяркое здешнее солнце, не поднимаясь высоко, все время ходит по небосклону, опускаясь в ночные часы к горизонту. Продолжая светить, оно отбрасывает от валунов и карликовых берез длинные загадочные тени...

Особенно тихо, светло в такие дни на полуострове Среднем...

Тишина и солнце! Они как будто говорят: живите, любуйтесь миром, бодрствуйте, не спите... отоспитесь, когда наступит темнота Полярной ночи... Здесь, в безлюдной тундре, они живут и служат на морской батарее. Это самая северо-западная часть

нашей страны. Морская граница с Финляндией и Норвегией. В ясную погоду берега этих стран хорошо видны.

Вторая Мировая война подкатывалась все ближе и ближе. Она подбиралась и на далекий Север. Как-то очень ранним утром все вскочили по боевой тревоге, а по Варангер-фиорду приближался из мглы к водам крейсер неизвестной принадлежности. Не доходя до трехмильной зоны он свернул с траверса батареи и ушёл в океан. В эти тревожные месяцы из залива Петсамо (Печенги) стал часто показываться светло-серый тральщик. Он бесцеремонно заходил в наши воды и ставил мины средь бела дня.

А когда матросы по тревоге бежали на пушки от казармы, мотках в восьмистах, у самого уреза воды... на тральщике хорошо видели бегущих в черных бушлатах и... нарушитель успевал улизнуть в нейтральные воды! Всем надоедала игра в «кошки–мышки», но приходилось все это пока терпеть. Часто над нами, сначала на большой высоте, а в июне – уже и на малой – стали пролетать Юнкерсы 87 и 88 с ярко-рыжими угловатыми крыльями и чёрно-белыми мрачными крестами на них. Тогда все впервые увидели на стабилизаторах знакомые по фотографиям фашистские знаки свастики, обращенные на восток, на нас...

Было приказано – не стрелять, не давать себя спровоцировать.

Всем привезли аккуратные, изданные большим тиражом на хорошей бумаге: книжечки – русско-немецкие разговорники с рисунками устаревших немецких танков Т-III и Т-IV. Прислали плакатики с силуэтами германских самолетов и кораблей флота. Здесь же были силуэты и наших, тогда новейших самолетов Пе-2 и МиГ. Доставили новые противогазы, гранаты РГД, каски новой формы, маскхалаты, самозарядные винтовки Симонова, пулеметы, патроны, много снарядов для наших почтенных стотридцаток ещё царского завода «имени Петра Великого». Завезли много продуктов.

Числа 15 прибыл молодой и красивый, в полувоенной форме, лектор из Главного политуправления Красной Армии. Было в нём что-то московское, столичное... Моряки, оторванные от всего мира в этой безлюдной тундре, жадно изучали каждого свежего человека с «большой земли»... Он интересно и умно читал лекции о текущем политическом моменте...

Настроение было приподнятое... Моряки – молодые краснофлотцы, у большинства из них на любимой морской форме, которую надели перед финской войной – оборонные значки: «ГТО», «ПВХО», «ГСО», «Ворошиловский стрелок», парашютные, осводовские значки, у некоторых знак «Отличник ВМФ».

Да и все они – отлично тренированные, каждый по своей воинской профессии. Ведь быть настоящим, знающим свое дело дальномерщиком, комендором, сигнальщиком, радистом, коком, зенитным пулемётчиком – этого требовало от них время сороковых годов.

Ну, должны они всыпать этим наглеющим фашистам за всё! За поруганную Испанию, затоптанную Европу... Были готовы воевать малой кровью, быстро и на «его» территории. «Как пройти в этот фольварк?» – было напечатано в том разговорнике. Матросы повторяли сталинские слова: «Чужой земли мы не хотим, но и своей земли не отдадим никому!» Если тогда кто-нибудь мог бы подумать, что ждут страну великие испытания, беды, лишения, потеря 20 миллионов людей и оккупация жизненного куса европейской части государства – они бы разорвали такого «прорицателя» на куски, как «врага народа!»

Думал ли кто-нибудь, что к Великой Победе весь народ будет ещё идти долгие и трудные годы?

Никто не знал, что впереди будет много боёв, много побед... Батарея станет Краснознамённой, утопив многие суда противника. Многие батарейцы не доживут до светлого Дня Победы. Рядом с огневой позицией расположится братское матросское кладбище. Живые встретят победу на том же самом месте, где встретили войну, не отступят ни шагу от государственной границы именно здесь, на Крайнем Севере. Живые унесут память о боях и о своих молодых вечной молодостью товарищах, до конца выполнивших свой долг!

В 1942 году, когда в Великой Отечественной войне наступило самое тяжелое время: немцы рвались к Москве, на юг, Иван вместе со своими друзьями – моряками написал рапорт о переводе его на сушу.

Мало жил на свете боец Иван Дядьков, не видел жизни. Он

не создал семьи, не вырастил детей, не дождался внуков... Но он сделал главное – отдал свою молодую жизнь для Победы, для того, чтобы жили мы. А наш долг – помнить всех поименно, кто ценой жизни приближал великую Победу.

Бакаева Александра Руслановна родилась 18 августа 1999 года в посёлке Урдома Ленского района Архангельской области. В 7 лет пошла в первый класс Урдомской средней школы. В настоящее время учится в 9-м классе МБОУ «Урдомская СОШ». Увлекается танцами с восьми лет, любит смотреть сериалы, слушать рок-музыку, вязать. Занимается в военно-патриотическом клубе и туризмом. Стихи пишет с шестого класса.

НА МИГ ПРЕДСТАВЬ СЕБЕ: ТЫ – СРЕДИ НИХ

На миг представь себе: ты – среди них,
Средь тех, кто, стиснув зубы, рыл окопы,
Кто слышал, что свист пуль ещё не стих,
А руки – в кровь, и шли военных роты.
А в их рядах шли милые такие:
Отцы, родные, братья, сыновья –
И прикрывали грудью всю Россию,
Отечество обороняя от врага.
И шли они тогда навстречу смерти,
Оставив страх, пусть замирает кровь.
А дома ждут ну хоть какой– то вести,
И нет оружия сильнее, чем любовь!
Любовь жены, что ждёт и, может быть, дождётся,
Любовь детей, уж плохо помнящих отца,
И материнская любовь слезой прольётся –
Родные верят в своего защитника– бойца!
Уж много лет минуло после той войны кровавой,
Но о цене Победы никогда не забывай!
И возле обелиска в праздник величавый
Дань памяти погибшим отдавай!

Демьяненко Евгений Анатольевич родился 21 февраля 2004 года в посёлке Елань Волгоградской области. Воспитывался вместе с младшим братом Василием у своей бабушки Рудь Татьяны Григорьевны и дедушки Рудь Василия Мефодьевича.

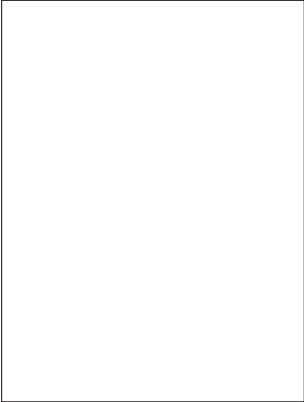
Учится в 5-м классе МБОУ «Еланская СОШ № 1» на «4» и «5». Его любимые предметы – литература, рисование и музыка.

Пишет стихи с раннего детства, печатается в литературном журнале «Альманах». Посещает музыкальную и воскресную школу.

ЗВЕЗДА «ПОБЕДА»

На небе есть звезда «Победа».
 И это имя в память деда
 Учёный, астроном, ей дал;
 Дед давно без вести пропал
 На той войне под Бухарестом.
 Но нет могилы, нет и места,
 Чтобы приехать, поклониться
 И увезти хоть горсть землицы
 Домой, на Родину к себе,
 Чтобы лежать в родной земле,
 Захоронить его б останки
 В глухом далёком полустанке.
 Где до войны мой деда жил
 На Родине, что так любил.
 Но неизвестно где убит,
 В какой могиле он лежит.
 Осталось фронтовое фото,
 Где он сидит и рядом кто-то.
 И смотрит добрым, чистым взглядом

Нам говорящий: «Я живой!
Ждите меня скоро домой».
Победа близко, враг разбит!
А вскоре деда был убит.
Уверен – в плен бы он не сдался.
Видно он в той земле остался
Навек лежать в братской могиле.
Но мы всё ждём, ждём и поныне,
Что, может быть, всё же найдут
И скажут: «Захоронен тут
Кузнец – наш рядовой солдат
Иван Иванович из «Март!»»
Из части триста сорок пять.
Здесь он остался вечно спать.
70 лет прошло..., а в эту осень
Ему исполнилось 108.
И в память деда, что пропал,
«Победа!» внук звезду назвал.
В далёком небе и навечно
Он деда так увековечил
От благодарных всех потомков.
Он не в безвестность канул. Громко
Мы всему миру заявляем:
Мы каждого солдата знаем
Их, безымянно где-то спящих,
Солдат советских, настоящих,
Мы вечно помним, не забудем,
Кто подарил нам мирность будней,
Свободу и такой народ,
В ком доблесть, совесть, честь живёт.
Мы будем всем, всем заявлять:
« На страже мы! И защищать
Умеем землю наших дедов,
Ведь нас ведёт звезда « Победа»».

Молодцова Маргарита Хосрововна родилась в 2000 году в городе Тырнаузе Кабардино-Балкарской Республики. Учится в 10-м (гуманитарном) классе в школе «Гимназия № 5». После окончания школы планирует поступить в СПбГУ на факультет журналистики.

ДЕТИ ВОЙНЫ

«В моей памяти до сих пор свежо воспоминание о школе на моем родном хуторе», – говорила в своем интервью Молодцова Варвара Яковлевна.

Во время оккупации с августа 1942 года по сентябрь 1943 года школа не работала. Немцы, спасаясь бегством, сожгли её и, чтобы восстановить уничтоженное здание потребовался год. Занятия в школе возобновились 1 сентября 1944 года. В школу пришли не только дети 7–8 лет, но и переростки.

Школьники были очень плохо одеты. Этого не было сильно заметно в теплое время года, но зимой, в холода, мальчиков и девочек нельзя было отличить. Все были закутаны в шерстяные платки бабушек и мам, а на ногах были валенки очень больших размеров, которые подвязывались веревками.

«Я помню свой первый букварь, – вспоминала Варвара Яковлевна. – На 30 человек было всего 2–3 букваря, и учителя разделяли нас на группы по 10–15 человек, мы учили буквы все вместе».

Учителя очень старались сделать для детей все возможное и невозможное, несмотря на то, что у них была очень маленькая зарплата.

«Однажды к нам в школу пришла учительница по русскому языку. Это была высокая, стройная женщина, с чёрными большими глазами, – говорила Варвара Яковлевна. – Эти глаза помнили

все дети. Я до сих пор помню её, спустя столько лет. Несмотря на всю свою строгость и холодность, она легко находила общий язык с детьми».

На одном из уроков учительница рассказала детям историю о молодой девушке, которая ценой собственной жизни спасла бойцов. Девушку звали Валерия Гнаровская. У неё были красивые черты лица, чёрные, как смоль, волосы. В начале войны она окончила курсы медицинских сестер и отправилась на фронт. Валерия воевала под Сталинградом, на её счету было множество спасённых солдат и офицеров. Осенью 1943 года батальон, в котором служила Гнаровская, освободил деревню Вербовое и направился к Днепру. Было подозрительно тихо вокруг. Все были начеку. И вдруг раздалась пулемётная очередь. Батальон попал во вражескую засаду.

Бой был короткий. Немцы бежали, но у нас было много потерь. После того как похоронили всех убитых, были разбиты палатки для раненых солдат. С ними осталась Валерия.

Утром, когда все ещё спали, Гнаровская услышала грохот и выбежала из своей палатки. Два танка, два отбившихся «тигра», двигались прямо на палатки с ранеными бойцами. Валерия собрала у всех солдат сумки с гранатами и, увешанная ими, бросилась под гусеницы. Раздался мощный, оглушительный взрыв – танки, окутанные чёрным дымом, остановились.

«Мы были детьми войны, и все мы знали о подвигах солдат, мы восхищались силой и мужеством этой молодой девушки», – закончила свой рассказ Молодцова Варвара Яковлевна.

Усанин Никита родился в городе Красновишерске Пермского края. Ученик 4-го класса. Любимое занятие – рисование. Вместе с одноклассниками часто посещает детскую библиотеку, участвует во всех библиотечных конкурсах. С этим стихотворением участвовал в районном конкурсе «Виват, Победа!».

УШЛИ НА ФРОНТ...

Ушли на фронт, не стало их,
Моих любимых и родных,
Под грохот пушек и гранат
Кричит – «Вперед!» нам наш комбат.
Грустили матери вдали,
Смотря на фотографию в альбоме,
Не зная, вернется ли домой
Ее сыночек с поля боя.
Вот встали юные солдаты
И взяли в руки автоматы,
Настал момент их общей славы
Ребята – русские солдаты
Отвоевали землю нашу!
И прилетели птицы вновь,
Запели жаворонки в небе,
Спокойно спали эту ночь.
Комбат наш жив,
К семье вернулся.
Звезда Героя на груди.

Раевский Сергей родился в 2004 году. Живёт в городе Тобольске Тюменской области. Очень любит писать картины и сочинять стихи! А ещё он занимается баскетболом. Написал стихотворение о своём дедушке, которого никогда не видел, так как тот умер рано....Родители говорят, что он был героем!

«ВОТ И КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА...»

Вот и кончилась война,
И домой вернулся я,
И вернулся я домой,
Что увидел, Боже мой!

Нету дома, нету крыши,
Нет детей и нет жены,
Под камнями скребут мыши,
Все деревья сожжены.

Все проклятые фашисты,
Дом и счастье отняли,
Ну а я то был танкистом,
А в награду получи...

И не зная, что мне делать,
Я побрел куда- то вдаль,
Были дом, семья и дети,
А осталась лишь медаль...

Оригинальный сюжет

Имангулова Адель Ильдаровна
ученица 8-го класса МБОУ СОШ № 78
горда Уфы. Призёр многочисленных лите-
ратурных конкурсов и олимпиад школь-
ников. Занимается в кружке юных жур-
налистов

О ЧЁМ МОЛЧАТ СОБАКИ

*Четырёхлапым защитникам Отечества, вставшим на защиту
Родины в 1941, посвящается*

*Собак не поминают поимённо,
Им не дают наград и орденов,
Но все же должен помнить мир спасённый
О подвиге собак со всех дворов!*

1 глава

Потеря хозяина

Это были годы Великой Отечественной войны. У семьи, жившей в те времена, появилась собака по имени Фронт. Ее принес отец семейства с фронта, когда был ранен. Я до сих пор поражаюсь преданности этого пса. Но давайте всё по порядку...

В период войны жить было очень сложно. Семья собирала вещи в чемоданы для того, чтобы уехать от ужасов войны подальше. К тому времени Фронт уже подросток, но всё равно оставался игривым щенком. Сейчас было не до шуток. Фронт понимал это и смиренно лежал на коврике в прихожей, наблюдая за суетой. Вдруг перед носом собаки поставили клетку и подтолкнули его туда. Ему не раз приходилось в ней путешествовать. Но сейчас собаку ждал длинный путь.

Клетку подняли и понесли с большой скоростью. Фронта за-

трясло. Перед ним мелькала решётка клетки, а за ней всё так же сутились люди. Как долго продолжалось это мелькание, Фронт не знает. Вдруг послышался паровозный гудок. Собаку всё сильнее трясло, Фронт заскулил. Раздался знакомый голос, который обращался к псу:

– Не скули, скоро придём...

Вот Фронт видит последний луч солнца и суету улицы, он погружается во мрак вагона.

Клетка распахнулась. К Фронту потянулась рука, которая ощупала ошейник. После этого клетка вновь закрылась и стукнулась обо что-то твердое. Пес заскулил скорее от обиды, чем от боли. Но ему никто не ответил.

– Странно... – подумал Фронт, – обычно мне всегда отвечают. Вскоре Фронт сладко заснул.

Когда он проснулся, вагон не двигался, рядом лежали чемоданы. Из окна поезда светила морозная заря. Собака попыталась встать, но не смогла, было тесно. Вдруг дверь вагона отворилась и Фронта осветило призрачным светом. Зашли двое мужчин. Они оглядели вагон и увидели клетку Фронта. Мужчина с усами заговорил:

– Вот и ты остался без хозяина.

– Сам видел, что там творилось, – сказал второй мужчина, – не разберешь, кто погиб, кто жив остался.

Потом они взяли клетку и вынесли ее на улицу.

– Наконец-то свежий воздух, – думал Фронт. Как долго он находился в сумерках вагона, что от дневного света зажмурился.

Замок клетки скрипнул, Фронт оказался на свободе. Вторым мужчиной хотел посмотреть на ошейник, но не успел, собака со всей силой вырвалась...

Уставший, озябший Фронт все бежал и бежал, пока не стало темнеть. Ударил сильный вечерний мороз. Голодный Фронт зашел в подъезд маленького домика. Лёг возле небольшой батареи и начал греться. Батарея была недостаточно тёплая для того, чтобы отогреть собаку. Но Фронт этого не замечал, он думал о прошедшем дне и до сих пор не мог поверить, что потерялся. Вдруг ему стало теплее, он услышал, как знакомый голос звал к себе.

2 глава Новый дом

Сон Фронта потревожили тяжёлые шаги, которые доносились с лестницы. Вскоре показалась низкая, но толстая фигура. Фронт привстал. Но фигура не заметила собаку и почти прошла мимо. Собака заскулила. Незнакомый человек обернулся (невооружённым глазом было понятно, что это генерал) и обратился к собаке:

– А это кто, не встречал я тебя здесь?!

Фронт приподнял уши. Потом генерал подошёл к псу, погладил его и ощупал ошейник. Еле-еле разобрал надпись на нём, потому что часть её была затёрта и исчиркана. Генерал произнёс про себя:

– ФРОНТ, красиво звучит! Знаешь что?! Пойдем со мной, давно мне нужна была такая, как ты, собака. Фронт встрепенулся и пошёл за ним. Они зашли в маленькую, но уютную квартирку, в которой была одна комната. Пройдя вместе с новым хозяином, Фронт сел на коврик возле кресла. Сам генерал, Пётр Михайлович, сел в кресло и закурил. Протяжно вздохнув, он заговорил с собакой:

– И откуда ты и кому другом был? Даже адрес на ошейнике не видно. Да, дела...

Фронт любопытно поднял голову и замотал ею. Талая вода на шерсти собаки обрызгала все вокруг.

– Эй, эй, потише! Ты, наверное, замёрз и есть хочешь? У меня у самого мало что есть, но для тебя найду, – встав с кресла, Пётр Михайлович положил перед носом Фронта косточку.

– Ешь, ешь. Завтра за город поедем к моей семье. Там жена Людмила, дети: дочка пяти лет и сын пятнадцати. А также двое котов, разумеется, есть собаки, я думаю, вы подружитесь.

В это время Фронт уже доел и, заинтересовано приподняв уши, слушал нового хозяина. Фронт привык к деревенской жизни, ему это было не в новинку. В доме, откуда он недавно уехал, была большая теплая печка, кот в доме не было и ее ни с кем не надо было делить. Ну, а тут и кошки и собаки, хотя, наверное, собаки жили на улице в конуре. Когда пёс закончил обдумывать услышанное, генерал закурил во второй раз, и из-за этого в комнате стало нечем дышать. Фронт встал и прошёлся по квартире. На кухне

было большое окно, а возле него стул. Фронт забрался на стульчик и начал смотреть. В окне мелькали люди, шумели машины, резвились дети – было утро. Фронту казалось все это странным, Фронт привык к мычанию, лаю соседних животных, к гулу птиц, а не к шумному городу. До уха Фронта дотронулась холодная рука, и послышался голос:

– Вижу, скучаешь по дому... Знаешь, идём прогуляемся до рынка, отоварим карточки.

Когда Фронт вышел на улицу, буря эмоций сразила его. Тут и машины, и люди, и собаки, и голуби...

На рынке было много людей, но мало продуктов... Война всё-таки... Фронт прислушивался к каждому звуку. Много людей ходило вокруг, всюду мелькали ноги. Слышались то приятные и сладкие голоса продавцов, то унылые и злые голоса прохожих. Вон там бородатый мужчина курил сигару и листал газету, ища утешительные новости; возле лавки с хлебом женщина тревожно искала что-то в сумке, продавец же хлеба смотрел на неё равнодушно. Вдруг Фронт почуял очень сильный и приятный запах и уже хотел пойти на него, как вспомнил про поводок.

Потихоньку кошёлка у генерала стала пополняться... вот уже перестают мелькать ноги и сумки, которыми уже несколько человек ударили по морде собаке.

Ночь Фронта была беспокойна – то автомобильные гудки, то свет фар прямо в глаза. Утром собаке пришлось встать очень рано. В то время солнце только слегка осветило горизонт. Перекусив, Фронта посадили в машину, и через пять минут она тронулась. Высунув язык из открытого окна, Фронт провёл чуть ли не всю поездку. Вот оно – собачье счастье!

– Ещё бы за кошкой погнаться, да косточку... желательно с мясом... было бы чудесно... м-м-м-м, – помечтал Фронт.

Но никакое счастье не может быть вечным. Вскоре машина выехала на оживленную трассу, а после в лес, из-за этого пришлось убрать голову из окна.

Наконец замелькали маленькие домики, послышался лай собак и смех детей, из труб радостно выходил дым. Атмосфера в посёлке была такая веселая, приятная, даже и не скажешь, что война идёт. Машина стала тихонько тормозить и совсем остано-

вилась возле маленького домика с невысоким забором. Фронта выпустили из машины, он подбежал к калитке. Перед Фронтом появились две собаки, две кошки и три людские фигуры. Это были жена Петра Михайловича, дочка Катя и сын Олег. Дети подбежали к собаке. Олег спросил:

– Откуда он, пап? И как его звать?

– Нашел в моем подъезде, потерялся видно, а звать его Фронт, так на ошейнике написано. Наш Петро отслужил свое, а Тайра не может служить Родине. Думаю, он справиться...

3 глава

Приобрел и потерял

Люди зашли в дом, животные – кот Серый, кот Васька, пес Петро и собака Тайра – остались вместе с Фронтом на улице. Первым разговор завел Петро:

– Привет, Фронт. Добро пожаловать в нашу семью. Пока не забыл, хочу сказать, что коты тоже члены семьи и за ними не гоняются, понятно?

– Да, понятно. Мне тоже приятно со всеми вами познакомиться! Может, вы мне всё покажете?

– Конечно, вон будка Петро, а вон моя. Коты живут в доме. Я не знаю, где ты будешь ночевать, но могу уступить место, – сказала весьма милая собачка Тайра.

– Огромное спасибо. Но не стоит. Найду, где переночевать.

– Вон там хлев, уютный, можешь там, – сказал один из котов.

Вдруг Фронт заметил, что у кота нет задней лапы, и аккуратно спросил, что с ним случилось.

– Долгая история... – опустив голову, сказал кот.

– Расскажи, наш друг должен знать о герое! – сказала Тайра.

– Ладно, только пойдёмте в хлев, там уютней.

Друзья вошли в довольно светлую комнату, устеленную соломой. Устраиваясь поудобней, второй кот по кличке Серый с лёгкой усмешкой сказал:

– Не обращай внимания на козу, она тут живет.

И только Фронт поднял голову, это оказалось большое помещение, где была тощая коза, курица и петух, возможно когда-то в

этом месте жило множество животных. Вылизавшись, Васька начал историю:

– Буду краток ... Это случилось в начале января на озере. Я пошел просто посмотреть, скажем, разведать обстановку. А там дети играют. Озеро было достаточно далеко, у самого леса. Вдруг вижу, с деревьев снег сыплется, ну, думал удрать, а дети? Не видят, заигрались. Сижу и не знаю, что делать, говорю себе: «Не дай Бог, немцы, не дай Бог немцы». Вот уже шаги послышались, ну тут подействовал закон подлости, что вспомнишь, то и придёт. Два немецких солдата с оружием снегом прикрываются и целятся в детей что ли, или куда, я сам не понял, так как уже летел к одному на лицо. Приземлился и давай царапать, тот орёт что-то на немецком. Дети слышали, убежали, а я в лицо вцепился, не зная, что делать, а второй берёт ружьё, в меня целится, немец, в которого я вцепился, испугался и давай меня от лица отдирать, за это время я ему всю физиономию расцарапал (кот усмехнулся). После меня убрали и выкинули, я полетел, и вот тогда-то меня лапы и лишили – в меня попала пуля. Немцы убежали, я упал куда-то в снег, весь в крови. Думал, что умру. А нет, те дети минут через двадцать помощь привели. Мне ногу ампутировали, вот и хожу теперь на трёх лапах ...

– Ну, ты герой! Извините меня, конечно, но я от кота такого не ожидал! Bravo! – восхитился Фронт.

– Дружок, война сделала нас командой ради одного дела, – обратился Петро к Фронту. – Неважно, в тылу ты или на фронте, мы все воюем. И что бы одержать победу, мы в первую очередь должны быть друзьями и помогать не в собственных интересах, а для общего дела.

Наступила минута молчания, Фронт посмотрел на улицу. Тот клубящийся дым над домами перестал быть таким весёлым и радостным, каким был первоначально.

– Ну ладно, не будем такими мрачными, весьма год тёплый выдался, зимы, можно сказать, не было. Конец марта, а снега почти нет, давайте сходим к озеру, оно, наверное, немного оттаяло, – произнесла Тайра.

– Сходим, но завтра. Я так устал, – сказал Серый, зевая и вытягиваясь.

Послышался свист, имена друзей разнеслись в воздухе, это означало одно – зовут кушать. Со всех ног побежали друзья, догоняя и перегоняя друг друга. Поев, Фронт начал рассказывать свою историю и кончил только тогда, когда в небе уже сияла луна.

В хлев начало заходить солнышко, тёплое и яркое, которое заставляло плакать грозные сосульки. Петух пропел в хлеву, все животные стали просыпаться. Первым проснулся Серый, он потянулся, улыбнулся и начал будить всех остальных. Это много времени не заняло. Тут помурлыкал, там поцарапал и готово!

– Доброе утро всем! Бежим к озеру!

– Ааааа, – зевнул Васька, – как охота спать, ну что, бежим?!

– Ребят, я, наверное, лучше не пойду, прослежу за людьми, мало ли что, – глядя на дом с озабоченным видом протявкала Тайра.

– Ну, как хочешь... – сказал Петро.

– Вон дыра под забором, – обратился Васька к Фронту, – ты, интересно, пролезешь?

– А люди нас не потеряют? – насторожился Фронт.

– Нет, мы часто так уходим, и сейчас рано, не думаю, что кто-то нас потеряет, – обнадежил Петро.

– Ладно вам, я знаю короткий путь, через поле, – промяукал Серый.

Погода была прекрасная: солнце грело, птички щебетали, снег почти растаял, только в оврагах поблёскивала снежная бахрома. Друзья шли и мило беседовали, было чудесно! Неожиданно для себя Фронт подхватил Ваську на спину и побежал со всех ног, остальные наперегонки побежали за ними. Ну вот показалась зеркальная гладь озера с последними кусками льда.

Около озера Фронт спросил:

– Наш хозяин сказал, что ты, Петро, свое уже отслужил, что это значит?

– Я был на фронте, сначала передавал донесения, потом разыскивал мины.

– Мины? Как?

– Запах. Если приблизиться к минному полю, можно почувствовать едкий запах, он очень сильный и можно легко определить, где начало и конец мин. Но легко это только собакам и

другим с острым обонянием животным, люди не способны его учуять.

– Тебя учили искать мины?

– Да, но я был ещё, так скажем, щенком-подростком, нас учили различать разные взрывчатые вещества. Но когда подрос – обнаружить какое-либо взрывчатое вещество оказалось проще простого!

– Как ты думаешь, я смог бы быть миноискателем?

– Я думаю, мог. Но различать без дрессировки – нет. Разумеется, надо учиться. Но как я уже говорил, это не так важно. Эх, не долго, Фронт нам осталось с тобой жить. Наш генерал, наверное, тебя через пару дней с собой заберёт.

– Яяя... немного боюсь. И ты говоришь «наверное», значит не точно, и тем более на фронте я был раз, когда родился, поэтому и имя дали мне такое...

– Да, ты говорил. Мяу, тут оказывается и рыба есть. И хватит тебе, Петро, его пугать. Всё будет в порядке, пёс, – проурчали коты хором.

Друзья легли возле воды. В глубине серебрились рыбки, на глади воды отражались густые облака.

– Мяу, поймал бы рыбку. Да, вода холодная! – лениво сказал Васька.

– Да вы же, коты, боитесь воды?! – протывкал Фронт.

– Это и есть одна из странностей котов: воду не любят, а еду, водящуюся в воде, любят! Ах-ах-а! – усмехнулся Петро.

– Ну это же коты! – добавил Фронт

Дальше последовал дружный смех. Хорошо! В вышине щебетали птички, вода отражала все причуды неба. Вдруг Петро вскочил и стал принюхиваться.

– Что случилось?

– Чувствуете, как будто что-то горит?

– Смотрите – над деревьями дым...

– Там наш дом! – пролаял на бегу Петро. Все ринулись за ним.

До дома они добежали за пятнадцать минут. Действительно, горел дом наших друзей. Животные протиснулись через толпу людей. Коты увидели, как Тайра забежала в горящий дом. Люди не могли проникнуть в него. Петро и коты вбежали в дом следом,

а Фронт не смог попасть туда. Ему ничего не оставалось, как наблюдать за происходящим. Очаги огня были потушены, люди отчаялись проникнуть в дом и увидеть кого-нибудь в живых. Фронт заскулил. Вдруг из-за упавших балок пробирается безногий Васька! Да, да удивительно! Фронт подбежал к Ваське и помог ему отойти от дома.

– Что там случилось? Где все?

– Кх, кх, Тайру и Петро придавило горячей деревяшкой, Серый не знаю, до людей не добрались...

– Как ты, живой?

– Всё в порядке, только воздуха не хватает, кх, кх...

– Здесь столько людей! Нас сейчас задавят или затопчут. Заберись ко мне на спину, побежим к озеру, в безопасное место.

– Хорошо.

Вася забрался на спину, друзья побежали в сторону озера. Когда они добрались, Фронт дал попить Ваське и отмыл его от сажи.

– От чего загорелся дом?

– Наверное, Пётр затопил печку, а потом уснул, вот огонь и вылез из печи. Эх, не зря у Тайры было плохое предчувствие.

– Фуф, ты пей, пей и дыши.

– Да, не верю, что нет больше хозяев, Тайры, Петро и Серого...

Фронт начал выть долго и протяжно.

4 глава

Горькая потеря друга

Ночевали друзья возле озера, под деревом. Вечером там был снег, а на утро они проснулись, увязнув по уши в грязи. Было очень мокро, мерзко и неприятно. Чёрный Фронт пошёл в лес найти еду. Васька чувствовал облегчение, но все так же затруднялся ходить. Фронт вернулся с двумя мышами в зубах, к тому времени Васька подполз к озеру и стал жадно глотать воду.

– На, ешь – Фронт положил мышей перед носом кота, – может нас кто-нибудь к себе возьмёт или покормит из тех домов?

– Не знаю, но счастье попытаться надо.

Деревня как вымерла: дым выходил из труб только некоторых домов, на улице не смеялись дети, даже собаки не лаяли.

– Мда... видно, что пожар сильно напугал людей.

– Да, никого. Ой, смотри, из того дома человек вышел, пошли к нему.

Друзья подбежали к забору и стали скулить.

– О-о-о-о, кто пришёл, – человек вышел во двор и стал гладить то кота, то собаку, – я бы дал что-нибудь вам, да ничего нет, и у остальных тоже. И к себе, наверное, не возьмут. Всех так сильно перепугал пожар. До города тут приличное расстояние, вы не доберётесь, так и останетесь на произвол судьбы. Ну ладно, всего хорошего, – человек захлопнул калитку.

– Да уж, поели.

– Знаешь что, Фронт?! Давай пойдём в лес, я его знаю, как свои три лапы!

– Ну, пошли, там сейчас больше шансов найти себе пропитание.

– Бежим?!

Фронт взял Ваську на спину и понёсся к озеру. А дальше в лес. Показались высокие деревья, на которых начали слегка набухать почки. С веток падали стеклянные капли растаявшего снега. Такие капли не раз падали на нос Фронта.

– Фронт, тебе не тяжело? Я могу идти сам, до озера же дошёл.

– Точнее докатился! Ха-ха!

– Да, а ты где охотиться так научился?

– Честно говоря, сам не знаю. Просто поджидаю добычу, жду момента и бросаюсь на нее.

– Ой!

– Что такое?

– Как будто ведро воды на меня вылили, бррр.

– С деревьев капает. Ничего, заодно умылся! А куда мы идём, Вась?

– Не знаю...

– Как? Ты же говорил, что знаешь.

– Да, знаю. Знаю точно, что километрах в двух – трёх отсюда есть минное поле, если на нём что-то взорвётся, дойдет до деревни.

– А люди знают?

– Не знаю! Может да, может – нет. Возможно, его уже нашли собаки-миноискатели.

– Ты откуда знаешь об этом поле?

– Запах, когда гулял с Петро, учуял. Это деревня – горячая точка, и взрывы мы тут слышали, и немцы приходили, пили и уезжали.

– Почему люди не уедут отсюда?

– Ты попробуй выселить их из своих домов, их хотели эвакуировать, а они не захотели покидать свои владения. Молодые вроде уехали, а старики остались. Там ещё остановились сапёрные полки близко.

– А где это?

– У-у-у, километров двадцать, если не тридцать отсюда!

– Как думаешь, дойдём?

– Не знаю! И вообще, откуда я могу всё знать?! Ты сначала мины обойди с двух километров живым и невредимым, а уж потом про остальные восемнадцать говори!

– Ты прав, но вместе мы всё сможем! Ведь так? – Фронт посмотрел с такой надеждой на облезлого, мокрого, безногого кота, сидящего на спине. Ответом Васьки был взгляд, который на письме можно обозначить так:

– Мне, Фронт, уже девятый год идёт, я уже старею... Тебе сколько?

– Мне около года.

– Да? А такой громадный! Ха-ха!

– И ты неплохо выглядишь!

– Да уж, нет ноги, не могу ходить, плохо вижу и слышу!

– Ничего, вместе горы свернём! Ладно, я пойду на охоту.

– Удачи!

Фронт ушёл, Васька остался один. Он стал тщательно вылизываться, потом стал точить когти о дерево. Было это тяжело, обгоревшие подушечки лап давали о себе знать. Вскоре Ваське стало скучно. Фронта уже не было полтора часа. Васька решил уснуть, но на его удивление не смог этого сделать. Тогда стал наблюдать за птицами наверху. Воробьи перелетали с ветки на ветку и весело щебетали. Вороны, у которых гнезда в самых верхушках деревьев, о чем-то оживлённо переговаривали, но вдруг внима-

ние кота привлекло лёгкое цоканье ножек, это оказалась белка, мирно скачущая по земле. У Васьки зрачки расширились, морда приняла напряжённую позу. Кот забыл обо всех недугах, принял позу охотника, туловище приподнялось. Белка ничего не замечала и все так же спокойно прыгала. Васька спокойно ждал, когда она приблизится, ну, вот бросок... и Васька вспомнил об обгоревших лапах. Боль была невыносимая, кот упал. В этот момент прибежал Фронт. Он тоже заметил белку, схватил её зубами и понёс коту.

– Ты почему не лежишь?! Охотиться собираешься. Что я говорил?

– Да, знаю я, но против природы не пойдёшь.

– Ладно, ешь...

– Ну, ты шустрый! Бежал, бежал, схватил добычу и дальше!

– Я обычно так не делаю, а поджидаю без шума, а эта белка, видать, молодая и глухая к тому же, что для нас же лучше. И всё-таки, я охотничья собака.

– Понятно.

Наступил вечер, стало холодать. Поднялся ветер, сначала был лёгким и приятным, потом разогнал в ураган. Чёрные-чёрные тучи заслонили небо, стал моросить дождь со снегом. Фронт и Васька спрятались под кусты, свернувшись в клубок. Ураган гнул молодые деревья до земли, друзья дрожали от холода. Во всех книгах, когда герои попадают в ураган, рядом оказывается пещера, в которой можно спрятаться. У друзей не было крыши над головой и тем более спичек. Куст, под которыми они спрятались, царапал своими голыми ветками до крови. В ранки попадал вода, было невыносимо больно. Кот и пёс лежали в обнимку, дрожа от страха и холода, пытались согреть друг друга. Весьма странная картина, но зато какая добрая, наполненная любовью и верностью, которой могли бы позавидовать даже люди.

Дождь был мелкий и колкий, он собирался в полотно, и всё то, что окружало животных, не было доступно глазу. В небе не было ни луны, ни грозы. Мрак был невыносимый, болели глаза. Вдруг Васька, который находился под Фронтом, стал мурлыкать нежно и ласково. Незаметно друзья так же в обнимку уснули.

Первые лучи солнца были самые радостные и приятные. После проведённой столь ужасной ночи, друзья еле встали на ноги.

Мокрые, грязные, замученные, они стали греться на солнышке, не открывая глаз. Фронт встал и начал отряхиваться от воды, Васька открыл глаза, но что? Кот ничего не видел, перед глазами встало большое черное пятно. Васька перепугался не на шутку.

– Что со мной? Я ничего не вижу, ещё темно?

– Нет, тут видимость отличная. Ты что, ослеп?

– Не знаю, но я ничего не вижу! Мне страшно...

– Не бойся, я с тобой! – Фронт встал возле кота и стал его нежно-нежно гладить. Так же, как и мы, люди, гладим руками, только он лапой. Кот облокотился на грудь собаки и тихо плакал...

Немного оклемавшись, Фронт посадил Ваську к себе на спину, и пошли они дальше. Фронт не ходил на охоту, потому что вокруг не было ни души. Всё заметно пострадало от урагана: средних размеров деревца были поломаны, а мелкие кустарники вовсе лежали на земле, выданные с корнем. Фронт шёл сначала медленно, потом стал разгоняться, а потом и побежал. Фронт завёл разговор с Васькой как ни в чём не бывало, даже пытался шутить, но в лёгких нотках слов было слышно огорчение, страх и боль. Васька тоже пытался говорить как ни в чём не бывало, но вдруг закричал во всё кошачье горло:

– СТОЙ!!!

Лапы Фронта врылись в землю.

– Что случилось?

– Мины. Чувствуешь запах? Принюхайся, тихонько поднеси нос к земле, только аккуратно!

– Да, чувствую едкий запах пороха.

– Значит, уже подрывалось поле, но могут быть разорвавшиеся, надо идти осторожно, вдоль поля, чтобы его обойти.

Аккуратно ступая по мокрой земле Фронт, неся на спине кота, шёл вдоль поля около часа. Нельзя было отходить от поля, чтобы не потерять запах, но и нельзя было подходить к полю, чтобы не подорваться. Через полчаса Васька сказал, что поле закончилось и можно идти прямо, но опять же, не подходя близко и не отходя далеко.

Ширина поля оказалась больше, чем длина, и поэтому время ушло больше. Под конец поля начал чувствоваться запах болота, из-за этого стало труднее улавливать запах мин. Всё-таки друзья

обошли мины. Они упали рядом с большой сосной, два часа напряжённой ходьбы Фронта очень сильно вымотали, но, несмотря на это, он пошёл на охоту, но до этого между ним и Васькой произошёл такой диалог:

– Ты как себя чувствуешь, Вась?

– Хорошо! Хорошо! Ты иди не беспокойся. – разумеется, Васька врал, чтобы успокоить Фронта. На самом же деле у него кружилась голова и сильно знобило, он еле-еле поднимал голову. Фронт ушёл с камнем на душе. Он старался охотиться как можно быстрее и как только поймал первую мышь, побежал к Ваське. Кот спокойно лежал возле сосны, как и до этого. Он услышал, как прибежал Фронт, и тихонько поднял голову с голубыми глазами, в которых ничего не отражалось.

– Фронт, спасибо тебе за всё, что ты для меня сделал! Но дальше тебе надо будет идти одному, я помог, чем смог. Я знаю, что ты встретишься с нашими солдатами, ты найдёшь себе приют. Ладно, прощай... – голова кота опустилась на лапы собаки.

– Нет! Стой! Ты мне нужен... – Фронт завыл, но ненадолго, потому что захлёбывался в своих собачьих слезах. Скажете, что неправда, что собаки не плачут? Ошибаетесь... Люди считают, что если не видели, значит – не бывает. А может, просто собаки или кошки не плачут по пустякам, а только по серьёзной причине? Это и был серьёзный случай. Фронт упал рядом с Васькой и уснул, хотя было только девять утра...

5 глава

Новое знакомство

Фронт проснулся от шагов солдат. Собака вскочила и уже хотела побежать, но на минуту остановилась. Он лизнул кота и с огромной грустью попрощался. Фронт с громким лаем понёсся к солдатам, которые сразу же остановились, как только услышали лай. Командир отряда увидел собаку и подошёл к ней.

– Ты откуда? – все солдаты были очень удивлены, увидев собаку в лесу. Командир посмотрел на изношенный ошейник и с трудом прочитал «Фронт».

– Интересная кличка. Ну, Фронт, пошли с нами! Другом будешь!

– Гм... и откуда Васька знал про солдат? – удивлялся про себя Фронт. Через какое-то время солдаты вышли на дорогу, где их ждал грузовик. Они залезли в него, собака улеглась у их ног. Весь путь Фронт купался в нежных «глажениях» и «почесонах». Фронт был счастлив, хотя иногда он ловил себя на мысли: «Ещё бы чего-нибудь съестного... Ах, как я соскучился по ласке!...»

Вот уже стали мелькать небольшие домики-палатки, стало меньше деревьев, машина стала сбавлять скорость, а потом и вовсе остановилась. Солдаты стали выходить и подозвали к себе собаку. Фронта показали очень суровому и усатому майору. Он сначала испугал Фронта, но потом пёс заметил, что под усами скрывается кроткая добрая улыбка. Фронт завилял хвостом и стал подлизываться к майору. Тот в свою очередь чуть не растаял. Майор записал Фронта в книгу учёта и позвал того самого командира отряда.

– Лев Анатольевич, вот вам собака-миноискатель.

– Что? Но она ведь не дрессированная!

– Знаю, но вы забыли. Смотрите на карту, видите, вы говорите, что собаку встретили тут. Значит, чтобы туда попасть, ей надо было обойти минное поле, других путей нет. Если она их обошла, мины не подорвалась, значит, она уже была подготовлена. Вот только кем?

– Да, дела. Вы думаете, она из той деревни, которая в двадцати километрах отсюда?

– Да.

– Там погорел дом генерала, помните, он сюда часто приезжал и давал указания. Так может, это он научил?

– В тайне?

– Может быть, кто знает?!

– Сейчас это всё равно, главное, чтобы от собаки польза была.

После знакомства со своим новым хозяином, Фронта пустили познакомиться с другими собаками. Первым новым знакомым была немецкая овчарка Джульбарс. Фронт подошёл к нему и тихо сказал:

– Здравия желаю!

Джульбарс заметил Фронта и ответил ему:

– Привет, ты кто, тот новенький, которого нашли в лесу?

– Да. Меня Фронт зовут, а тебя?

Джувльбарс встал на ноги и сказал:

– Меня зовут Джувльбарс, ты тут какими судьбами?

– Длинная история, – утернулся Фронт от ответа. – Ну, а ты?

– Я пёс-миноискатель, оправили сюда, чтобы расчистить это лес от вражеских мин. Мне кажется, что тут уже работа закончена, наш полк опять переместят в другие леса, их надо очищать от мин и врагов. А потом, наверное, в бригаду попаду.

– Какую?

– Слышал, что будут сформированы штурмовые инженерно-сапёрные бригады. Там будут нужны собаки-миноискатели, и я туда попаду. Тебя тоже, наверное, туда отправят. Тебе сколько лет или ещё щенок?

– Ещёё щенок, ха-ха, девять месяцев!

– М-м-м, понятно. Ты всё-таки расскажи, как в лес попал, а я послушаю.

– Хорошо.

6 глава

Четвероногие спасатели

Я не буду описывать каждый день Фронта в полку, расскажу только самые интересные и удивительные случаи. Джувльбарс с восхищением прослушал рассказ, с того момента у них началась крепкая дружба. Как Джувльбарс и говорил, весь полк, куда попал Фронт, собрали и увезли за тысячи километров (так показалось Фронту, потому что дорога была долгая) в другой лес. Этот лес был очень большой и находился близко к линии фронта, враги заложили в лесу мины и, возможно, там проживали. Задача полка была найти мины, другие взрывчатые вещества и уничтожить. Может быть, им придётся отражать атаки врага. Фронт попал туда на полгода, кажется этот промежуток времени небольшим, но он заметно вырос, стал смелым, отважным и... В общем, вы всё сами узнаете.

В полку (его номер не дошёл до нас, но было известно, что это был отдельный сапёрный полк), кроме Фронта и Джувльбарса, была ещё целая рота собак разных должностей, все они защищали своих людей и друзей. Фронт и Джувльбарс незаметно для себя стали лидерами (может быть потому, что они после боёв остава-

лись целыми). Непосредственно им подчинялись собаки младшие и неопытные, и старшие тоже. Старшие обучали младших некоторым трюкам, только ночью, чтобы не заметили люди. Но всё-таки многие удивительные вещи люди замечали. Например, когда хоть одна собака умирала, после боя все начинали выть в память о ней. Так же люди замечали, что собаки всегда приходят на помощь, неважно к кому, собаке или человеку, главное приходят. Так же заметили, что собаки даже скудной едой делятся с младшими или с ранеными собаками. Некоторых солдат это так поражало, что они иногда отдавали свои обеды собакам. И в дождь, и в снег они придут на помощь. В лютые морозы четвероногие друзья собирались вместе и обогревали друг друга, в дожди прятали под себя маленьких щенят, так же уступали друг другу место под навесом.

Но вот один случай был действительно потрясающий. После весьма неожиданного боя было много раненых и погибших, как и у людей, так и у собак. Развернули полевой госпиталь. Раненых было столько, что многих вынесли на улицу, стояла сорокоградусная жара. У собак то же были погибшие и один тяжелораненый щенок. Он был белый-белый с единственным чёрным пятном на лбу, поэтому его назвали Пятнышко. Ему в живот попал осколок, Пятнышко истекал кровью, а собаки не знали, чем помочь, людям же было не до них. Собаки лизали ему мордочку, чтобы он не потерял сознание. Они словно умирали от жары, у них отвисали вниз языки. Вот только одна маленькая собачка по кличке Кот сообразила, что можно сделать. Рядом с собаками на носилках лежал человек, Кот забрался на него и аккуратно снял с груди фляжку с водой. Это увидел суровый майор, как собака раскрутила зубами крышку и налила воды в рот раненому щенку. У майора усы на лоб полезли от удивления, тот вышел на улицу, взял флягу в руки и погладил всех пятнадцать собак:

– Ну, друзья, вы даёте! – после этого он распорядился, что бы щенку оказали медицинскую помощь, а также сам лично налил каждой собаке по полной миске воды. Думаете, на этом собаки кончили удивлять? Ошибаетесь! Напившись, собаки начали обходить лежащих на земле раненых солдат. Они их лизали, веселили, давали себя гладить. А бывшие цирковые собаки стали ходить на передних и на задних лапах, как могли, развлекали солдат. Этот

случай не оставил равнодушным ни одного человека, который всё это видел. Вы не верите? Ваше дело, но, видимо, собаки знают, что смех продлевает жизнь!

И как бы там ни было, в октябре 1943 года Фронт и Джульбарс попали в 14-ю штурмовую инженерно-сапёрную бригаду. Там, разумеется, не поверили, что Фронт без подготовки смог найти мины и фугасы, которые находились в 10 сантиметрах под землёй. Поэтому он, как и другие собаки, без документальной подготовки прошёл курс обучения. Да, Фронт не только определял где находятся взрывчатые вещества, но и их разновидности. Фронт провёл в бригаде полгода, за это время вместе Джульбарсом они совершили много подвигов. Находили минные поля, разминировали деревни и города, собственно, для чего они и были нужны. Фронт успел разминировать только около пяти деревень, а Джульбарс пошёл дальше – стал собакой-героем. Но не о нём речь...

При разминировании одного из сёл часть бригады попала в засаду. Солдаты и собаки сидели в окопе, дожидаясь приказаний, над головой свистели пули. Фронт заметил, как какая-то женщина с маленькой босой девочкой на руках куда-то бежит. Вдруг в женщину попала пуля, она упала на землю. Девочка лет пяти трясёт женщину, пытаясь разбудить. Фронт понимал, что девочка в большой опасности, и он, отцепившись от поводка, пополз к ней! До неё было приличное расстояние, а над головой звенели пули. Девочка лежала и плакала, Фронт побежал к ней и потянул за платье, девочка испугалась, но увидев большие, добродушные глаза собаки и лёгкое виляние хвоста, рассмеялась. Фронт лёг на живот и потащил за собой девочку, но у неё была сильно поцарапана ножка (наверное, при падении поцарапалась). Тогда Фронт положил руку девочки к себе на шею, и дал ей поводок. В такой позе они доползли до окопа. Солдаты были удивлены поступком собаки, а у других собак Фронт завоевал навечно восхищение и уважение. Девочку взял на руки солдат. Хозяин Фронта осмотрел её. Она опять расплакалась, когда оглянулась назад, но Фронт стал лизать её босые ноги, та громко рассмеялась. Девочку куда-то унесли.

Ещё случай, хотя, наверное, даже подвиг, который Фронт совершил в последние дни пребывания в бригаде. Это случилось

в бою, хозяина Фронта убили, собака в испуге лизала его лицо. Вдруг подбежал Джульбарс и сказал:

– Он мёртв, уходи отсюда, ты ранен!

У Фронта действительно была ранена шея, но Фронт этого не замечал.

– Ты слышишь меня?!

– Нет, он жив, я знаю, он жив!

Джульбарс прекрасно знал, что хозяин Фронта мёртв, но всё-таки полизал лицо и убедился в своей правоте.

– Нет, Фронт, он мёртв, – уже с сочувствием сказал Джульбарс, – советую тебе спрятаться в окоп или за деревья, у тебя сильно кровоточит рана.

– Но... – Фронт не успел ничего сказать, как пуля пробила задние лапы Джульбарса. Собака взвыла от боли. Джульбарс выкрикнул Фронту:

– Беги! Беги скорей!

Но Фронт даже и не думал о побеге. Он отцепил поводок из рук своего погибшего хозяина и приказным тоном произнёс:

– Бери поводок и ползём! – голос прозвучал так грубо и строго, что любой повиновался бы ему. Джульбарс взял поводок в зубы, лёг на живот, и они поползли в безопасное место. Фронт полз медленно и аккуратно, буквально в трёх метрах от собак звенели пули, взрывались мины, на некоторых участках были пожары. Фронт полз и полз, но в один момент поторопился, и пуля зарядила ему по передним лапам. Была ужасная боль, но Фронт не подал и звука, а всё так же продолжал ползти, чтобы Джульбарс не заметил. Друг так был поражён стойкости и мужеству собаки, что у него не было слов. Так они доползли до окопа и скатились туда. Собаки упали нос к носу, и Джульбарс тихо заговорил:

– Спасибо тебе огромное! Я тебя никогда не забуду!

– Я надеюсь, ты не умирать собрался?!

– Ха-ха (смех был болезненным) нет, конечно, но вдруг наши пути больше не пересекутся?!

На этой тревожной ноте собаки потеряли сознание ...

7 глава Невезение

Так прошёл первый военный год Фронта вместе с Джульбарсом. Джульбарс был прав, пути собак больше не пересекутся. Не переживайте, обе собаки остались живы, но Фронта отправят в другую бригаду, где у него будет новая должность. Обо всём по порядку...

Фронт очнулся на столе с перемотанными лапами, рядом на носилках были тоже собаки, но Фронт не видел среди них своего товарища. Возле стола были три человека, два в белых халатах, а третий – в военной форме. Они изучали досье Фронта, незнакомый генерал заметил, что собака очнулась, и подошёл к ней. Генерал стал ласково гладить Фронта и говорил:

– Ну, ты герой! Знаешь, ты заслуживаешь награды!

Генерал взял со стола маленькую звездочку и сказал:

– Вот это твоя награда, она будет записана в твоём досье! Только я не понимаю, откуда ты вообще взялся?..

– Никто не знает! – со смехом вставил человек в халате.

Фронт не понимал, зачем нужна эта награда, но ему нравилось, как она переливается на солнце. Фронт был в госпитале, там он провёл две недели, пока его лапы заживали. Вскоре Фронт мог уверенно ходить и бегать. Его опять куда-то перевезли.

Фронт стал санитаром, и у него появился новый друг – Мухтар. Он обучал Фронта всему тому, что может пригодиться собаке-санитару. Например, определять, жив ли человек или мёртв, если жив – приводить его в чувство, а главное – ждать. Ждать когда человек возьмёт всё то, что ему нужно из аптечки, которая была прикреплена на спину собаке. Конечно, люди тоже проверяли, умеет ли Фронт оказывать помощь раненым. И благодаря Мухтару, Джульбарсу и другим друзьям он отлично прошёл проверку.

Фронт был санитаром восемь месяцев, за это время он смог спасти около 40–60 раненых. Среди них и собаки, и его собственный хозяин, Михаил Ефремович. Фронт также подружился с одной собачкой, её имя Лала. Она ему много раз помогала и не раз спасала жизнь. Фронту она нравилась всё сильнее и сильнее.

Мухтар шутил с ним по этому поводу, но Фронт давал понять, что это не смешно. В один из ужасных дней случилось непоправимое.

Лала помогала раненому переместиться на санки, чтобы увезти его в госпиталь. Вдруг рядом с ней взорвалась мина, и осколок попал в собаку. Рядом стоящие собаки пытались ей помочь, но безуспешно. Фронт об этом ничего не знал и после боя всюду искал Лалу, но не находил... Собаки, у которых он спрашивал, опускали головы. Фронт не хотел ни о чём думать и просто искал. Мухтар не мог смотреть на это, позвал к себе Фронта и сообщил неприятную весть. Фронт упал в ноги Мухтару и весь дрожа, бубнил: «Нет.. не может быть!..», а Мухтар отвечал: «Может, может...» – и лизал голову Фронта. Потом Мухтар ушёл и не возвращался где-то час. Когда Мухтар вернулся, он положил возле носа Фронта ошейник с потёртой табличкой, на которой была надпись «Лала». Фронт положил нос на табличку и тихо сказал:

– Спасибо, спасибо большое, но я хочу побыть один, – он тихо заскулил.

Мухтар ушёл.

Две недели Фронт был сам не свой, ни одна собака не хотела попасться ему на глаза. Михаил Ефремович тоже замечал, что с Фронтом что-то не так. Он нежно гладил собаку и спрашивал:

– Что же омрачило тебе настроение, мой друг?

Однажды Фронт после такого вопроса принёс ему ошейник Лалы, и тогда хозяин всё понял.

– М-м-м, вижу, по подруге скучаешь, ты не переживай так. Ошейник я тебе могу оставить. – Хозяин снял табличку с ошейника Лалы и прикрепил её к ошейнику Фронта так, чтобы не было видно.

– Ну вот, теперь она будет всегда рядом с тобой...

Фронту стало хорошо, он уснул в ногах хозяина. После этого тёплого разговора Фронту стало легче, и он немного повеселел. Вот так закончилась первая любовь Фронта, эта история произошла в мае, а сейчас уже шёл сентябрь, Фронту исполнилось 2 года. Он вырос и стал настоящим героем среди собак.

Собаки были обычными друзьями и помощниками человека. А человек даже и подразумевал, сколько смелости и мужества скрывается в этих четвероногих.

У Фронта была одна слабость – он болезненно реагировал на чью-либо смерть, будь это собака или человек. В одну из лунных ночей Фронт забрался на холм и перед ним открылся невероятный вид. На фоне полной луны стрекотали ночные птицы. Где-то там за горами и холмами стояли маленькие домишки, вокруг была тишина. Фронт учуял запах осенних цветов, с деревьев падали золотые капли листьев. Вдруг подул лёгкий холодный ветер, сентябрь давал о себе знать.

Бежевые кудри Фронта развивались на ветру, он увидел в луне всех тех, кого любил и уважал. Вдруг он услышал аккуратные, тихие шаги – это был Мухтар. Мухтар подошёл и загадочно сказал:

– Хорошо, ну ладно, пошли, завтра трудный день. Или всё-таки что-то хочешь сказать?

– Нет, действительно, пошли спать, – Фронт последний раз взглянул на луну, и они вместе ушли.

На месте, где остановилась бригада, было беспокойно, люди метались из стороны в сторону. В госпитале горел свет. Оттуда доносились крики и тревожные голоса. В палатке со связным оборудованием было много людей, они что-то говорили, кричали, обсуждали. Фронт и Мухтар пошли к остальным собакам, которые тревожно наблюдали за людьми. Собак пугала неизвестность.

– Что случилось? – спросил Мухтар.

– Не знаем, ты ушёл, и тут началась суета как в муравейнике, – ответили собаки. Четвероногим ничего не оставалось делать, как лежать и наблюдать за людьми.

Следующий день начался в четыре утра, собак вели через лес, а когда они пришли, перед их глазами открылось ужасное зрелище. Горящие танки, звуки выстрелов. Вдруг подбежал солдат, отдал честь и спешно сказал:

– Вы пришли на подмогу?

– Да, скоро должны подойти ещё люди.

– Здесь рядом деревня. Мы не должны пропустить немцев туда.

– Есть.

Бой был ужасный. Вокруг были пожары, от них шёл сильный жар, хотелось пить. Но собаки и люди исправно выполняли свой долг. Собаки и люди падали ежесекундно, собаки подбегали к ра-

ненным, но часто бывало поздно. Фронт падал от тепловых ударов, но и он не отступал, а еле волооча лапы, бежал к раненым, у него было уже три пулевых ранения. Бой длился трое суток, трое кошмарных суток. На вторые сутки прибыли наши танки, враг стал потихоньку отступать.

Полки перемешались, было не понятно – где кто, собаки помогали всем без исключения. Когда Фронт и другие помогали раненому солдату, Фронт примерно метрах в шести-семи увидел знакомое лицо, до того знакомое, что хотелось выть. Фронт думал:

– Нет, не может быть!

Этот человек был ние кто иной, как хозяин Фронта, подаривший ему эту кличку. Фронта свело, хозяин явно был ранен, жив, он, видимо полз к окопу. Фронт побежал к нему, но не тут-то было. Перед собакой взорвалась мина, Фронта отнесло в сторону...

Он упал за куст и не верил, что упустил.. он не мог пошевелиться, а лишь наблюдал за происходящим.

– Упустил, упустил, – тихо шептал про себя пёс...

Кончился бой, и как в награду полил сильный дождь. Такой сильный, что сквозь него ничего не было видно. Пожары утихли, а Фронт немного остыл. Вдруг он услышал шлепающие шаги, Фронт догадался, что это Мухтар. Потом он услышал сильный всплеск, Мухтар упал. Фронт еле-еле встал и докатил Мухтара за дерево, начал ему лизать нос, пока тот не пришёл в себя. Мухтар сказал:

– Живой я, живой, но чувствую ненадолго... – Собака вновь потеряла сознание.

Фронт лёг. Его хлестал по спине дождь, было очень темно. Ему хотелось выть, так больно и неприятно быть так близко к цели и в то же время далеко. Вдруг послышался гром. Небо расколола молния. Всё осветилось, осветилась ужасная картина, Фронт подумал:

– Лучше бы я спал и не видел всего этого... – Фронт уснул.

Когда очнулся – не чувствовал лап. Он промок до ниточки и не мог пошевелиться. Фронт смотрел как сквозь сетку, вдруг услышал свист, его имя прозвучало в воздухе. Это был хозяин. У

Фронта пропал голос, он тихо пропищал, как мышь. Хозяин не слышал писк Фронта и сказал про себя:

– Неужели умер... – но вдруг послышался охрипший лай.

Сентябрьский холодный дождь дал о себе знать. Михаил Ефремович подошёл к кусту, за которым лежал Фронт, но не заметил собаку.

– Нет никого, показалось... – но вдруг треснула ветка, это был Фронт. Михаил Ефремович заглянул за куст и увидел двух собак Фронта и Мухтара. Несмотря на их большой вес, он взял их на руки и понёс к одной из фургонных машин. Мухтара и Фронта положили к остальным собакам. Фронт заметил, что Мухтар не приходит в себя и стал лизать ему нос, но одна из рядом лежащих собак, не открывая глаз, сказала:

– Бесплезно, его не спасти, жаль. Подумай о себе, отдыхай, ты тоже не железный.

Как бы это ни было трудно, Фронт набрался сил и попытался задремать.

8 глава

Засада

Фронт проснулся от сильной качки, машина ехала по кочкам, прыгая то вверх, то вниз. Но вот дорога более менее ровная и за бортом слышится езда машин, ходьба людей. Было понятно, что машина въехала в город. Вдруг Фронт вспомнил своё первое знакомство с городом. Вспомнил мужчину с дымящейся сигарой, вспомнил ту тревожную женщину, которая искала в сумке карточку, вспомнил то безразличное лицо продавца, у которого женщина хотела купить хлеб. Фронту стало не по себе. Послышался скрип открывающихся ворот, машина тормозила, а потом резко помчалась вперёд. Фронт выглянул из фургона и увидел, что идёт дождь со снегом. На земле была жуткая грязь, Фронту было страшно подумать, что на неё придётся встать. Вдруг Фронт ощутил страшную боль в ногах, она продолжалась около минуты, Фронт лёг и не ощутил лап. Он очень испугался и прикусил подушечку лапы. Легкий укус пронёсся по всему телу, но Фронт не ощутил своих конечностей. Собака-доберман наблюдала за Фронтом и, когда тот лёг, сказала:

– Лапы болят, не чувствуешь?! Не переживай, у меня было такое. Меня вылечили.

– Ты кто, я тебя не видел в бригаде?

– Я из другого полка, раньше был собакой лесника. Тебя как звать то?

– Фронт, а тебя?

– Буч!

– Будем знакомы.

– Будем...

Фронта, как и других собак, перенесли в госпиталь на носилках. В госпитале Фронт перенес одну операцию, был весь перебинтованный и ходить пока не мог. Фронт крепко подружился с Бучем, который рассказал, что защищал лес от лесорубов, рубивших деревья в неположенных местах. Скоро собаки узнали, что те, кто сюда попадают либо умирают, либо отправляются в тыл из-за непригодности в бою. Собаки постарше успокаивали, говоря, что в тылу ничуть не легче и там тоже нужны рабочие руки, то есть лапы.

И так неделя за неделей, то приобретая друзей, то их же теряя, жили все собаки госпиталя. Фронт, как и Буч, выздоравливал. Фронт думал, что настал конец приключениям, и уже вздыхал со спокойствием.

В один из первых ноябрьских дней, когда уже были морозы, собак ещё в бинтах погрузили в фургоны по шестнадцать в каждой машине. Их всех отправляли в разные места – по три машины, например в деревню или село, где нужны четвероногие помощники.

Машины тронулись с места и поехали. На дорогах месиво из снега и грязи замерзло, был жуткий гололед. Дорога обещала быть долгой, машину постоянно относило в сторону. Более менее ровная дорога заканчивалась, начался подъём в гору по извилистой тропе. Она была опасная, чуть шаг в сторону и полетишь с обрыва. Машина значительно сбавила скорость, из-за этого чувствовались все дефекты дороги. Машина, где был Фронт, значительно отстала, остальные две машины давно уже скрылись из виду. Голова Фронта лежала возле входа в фургон, а холодные балерины легко падали на нос собаки. В салоне водителя был сам

он и два солдата, а в фургоне вместе с собаками сидел дремавший кинолог. Путь планировался дня на два, подходил к концу первый день, и запасы провизии потихоньку кончались. Фронт погрузился в свои раздумья и закрыл глаза, казалось, что он спит. Но пес лизал нос после каждой упавшей снежинки...

Вдруг машина резко остановилась, снег из-под колёс попал прямо в глаза Фронта. Машину занесло, ещё бы двадцать сантиметров, и машина бы свалилась с обрыва. Собаки встревожено соскочили с мест, а кинолог всё спал. Послышался немецкий говор, было понятно, что это засада. Одна из маленьких собачек выглянула из фургона и увидела, как водитель и солдаты вышли из машины с поднятыми руками, после было видно, как пятеро немцев что-то спрашивали у солдат, показывая головой на фургон. Водитель тревожно отвечал. Тогда один из немцев приложил ногу к колесу машины и что-то сказал. Лицо у водителя побледнело (он понимал немецкий), стало понятно, немец хочет столкнуть машину с обрыва. Колеса машины внезапно оторвались от земли... В эту минуту тринадцать собак выскочили из машины и стали скалить зубы, а Буч накинулся на одного из немцев, но это было лишнее. От неожиданности они бросили ружья и убежали куда-то. Всё было не так уж хорошо – при падении ружьё выстрелило, и пуля попала в плечо солдату. Все запасы еды и медикаментов были в упавшей машине.

Водитель и солдат положили себе на плечи раненого, делать было нечего, пришлось идти пешком. Хватило сил на полчаса, стало темнеть, люди и собаки заблудились, не оставалось ничего, как сесть под дерево в лесу. Люди прочистили небольшую поляну от снега и развели костёр. Раненого положили возле костра, у него был жар, он сильно бредил. Собаки же устроились чуть дальше людей и уснули.

Наутро собаки проснулись первыми, Фронт и Буч взяли верх над остальными.

– Ну, товарищи, мы влипли! Но не будем омрачаться. Давайте разберём, кто что умеет. Кто умеет охотиться зимой? – спросил Фронт.

– Я умею, но как видишь, я без ноги, – ответил Тобик, собака-сеттер.

– Я могу, – ответил уже знакомый нам Буч.

– Понятно, но если Тобик не может бежать за добычей, то может находить, а Буч догонять.

– Да, хорошая идея.

– Всё что ли? Больше никто не может охотиться? Странно, ведь вы же собаки, – не без удивления вставил Фронт.

– Ты не забывай, какие мы все!

– Мы тут все... – прикрикнул Фронт, – ну ладно, главное держаться вместе и не ссориться, ведь так?!

– Да! – бодро ответили собаки.

– Понятно одно, наши люди долго не протянут, а мы обязаны выжить, понятно?!

– Да!! – ещё бодрее ответили собаки.

– Так, Тобик, Буч, поймайте что-нибудь съестное, пока люди не проснулись, сможете?

– Попробуем...

Фронт посмотрел на собак таким пронзительным взглядом, что Буч и Тобик ответили по-другому:

– Да, сможем!

– Вот это дело, вот это я понимаю! – воскликнул Фронт.

Люди ещё спали, Буч с Тобиком пошли на охоту, остальные собаки разбились на пары. Солнце появилось на горизонте, собаки обошли людей. Выяснилось, что раненый солдат ночью умер, остальные были живы. Собаки понимали, что и двое других долго не протянут и надо что-то предпринимать.

Вокруг были высокие ели и сугробы. Тобика и Буча долго не было, все собаки погрузились в свои раздумья. Водитель стал храпеть всё громче и громче, и собаки очнулись. Фронт начал переживать за своих друзей, ушедших на охоту. Он стал сомневаться, что они что-нибудь поймают, но сейчас даже маленькая крыса пошла бы на пользу. Вдруг с рук солдата упало ружье, он заворочался, открывая глаза. Собаки испугались, но солдат лениво потянулся и снова уснул. Шёл, наверное, седьмой час, прошло сорок минут, как собаки ушли. Наконец-то послышался хруст снега от лап Буча и Тобика. В зубах Буч держал средних размеров зайца. Он положил его возле собак и, отдышавшись, сказал:

– Фуф... и трудная была работа! Хорошо, что погнались за тем

зайцем. Эх, мы, конечно, его не поймали, но зато он вывел нас в свою нору.

– Ага, пол-леса оббежали! Следы ещё путал! – пыхтя, сказал Тобик.

Голодные псы накинулись на зайца, но Фронт остановил их:

– Стойте, а люди? Пусть они разделят добычу, уверен – они тоже хотят есть!

– А они о нас не забудут? – спросила с недоверием самая маленькая собачка Лоша.

Фронт на минуту замолк, но быстро спохватился:

– Конечно, не забудут, мы же их друзья!

Собаки посмотрели на Фронта, немецкая овчарка Рекс хотела что-то сказать, но в этот момент проснулись люди. Солдат и водитель потянулись и посмотрели вокруг себя. Солдат провел глазами по потухшему костру и, увидев зайца, удивлённо сказал:

– А это откуда?

– Гав! – подал голос Буч.

– Это вы, друзья, что ли поймали? Ну, вы даете, молодцы! – солдат встал и погладил каждую собаку.

– Гм, смотри, наш раненый всё-таки погиб, жаль...

– Да... что с зайцем будем делать? – спросил сонный водитель.

– Как что?! Готовить!

– А ты сможешь?

– Ну, можно попробовать, у тебя есть нож. Надо стянуть с зайца шкуру, а мясо пожарить. Эх, всё-таки молодцы собаки, им надо, разумеется, тоже оставить. Нам по небольшому кусочку, а собакам. Так сколько их там, раз, два... тринадцать. Тринадцать... К сожалению, не все собаки выжили.

– Я удивляюсь, как они вообще успели выпрыгнуть!

– Да уж.

Собаки услышавшие, что речь идёт о них, начали вилять хвостами. Солдат начал гладить их, а они его радостно лизать.

– Ты не прохлаждайся там, лучше принеси хворост для костра, – с лёгкой улыбкой упрекнул водитель.

Началась готовка зайца. Собакам было забавно наблюдать за водителем, который пытался убрать Парамонов Пётр Иванович.

шкуру с зайца ножом, а после каждой неудачной попытки начинал закипать как чайник. Солдат немного смеялся над ним и пытался помочь. Собакам тоже было забавно наблюдать за раскрасневшимся человеком, у которого со лба лился градом пот, как будто стояла тридцатиградусная жара.

Разожгли костёр, снег вокруг растаял. Показалась земля, а на ней маленькие, единичные, зелённые ростки. Они были все помяты, как будто проснулись от долгого сна. Ростки слегка качались, словно говоря: «Уже весна, пора вставать?» Тобик закопал их снегом и сказал: «Спите, рано ещё» ...

Шкура зайца уже лежала на земле, а мясо было подвешено на палку. Огонь потрескивал, угли шипели, солнце было высоко, но мороз не хотел уступать теплу, он всё сильнее щипал собак за носы.

Заяц уже вкусно пахивал, а желудок Рекса и Лоши не выдержал – собаки начали лизать шкуру животного. Наконец-то готово мясо! Трапеза была весьма короткой, она не утолила голода собак. Ну что ж, делать нечего, надо искать путь к людям. Никто не знал, где они находились, наши герои забрели в самую глубь леса ...

9 глава

Кленовые семечки

После скромной трапезы тринадцать собак и два человека отправились в путь. Собаки шли впереди, проваливаясь в сугробах, они прочищали путь людям, хотя и после прохода собак дорога не становилась чище. Так продолжалось весь ноябрь. Спички у людей кончились, и им часто становилось плохо, тогда собаки несли их на себе, они понимали, что люди долго не протянут. И они не ошиблись, первого декабря скончался водитель, а второго – солдат, собаки продолжали идти дальше. Пятого декабря была сильная буря, друзья падали с ног, к тому же они давно не ели, иней намерзал на нос и шерсть. Вдруг четвероногие набрали на лисью нору. Фронт гавкнул внутрь. Оттуда недовольный лис высунул нос:

- Кто тут, зачем пришли?
- Мы собаки, помоги нам, мы умираем ...
- Ха, мне-то какое дело?! Умирайте дальше, – нос лиса исчез.

Это была катастрофа, но вдруг послышался писк, из норы высунулась маленькая мордочка молодой лисички:

– Проходите, путники.

Все собаки пролезли в узкий вход в нору, а сама нора оказалась весьма просторной. Лис, который первый раз встретил друзей, свернувшись калачиком, спал в углу, а молодая лиса обхаживала собак. Продрогшие до костей собаки наконец-то очутились в теплоте, с шерсти стала капать талая вода и образовалась лужа. Собаки упали без сознания...

Когда проснулся Буч, все ещё спали, а за ним наблюдала та милая лисичка:

– Как ты себя чувствуешь? – спросила лиса.

– Спасибо, нормально, только голова болит.

– Ничего страшного, тебя спасти удалось...

– В смысле?!

– К сожалению, три твоих товарища погибли...

– Кто это?! – нервно вскакивая, спросил Буч.

Лиса указала на немецкую овчарку Рекса, дворнягу Валтора и на сеттера Тобика.

Бучу стало не по себе. Вдруг он посмотрел загадочно на лисичку и спросил:

– Ния, это ты?

– Да, – голос лисы содрогнулся, – а это ты, Буч?

– Да.

– Ох, как же ты давно тут не был, с тех пор как застрелили лесника...

– Да, мне хотелось жить, мне ничего не оставалось больше...

– Тебя никто не винит, я тебе так благодарна.

– За что?! – Буч прекрасно помнил, за что благодарила его лиса.

– Как? Ты спас нас, вытащил из капканов!

– Это сделал не я, а мой хозяин.

– Ты же его позвал!

– Да, но твою маму спасти не удалось.

– Зато я жива! Ну, ладно... а ты знаешь, как выбраться из этого леса?

– Хмм, – лисичка ехидно улыбнулась, – ты вырос в этом лесу, а ориентироваться до сих пор не научился?

– Я знаю этот лес как свои лапы, но он такой заснеженный, и стал для меня такой дикий. Ведь меня тут не было изрядное время!

– Ой, да ладно тебе! Я, к сожалению, не знаю, можешь спросишь моего отца?

– Да, хорошая идея.

Ния позвала отца. Старый лис высунулся из угла и подошёл к лисе и собаке:

– Что надо? – протянул он усталым голосом.

– Ты помнишь Буча?

– О-о-о, пёс лесника! Ну, здравствуй дорогой! Как вы тут очутились? Вы случайно не те собаки, которые упали с обрыва вместе с машиной? – унылость и злость лиса как рукой сняло.

– Здравствуй Филс. Те, но мы успели выпрыгнуть.

– И вы до сих пор живы?! Чудеса, однако, чудеса!

– Помоги псам выбраться из этого леса, – вмешалась в разговор Ния.

– Мм, – лис покачал головой в знак отрицания, – дело в том, что я и сам никогда не бывал у границы, лес огромен. Кстати, ведь тут недалеко твой дом, дом нашего лесника.

– Правда?! Покажите мне его!

– Не кипятись, не кипятись, ты для начала из норы выберись, вход основательно занесло снегом. Откопаем его, пойдём.

– Хорошо, я помогу.

Буч полез к выходу, снег был будто бетонный, он с горем пополам поддавался давлению собаки и лиса. Мало-помалу вход становился чище, и животные пролезли наружу. Снега значительно прибавилось после бурана, лис бежал легко и быстро, а Буч то и дело проваливался в сугробы. Вот показался домик, заваленный снегом. Снег лежал до окон, а ветхая крыша еле-еле сдерживала его натиск. Буч взглянул на дом с тоской, помнится ему, как тут бегал, когда хозяин чистил снег, или летом наблюдал за удивительным миром жуков. А также вспомнил, как однажды по радио общили о начале войны...

– Как будешь заходить, – дверь засыпана.

- Смотри, окна разбиты. Тут были немцы, всё-таки?!
- Я боюсь, они нам ничего не оставили.
- Тогда зачем ты сюда меня привёл!
- Ну, мало ли... что найдёшь, вдруг, – опустив голову, сказал Филс, – ну что, лезем через окна?
- Лезем.

Они без особых хлопот пролезли в разбившееся окно и прошли внутрь дома. В доме царил бардак, кровать, точнее каркас от неё, был перевернут, также деревянный стол и стул были чёрные-чёрные, тоже перевернутые и поломанные. Возле стены стояла печь, слегка занесённая снегом, полы все были обледенелые, в доме (если его так можно назвать) стояла гробовая тишина и мерзлота. Буч прошёлся с ужасом по комнатушке, где все уютные подушки, коврики и пледы? Где те кружевные занавески на окнах, которые так старательно шила внучка лесника, ничего не осталось... Буч заглянул в печь, от чего его морда стала чёрная, обошёл каждый уголок, но ничего не нашёл. Филс заглянул под миниатюрный подоконник и нашёл свёрнутую потрёпанную бумагу. Она была замороженная, Буч с трудом вынул её из потайного места. Он с трепетом развернул бумагу, она начала таять и мокнуть. Буч осмотрел её и увидел размытые контуры и странные знаки и символы, вдруг пёс вспомнил, что это карта леса, которую подарили его хозяину, но лесник был упёрт и утверждал, что лес знает как свои пять пальцев, и заткнул картой щель под подоконником. Карта! Как же хорошо, не правда ли?! Но не тут-то было, пёс не понимал карты, и если бы даже и понимал, то ничего бы не разобрал – карта была обесцвечена. Пёс поник и не знал что делать. Вдруг он услышал, что лис чем-то играет, пёс повернулся к нему:

- Что это у тебя?
- Семена, наверное, кленовые.
- Кленовые?!
- Да, а что?!

Буча как молнией ударило, он вскочил и нервно отобрал семена у лиса.

- Кленовые... – ещё раз повторил Буч, – помнишь, хозяин посадил тут недалеко маленький клён?
- Да, конечно, только он не маленький, уж давно вырос.

– Ах, ведь ещё от него километров так в пятидесяти есть родник, не так ли?

– Да, вроде был какой-то, а что так обеспокоился?

– Просто я помню, когда мы ходили вдоль этого родника, я слышал шум машин, а машины... значит люди!

– Да, возможно, но как мне помниться, вы ходили намного выше? И там уж давно не родник, а болото, запах там даже зимой не из приятных.

– Да, мы уходили на много дней и ночевали в лесу. Так получается люди рядом?

– Да уж, рядом! – с иронией сказал Филс, – тут сотня километров, если не больше, мой друг, погибнете, не дойдёте.

– М-м-м, а что мне остаётся делать, не уж-то приютишь десять собак? – с задоринкой проговорил Буч, упирая на лисью жадность.

Филс косо посмотрел на собаку и сказал:

– Гм, тебе надо показать путь к клёну?

– Нет, я помню сам, и дойдём мы все к людям.

Буч показалось, что лис облегчённо выдохнул.

10 глава

Победа

Буч и Филс пошли обратно в нору. Все уже проснулись и выбрались наружу, и жадно ели то, что им принесла Ния. Буч перекусив, подошёл к Фронту:

– Фронт, должен тебя огорчить, мы зашли ещё глубже в лес, хотя и думали наоборот, но тут где-то в трех-четырех километрах от дома лесника есть клён, от него, если двигаться на восток, можно выйти к болоту, а дальше, если хорошо подумать и поискать, можно встретить людей.

– Откуда такая уверенность, Буч?

– Ты уверен, а я сомневаюсь, что собаки выдержат путь в три километра, а потом ещё до болота сколько идти, да и я сам не в лучшей форме...

– О чём ты говоришь?! Есть хоть какой-то шанс попасть к людям.

– Почему ты решил, что там люди?

– Я слышал гул машин, когда прогуливался в тех местах с хозяином, но сейчас всё, наверное, изменилось, раз немцы бывали здесь, то и, возможно, трассу перекрыли, но попытка не пытка, ведь так?

Фронт недоверчиво посмотрел на Буча.

– Ты мне не веришь?

– Верю, поступим, как ты скажешь, Буч, я верю тебе, – Фронт улыбнулся.

Фронт сделал объявление собакам об их дальнейшем пути, и в этот момент прибежала Ния, собаки даже не заметили, что она уходила. Она держала во рту очередную мышь, положив её на землю, сказала:

– Это, к сожалению, всё, что мы сможем предложить вам съестного.

– Спасибо, большое, – сказали собаки...

Вот с такими гостеприимными лесными обитателями познакомились собаки, вскоре их путь продолжился. Дорога к клёну была нетрудной, даже весёлой. Погода стояла тихая, морозы были не сильные, на радость псам. Но путь к болоту стал настоящей пыткой... Приближалось тридцать первое декабря, тридцать градусов мороза, была пурга, собак сбивало с ног, их засыпало снегом. Они лишились ещё пяти друзей. Небо затянуто тучами, ничего не было видно, пурга усилилась, снег больно бил в лицо, друзья всё шли. Но и пурга не сдавалась, она стремилась будто похоронить собак под толщей снега. Пурга победила... Собаки сдались, упали, их тут же завалило снегом. Фронт не чувствовал ни лап, ни хвоста, глаза отказались видеть, стало трудно дышать...

Прошло время, какая-то невиданная сила заставила собак прийти в себя и вылезти из-под снега, встать они не смогли. Небо стало звёздное, полная луна падала на снег, заставляя его искриться. Лёгкие снежинки падали на нос собак, наступил Новый год. Собаки зажмурили глаза и стали загадывать желания, а желание было одно – найти дорогу домой...

У одного пса случился жар, он не мог идти, а друзья его бросить. Две собаки пошли на охоту, две остались присматривать за больным. Буч уже был уверен, что сбился с намеченной траектории. Самое страшное, что уже предательски начинало пахнуть бо-

лотом, но о людях ни слуху ни духу, Фронт его подбадривал, хотя ему самому становилось всё хуже.

Так проходил январь, начинался февраль. Тёплые будто весенние деньки сменялись суровыми буранами. Остались только три собаки: Фронт, Буч и Шарик. Они хорошо понимали, что долго они не протянут. Все три собаки ходили на охоту, грызуны попадались всё крупнее, на радость псам. В один из дней погода стояла солнечная и безветренная, но мороз давал о себе знать. Собаки долго шли без остановок и решили сделать привал. Передохнув, они отправились на охоту, но никто им не попадался, только суетливые вороны каркали в вышках деревьев. Внезапно Шарик присел, прижал уши и затих в ожидании чего-то. Вдруг мимо собак прошуршала мышь. Шарик хотел уже помчаться за ней, но собачья отвлётка другой звук. Еле-еле слышные шаги...

– Вы слышите, будто шаги? – сказал Буч.

– Да, здесь люди... – ответил Фронт.

– Ура, люди! – пролаял Шарик.

– Ш-ш-ш-ш-ш, вдруг немцы... аккуратней... – прошептал Фронт.

Шарик сразу присмирел. Друзья замолчали и продолжительное время слушали. Вскоре без того еле слышные шаги стали утихать, а потом и вовсе утихли. Подождав пару минут, собаки отправились к тому месту, откуда слышались шаги. Добежав, они почуяли людей. Там же лежали потухшие угли и множество следов. Фронт стал нервно нюхать землю:

– Люди, наши! – воскликнул Фронт

– Как понял?

– Знаю, чувствую! – ещё больше закричал Фронт, – пошли по следам.

– Тихе, тихе малой, всю радость не расплескай!

– Быстрой. Пока ветер не замёл их!

Друзья пошли по следам, шли долго. Уже выплыла луна и горели звезды, а они всё шли и шли...

– Надо бы отдохнуть. Фронт, я уже не вижу своего носа, – пыхтя, сказал Буч.

– Боюсь, никак нет, следы могут заместиться, – не обращая внимания на друзей, сказал Фронт.

– Фронт, мы устали, давай отдохнём, погода, вроде, тихая, ветра нет. – Жаловался Шарик.

– Но...

– Никаких «но», Фронт, мы долго идём, надо отдохнуть. Погода и в правду тихая, (тьфу, чтоб не сглазить), ничего не случится, поверь, – обнадежил Буч.

– Хорошо, надо отдохнуть, – сдался Фронт.

Друзья улеглись под деревом. Шарик и Буч уснули, а Фронт не мог. В его голову лезли коварные мысли, не дававшие уснуть.

«Куда я иду? Зачем я иду, а главное к кому?» – Фронт ловил себя на мысли, что он хочет вернуться к своим самым первым хозяевам. Он вспоминал, как его оставили в вагоне поезда, вспомнил, что упустил.... Он утешал себя: «Меня не бросили, наверное, в спешке, меня случайно оставили». Фронт почувствовал свой тесный ошейник. Он стал успокаиваться и старался вспомнить только самые приятные моменты в своей жизни. Вскоре он уснул.

Первым проснулся Шарик и изумился, когда открыл глаза. Где-то вдалеке за столетними елями стояло здание, чёрными точками мелькали машины и люди. Шарик смотрел на это, обомлев, а через минуту радостно залаял, как щенок. Проснулись Фронт и Буч. Они тоже не поверили своим глазам:

Путь был долгий, ветер свистел в ушах собак, они мчались со всех лап. Наконец-то кончились надоедливые деревья, отчётливо показалось большое здание, за которым начиналась оживлённая дорога, уходившая куда-то под гору. Люди в военной форме ходили взад и вперёд, собаки хотели уже бежать к ним, но заметили, что территория огорожена егозой. Собаки в один голос залаяли, солдат, проходившей мимо, услышал лай и посмотрел на собак.

– Вы кто и как оказались здесь? Из леса что ли? – удивлённо, но вместе с тем с иронией сказал солдат, – странно, вы, наверное, голодные, пошли за мной, – солдат пропустил собак, и они отправились к большому зданию. По пути им встретились другие собаки, и тогда Фронт понял, в каком плачевном состоянии находится его шерсть. Следом за солдатом друзья прошли в здание, там их завели в кабинет. Их встретил мужчина с седыми волосами, который изучал бумаги на столе.

– Товарищ майор, я обнаружил этих собак возле леса, что прикажете делать с ними?

Майор поднял голову и сказал:

– Так, собаки говоришь... Откуда они взялись, думаешь, из леса пришли? Так, посмотри, есть ли ошейники.

Солдат посмотрел и ответил:

– Да, есть. Вот на этом написано Буч, на этом Шарик, а на этом Фронт.

– Гм ... сейчас посмотрю, – просмотрев какую-то папку, майор встревожено сказал, – стоп, эти же собаки пропали без вести. По неточным данным этих собак должна были перевезти на машине номер ****. Но она перевернулась ... так, а этого Фронт зовут, вроде похож ...

– В чём дело?

– Помнишь собаку, которую искали три года назад?

– Да.

– Вот этот пёс попадает под описание и кличка.

– Точно!

– Отправь запрос об этих собаках: где служили, как служили, чтобы к вечеру было всё готово! Понятно?

– Да, а что с собаками делать?

– Накормить и пусть их осмотрит врач.

– Будет сделано!

Собак осмотрел врач, на удивление у них были несерьезные обморожения, простуда, они очень похудели, и когда собакам дали еды, они набросились на неё. К вечеру отчёт о собаках был готов, майор внимательно его изучил и много раз повторил: «Чудеса!» После этого майор обратился к солдату:

– А ты знаешь, эти собаки – настоящие герои! Тысячи спасённых жизней на счету, плюс к этому они выдержали путь сюда! Вы, мои дорогие собаки, награждаетесь орденом верности и чести за заслуги перед Родиной!..

На историческом Параде Победы наряду со всеми родами войск шли и подразделения военных собаководов. Фронт «чеканил» шаг со своим хозяином. Пёс увидел своего товарища:

Джувльбарс, лежа на кителе Сталина, подмигнул Фронту. Друг жив, как же хорошо!

Судьбы целых народов и империй находились в лапах героев-животных...

11 глава

Хвала хвостатым воинам

Не спорю, за всю историю человечества люди совершили немало отважных и храбрых поступков. Но всё же истории про собак, демонстрирующих истинно высокие чувства, такие как верность, преданность и любовь, имеют куда меньшую огласку.

По военным дорогам от Москвы до Берлина проползло, прошагало, проехало и пробежало 68 тысяч Мухтаров, Бобиков и Фронтов: породистых и не очень, больших и малых, гладких и лохматых. Все они внесли неоценимый вклад в великое дело.

Собаки-миноискатели разминировали многие военные дороги, протяжённость которых составляет 15 153 километра. Санитарные собаки находили тяжелораненых солдат в болотах, лесах, оврагах и приводили к ним санитаров, неся на своих спинах тюки с медикаментами и перевязочным материалом. Четвероногие буквально вылизывали раненых и приводили их в чувства, затем подставляли солдату свой бок, чтобы человек смог открыть санитарную сумку, сделать себе перевязку и перевалиться на санки.

За боевые заслуги многие вожатые собак получали боевые награды, а те, кто, повинувшись человеку, служа верой, преданностью и правдой, в лучшем случае, получали кусок сахара или ломоть хлеба. Да им и этого вполне хватало – лишь бы хозяин был жив и здоров!

По героическим собакам не объявляют минуту молчания. Но они заслуживают того, чтобы о них вспоминали всегда как о боевых друзьях. Тех псов уже давно нет в живых, но я уверена, что среди ветеранов есть те, кто дожил до сегодняшнего дня благодаря собакам...

Память о бессмертных подвигах хвостатых воинов жива!

Аленов Григорий Михайлович родился 12 декабря 2003 года в городе Пензе. В настоящее время обучается в 5 «Б» классе классической гимназии № 1 им. В. Г. Белинского города Пензы.

Является участником и призёром городских олимпиад и конкурсов. Обучается на «отлично». Имеет похвальные грамоты.

Дополнительно учится в школе искусств «Квинта» по классу фортепиано.

ОТ АВТОРА

Однажды, проходя мимо краеведческого музея, мой взгляд невольно упал на танк, стоящий на высоком мраморном постаменте. В тот момент он показался мне каким-то величавым и доблестным с гордо устремленным в небо дулом пушки.

Но в то же время в нём было что-то утрашающим и отталкивающим. Наверное, потому, что он напоминал нам о годах Великой Отечественной войны, о её героях, о страданиях и подвигах бесстрашных защитников нашей прекрасной Родины. О том, как погибали тысячи людей, о том, как провожали матери на фронт своих мужей и сынов, как получали похоронки.

Нам тяжело сегодня об этом вспоминать, но и забывать мы не вправе о тех далеких и суровых годах.

Моя поэма посвящена всем, кто сражался на фронтах Великой Отечественной войны, кто победил, кто отдал свою жизнь за светлое будущее. И, в частности, моему прадеду – Жгуту Александру Ивановичу, который воевал на Курской дуге и погиб на полях сражений.

В своей поэме я рассказал о подвиге командира танковой роты Александра Ивановича Милюкова – нашего земляка, воевавшего на Курской дуге.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ МИЛЮКОВ

Александр Иванович Милюков – командир танковой роты 53 гвардейской танковой бригады, 6-го гвардейского танкового корпуса, 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта.

Родился Александр Милюков 19 февраля 1923 г. в крестьянской семье в селе Наровчат Пензенской области. В 1940 г. окончил 10 классов средней школы, а в следующем – школу Гражданского воздушного флота. В том же году призван в Красную Армию.

Александр Милюков попал на фронт в 1942 году. Воевал на Воронежском, Брянском, Сталинградском, 1-м Украинском фронтах. Дважды тяжело ранен, контужен. После того как его КВ подбили, пересел на Т-34, вскоре стал командиром танка.

В феврале 1943-го в боях за Харьков его экипаж одержал первую победу – уничтожил «тигр», который по многим параметрам превосходил тридцатьчетверку. Под тем же Харьковом Александр горел в танке. В самый разгар боев на Курской дуге Милюков в смертельном поединке сжег «пантеру» немецкого аса, а затем еще три «тигра».

В 1944 г. окончил танковое училище в Саратове. В дальнейшем – командир танкового взвода, гвардии младший лейтенант.

В наступательных боях 1945 года со своим взводом успешно форсировал реки Пейсе, Шпрее, канал Тельтов. В боях за город Гольсен взвод уничтожил два танка и до пятидесяти солдат противника. В уличных боях за город. Берут уничтожил противотанковые орудия, 80 машин, до 40 немецких солдат. В Берлине, умело организовывая уличные бои своего взвода, взламывал заграждения, обращая в бегство врага, смял гусеницами четыре зенитных орудия, шесть пулеметов, много немецких солдат и офицеров! Будучи ранен, не покинул поле боя, продолжал выполнять боевую задачу.

27 июня 1945 г. за проявленные мужество и героизм удостоен звания Героя Советского Союза.

Смертельный поединок

Овраги. Балки.
Безлесье. Поле.
Люди. Пушки.
Танки...

– Эй, Пенза, ты ещё не сдох!
Я думал, ты изжарился в машине! –
Тут злобный голос немца
Прохрипел в эфире.

– Эй, тракторист, не дрейфь
И выходи, как рыцарь,
Один против моей «пантеры»
На смертельную дуэль!

Был риск велик,
Но вызов немца принят,
Чтоб постоять за Родину,
Россию!

И вот они сошлись
Заклятых два врага.
Бой на мгновение затих,
И воцарилась тишина.

Столкнулись жизнь и смерть,
На время пушки замолчали,
И только пристально солдаты наблюдали
За поединком тем.

Кто в схватке победит?
К кому придёт успех?
Как будто б этот поединок мог решить
Исход борьбы для всех.

Взревел мотор, и цепь блеснула,
«Пантера» медленно,
Раскрыв зияющее дуло,
Пошла навстречу, набирая ход.

Ухаб, ещё ухаб,
Наш танк летел стрелой,
А сбоку красовалась надпись «Пенза»,
Откуда родом был герой.

Залп прогремел,
Из пасти танка вылетело пламя,
Раздался мощный взрыв ...
Но русский танк в бою непобедим!
– Ну, гад, держись!
Огонь, поддайте фрицу жару!
Подумаешь, какой герой,
Ещё не видел ты пожара!

Наш командир «огонь» скомандовал не раз,
Но все снаряды мимо проходили,
Советские танкисты поняли тотчас,
Что той «пантерой» управляет ас.

Решенье принято:
Чтоб огневую партию вести на равных,
Любым путём приблизиться
К «пантере» надо.

Снаряд, ещё снаряд взорвался
Рядом с русским танком.
Прибавить скорость
Или дать по тормозам?

А немец хитрым оказался,
Свою «пантеру» он берёт,
Ни разу борт её

Открытым нам не показался.

Ну что ж, держись фашист!
Решили в раз:
Пусть немец раззадорится
И первым выстрелит сейчас.

«Хитрющий» выстрелил,
Наш танк рванул.
Команда: «Скорость!»
И командир наш немца обманул.

Огонь, ещё огонь!
Броня заскрежетала,
Вся, оцетинившись и словно озверев,
В бессилии «пантера» отступала.

То резко тормозя,
То в сторону бросаясь ...
Пригорок, спуск ...
И днище показалось!

В прицеле точен наш боец,
«Пантеру» охватило пламя,
Танк встал, как вкопанный,
Не веря в свой конец.

Так был развенчан культ непобедимости
«Пантер» и «тигров»,
Развенчал его
Танкист наш, Александр Милюков.

Прошли года, утихли боевые раны,
Жизнь продолжается в стране...
И вот однажды в сельском клубе
В Наровчате
Мы смотрим фильмы о войне...

И вдруг на пленке видим...
– Сашка! Смотри, наш Сашка в танке
Весь горит в огне!
Клубами дым всё застилает,
И ничего не видно...
– Где ж он, где?

Мать дважды получала похоронку,
Ждала и верила ... Конец войне!
Наш командир в Берлин
Прорвался самым первым
На боевом стальном коне.

И всем смертям назло
Живой и невредимый
Вернулся наш танкист домой.
Ушёл мальчишкой в 41-ом
Вернулся в 45-ом как герой!

Ольга Скороход в настоящее время учится в 11-м классе. В свободное время посещает занятия в студии журналистики Пудожского районного Дома детского творчества.

ОНИ СПОСОБНЫ НА БОЛЬШЕЕ

Война вместила в себя всё. Ненависть и любовь, жестокость и доброту, преданность и предательство... Нет, не так. Война – это тоже жизнь, только её дни омыты слезами и кровью, наполнены испытаниями и расставаниями... Но в этой жизни были и победы, и любовь, и радость встреч, и минуты нежности, счастья... Вот так. И может, кого-то удивит, что я буду писать о собаке. Война и собаки? Да, представьте.

Люди настолько привыкли к тому, что стоит лишь свистнуть, и их четвероногий друг будет рядом. К сожалению, не все задумываются о том, какую же значимую роль играет это животное в нашей жизни. Вспомните, кто готов радостно маячить перед глазами, когда ваше настроение неустанно стремится к абсолютному нулю. Кто составляет вам компанию в то время, когда друзья заняты собственными делами? Да, это они. Наши четвероногие. Но собаки способны и на большее.

Аркадий Русланович Беляев был одним из тех редких людей, которые при всей своей скрупулёзности и запасливости могли разрешить себе съесть за раз тарелку макарон и два кусочка хлеба. В то время (а речь сейчас идет как раз о 40-х годах) подобная расточительность была непозволительной роскошью как для простого заводского рабочего, коим являлся наш герой, так и для начальника какого-либо предприятия. Но

именно благодаря такому рациону он мог три дня подряд держаться на ногах и исправно работать во благо своей родины. Аркаша, как звала его местная детвора, жил в двухэтажном бараке вместе с дядей Игорем – старым, почти ничего не слышащим мужчиной, который целыми днями сидел у окна, закутавшись в свой шерстяной кардиган, и читал Добролюбова. Они почти никогда не разговаривали и терпели друг друга только потому, что могли таким образом значительно сэкономить как на еде, так и на коммунальных услугах. Беляеву на тот момент шел 21 год. Образования, как такового, он не получил, однако еще с малолетства взял в привычку читать медицинские статьи, что опубликовывались в местной газетенке. Одевался он более менее опрятно и, вообще, на первый взгляд это был самый обычный и вежливый молодой человек.

Шёл 1940 год. Начало Второй мировой войны перевернуло с ног на голову всю жизнь обитателей того маленького городка. Аркадий, как и любой другой трудоспособный мужчина, был вынужден работать вдвое, а то и втрое дольше своего обычного графика. Изменился и сам характер работы. Нельзя сказать, что это никак не отразилось на Беляеве. Он стал более замкнутым, но всё также здоровался со всеми мужиками на работе; он похудел, но его сосед, дядя Игорь, не замечал за ним недоедания; он работал всё так же исправно, однако в его глазах чувствовалась какая-то отстранённость. Словом, Аркаша как бы ушёл в себя.

На протяжении нескольких месяцев лицо Беляева всё больше вытягивалось, и всем его знакомым казалось, что тот вот-вот исчезнет – так он был бледен. Наступил февраль 1941-го. О, как же холоден был этот февраль. Тоненький тулупчик Аркадия Руслановича хоть и не позволял ветру заключить в свои объятия хрупкое тельце мужчины, но и не мог обеспечить полной защиты от суровой русской зимухи.

В один из таких заснеженных дней Беляев как раз возвращался с работы, когда услышал тоненький писк. Быть может, если бы именно в тот день его задержали на заводе или нагрузили дополнительной нормой, то Аркадий просто бы прошёл мимо, раздражительно озираясь, но ничего из вышеперечисленного не произошло, и наш герой, к счастью (или несчастью, пока неизвестно),

остановился. Писк повторился. В этот раз он был более жалобным и тихим. Аркадий осторожно зашагал в сторону источника звука. Из-за летящих в глаза снежных хлопьев он не сразу догадался, кто так отчаянно пытался привлечь его внимание. Сначала Беляев смог разглядеть пару тёмных, как смоль, ушек. Они-то выглядели из-за кучки снега, то пугливо прятались, едва заслышав шум. Затем показался хвостик. Он раскачивался из стороны в сторону, словно в него был встроен какой-то механизм. И буквально через минуту из-за сугроба вышел, слегка пошатываясь, небольшой щенок, который всем видом показывал, как ему холодно.

Аркадий замер. Ему не часто приходилось сталкиваться с собаками. Быть может, всё дело в том, что его мать слишком сильно оберегала его от «контакта с внешним миром», а быть может, он сам боялся открыть для себя что-то новое. На первых порах ему казалось, что перед ним сидит волчонок. Только потом, разглядев коричневое пятно на спинке, он понял, что это за существо.

– Чего тебе? – буркнул Беляев.

Щенок ответил звонким тьявканьем и сделал два шага вперёд.

– У меня ничего нет, – продолжал Беляев.

По-видимому, щенка и правда не волновало, что Беляев не готов поделиться с ним даже толикой ласки и теплоты, не то что едой. Несмотря на это, существо подпрыгнуло вверх и на этот раз вплотную прижалось к ногам. Аркадий выдавил неловкий смешок, слегка отодвинул его и зашагал в сторону своего дома.

Всю дорогу животное пыталось обратить на себя внимание: сначала оно обгоняло Беляева, радостно тьявкало, а уже потом вертелось в ногах, заставляя замедлить ход.

Снег всё продолжать падать, и на дорогах образовывались высоченные сугробы. В одной из таких горок и застрял наш малыш. Нет, не подумайте, он легко мог выбраться, но липкие снежные комки были так привлекательны, что отказать в игре с ними было практически невозможно. Аркадий облегчённо вздохнул и обрадовался мысли, что ему не придется прикармливать этого надоеду.

Последние десять минут мужчина провёл в полной тишине и благополучно добрался до дома, если, конечно, не считать насквозь вымокших носков. Он и подумать не мог, что, подойдя к двери, обнаружит того самого щенка. Оказывается, маленький

шалун всё это время волочился за ним следом, а под конец даже обогнал нашего героя.

Аркадий, бросив усталый взгляд на это дрожащее существо, лишь тихонько отворил дверь и, не в силах более противиться настойчивости животного, впустил его внутрь. Щенок радостно тявкнул и забежал в подъезд.

Комната Беляева была обставлена очень бедно. Потрёпанное временем охристое кресло в левом углу, деревянный стол в середине, на котором лежали свежая газета и ломтик хлеба, тусклая люстра в виде тюльпана и разбросанные кое-где предметы одежды – вот, пожалуй, всё, что можно было сказать о ней.

Войдя, Аркадий опустился в кресло и, подперев рукой голову, закрыл глаза. Он слишком устал, чтобы есть, чтобы читать... чтобы жить.

– Гав, – настойчиво прозвучало где-то рядом.

Только спустя пару секунд мужчина осознал, что находится в комнате не один. Он приоткрыл один глаз и увидел перед собой источник шума.

– Хочешь есть? – неожиданно ласково спросил он.

– Гав, – утвердительно прозвучало в ответ.

Аркадий медленно встал и, слегка пошатываясь, подошёл к столу. Он увидел лежащий на нем ломтик хлеба, отломил небольшой кусочек и, наклонившись, протянул собаке. Та сначала удивилась неожиданной щедрости мужчины и недоверчиво понюхала хлеб на ладони.

– А ты у нас ещё и привереда, оказывается, – усмехнулся Беляев, но не убрал руки. В эту минуту щенок в мгновение ока схватил желанную еду и стал с наслаждением причмокивать. Это очень насмешило мужчину, и тот, сев на пол, начал с вниманием наблюдать за животным.

– Что ж, пожалуй, ты заслужил ещё немного.

Спустя полгода наш тощий, облезлый щенок превратился в крепкого и энергичного пса по имени Филя. Аркадий настолько привязался к собаке, что не мог обойтись без него даже по дороге на работу. То же можно было сказать и о животном: оно бесконечно глубоко и искренне стало предано нашему герою.

Несмотря на то, что часть своей порции Беляев отдавал Филе, он нисколько не похудел. Напротив, все кругом стали замечать, что герой «порозовел и даже как будто поправился». На все эти комплименты Аркадий только с улыбкой отвечал, что, наконец, стал соблюдать режим дня. О собаке же жильцы барака ничего не знали. Или, лучше сказать, не хотели знать. Пёс не докучал протяжным воем по ночам и никому не мешал днём, так что все кругом были равнодушны.

В один из августовских вечеров 1941 года в дверь постучали. Беляев в это самое время ужинал и слушал новости по радио, Филя едва слышно посапывал в кресле. Второй стук прозвучал более настойчиво, поэтому Аркадий Русланович, не медля, отложил тарелку с супом в сторону и зашагал к двери. Филя поднял голову и наострил уши. – Здравия желаю, товарищ Беляев. Меня зовут Григорий Оттягаев, – сухо отрапортовал незнакомец, одетый в стандартную зеленую гимнастерку и новенькие свободные шаровары. Из его левого нагрудного кармана виделся поводок, который в первую же секунду привлек внимание нашего героя. Пришедший всем видом показывал свою важность и даже не моргал, отчего его и без того большие карие глаза, выглядели беспокойно. Его взгляд сначала окинул всю комнату, удовлетворенно остановился на собаке, а затем плавно опустился на Аркадия.

– У меня приказ, – продолжал он. – В связи с военным положением высшие инстанции вынуждены использовать все имеющиеся в нашем распоряжении ресурсы. Таким образом, я конфиденциально этого пса для формирования ездово-санитарной упряжки.

Аркадий недоумённо посмотрел на паренька.

– Что, простите? Филю? Для ездово-санитарной упряжки? Он же до сих пор гоняет голубей по двору, какие с него упряжки? – Беляев чуть усмехнулся, однако Оттягаев даже не моргнул.

– Начальство требует, что поделаешь.

Тут Аркадий понял, что все серьёзно. Улыбка исчезла с его лица и он, опустив взгляд, медленно зашагал в сторону своего пса. Тот же в свою очередь непонимающе озирался, высовывал язык и жалобно скулил.

Оттягаев прошёл в комнату, достал поводок из того само-

го кармана и опустился на колени рядом с Беляевым. Прощание было недолгим. Аркадий ласково потрепал Филю за ухом, чуть приобнял его и, не вымолвив ни слова, поднялся.

– Забирайте, – приглушённо произнёс он и отвернулся.

Щелчок застёжки на поводке, жалобные мычания, перерастающие в пискливый лай и громкий скрежет когтей, хлопок дверью и давящая, глухая тишина, протяжный вой собаки.

Следующие три года Аркадий находился в самом пекле военных событий. Дело в том, что сразу же после того как Оттягаев забрал собаку, Беляев добился, чтобы его взяли на фронт, и до 1944 года искал Филю. Он не мог и не желал смириться с тем, что его лучший друг самоотверженно борется ради спасения чужих жизней, а он, человек, просиживает свои дни дома, в тепле. Его поиски не приносили никаких результатов: кого бы ни спрашивал Беляев, все лишь отрицательно пожимали плечами и удивлялись, как вообще можно было волноваться за жизнь простого пса. Но герой не терял надежды. Даже получив ранение в левую ногу и пролежав в госпитале целый месяц, он опять ушёл на фронт.

В сентябре 1944 года он стал участником Прибалтийской операции. В конце месяца была успешно освобождена материковая часть ЭССР, и Беляев получил медаль «За отвагу». Аркадий Русланович возмужал. Это уже был не прежний Аркаша, а статный, смелый лейтенант, отважно сражающийся во благо своей Родины.

Война – это время, не щадящее никого. Время, меняющее не только характеры.

Шёл ноябрь 1944 года. Ранение в ногу, полученное Аркадием ещё год назад, давало о себе знать, колено изредка побаливало, но Аркадий рвался в бой.

И вот он в самом разгаре боевых действий. Уверенно огибает одно укрытие за другим, без тени сомнения расправляется с каждым немцем, стоящим на пути. Но судьба (о, коварная судьба) распорядилась иначе его жизнью. То самое ранение, та самая левая нога не вовремя подкосилась, и Беляев рухнул, не в силах стерпеть боль. А немец не дал слабину, продолжил своё наступление, от боли и обиды одновременно будто заскулил Беляев.

Боль. Дикая боль по всему телу. Всё, что помнил Аркадий, так это чей-то протяжный и успокаивающий вой, шумное грохотание и пронзающий всё тело ветер.

Беляев открыл глаза и тут же понял, что окружен по меньшей мере пятнадцатью молодыми солдатами. Они наперебой о чём-то говорили и радостно трепали его за плечо.

– Ну, лейтенант, вы у нас герой теперь, – произнёс невысокий паренёк, стоящий ближе всех к Беляеву.

Аркадий недоумённо моргнул и своим молчанием дал понять, что не имеет представления, о чем идет речь.

– Ну, полно вам, лейтенант, уклоняться. Мало того, что сами чуть не погибли, так спасли нашего подполковника. Ну, лейтенант, ну даёте.

Аркадий погрузился в свои мысли. Нет, конечно, он мог каким-то чудным образом спасти чужую жизнь, но не в таком состоянии. В ту же секунду он уловил едва слышимое попискивание, то самое, которое привлекало его внимание в заснеженный февраль 1941 года. Беляев привстал. Чёрное, как смоль, тело и небольшое коричневое пятно на спине – ошибки быть не могло.

– ...ну и тут я не струсил, как да-а-ал ему...

– Солдат! – прервал Аркадий говорившего в то время паренька. – Солдат! Что это за пёс? Отвечай, ну же!

Парень было растерялся, замолк на секунду, но в следующее мгновение, радостно улыбаясь, продолжал:

– А-а-а, вы о Филимоне. Тот ещё смельчак. Спас по меньшей мере 400 человек, живая легенда у нас тут. Правда, этот бой окажется для него последним – в беднягу попала шальная пуля как раз в то время, когда вас доставили сюда. Боюсь, не выживет. Беляев мигом соскочил с кровати и, забыв о всякой боли, бросился к псу. Он понял, он, наконец, понял, что это была его собака, его Филя, благодаря которому он уцелел в этот кровавой бойне. Именно этот пёс спас его и подполковника, именно его вой он слышал перед тем, как потерял сознание.

– Филя! – выкрикнул Аркадий, находясь в полуметре от животного.

Пёс из последних сил повернул морду в сторону Беляева, ра-

достно тьякнул, подтверждая, что услышал его, и прикрыл глаза с чувством выполненного долга.

На следующее утро прибыл подполковник, узнавший своего настоящего спасителя. Он приказал солдатам выкопать могилу и похоронить пса со всеми почестями. После церемонии он тихонько подошёл к Беляеву и, положив ему руку на плечо, произнёс:

– Молодец, лейтенант. Я очень обязан твоему псу. И, что уж таить, ему обязана добрая половина нашего взвода. Это был не просто пёс, лейтенант, это был наш ангел-хранитель. С этими словами подполковник последний раз взглянул на могилу и ушёл.

Начался дождь. Беляев ещё долго стоял на месте и, не моргая, смотрел, как крупные капли падают о землю и размывают свежескопанный песок.

Подводя итоги, я бы хотела призвать читателя к тому, чтобы тот помнил не только о тех великих людях, благодаря которым была завоёвана наша победа, но и помнили собак, отважно помогающих нам во всех случаях жизни. Это и Джульбарс, обнаруживший 7468 мин и более 150 снарядов, собака-диверсант Дина, которой удалось взорвать немецкий воинский эшелон, шотландский колли Дик, нашедший за годы войны более 12 тысяч мин и многие–многие другие. Также я хотела бы отметить и своего пса, который (я уверена) получил бы не одну медаль в те годы и который навсегда останется героем лично для меня.